

НАСЛЕДНИК БУРИ

Я обрёл новую жизнь в мире, где в центре империи бушует великий Вихрь, а власть поделили Рода одарённых, получившие от него свою силу.

Вихрь стал источником богатства, но также и постоянной угрозой, и адепты новой веры предрекают рождение мессии, одарённого, способного обуздать непокорную стихию.

Вот только способности достались подонку, перерождённому из другого мира. Мне.

И никто из них не собирается воздавать мне почести, наоборот. Изменение миропорядка никому не выгодно, и непокорного мессию проще убить.

Но ветер перемен уже не остановить, и когда настанет время, я обрушу на них великую Бурю.

Глава 1

Мне снился странный сон, будто я целую вечность стоял на пляже, совершенно обнажённый, обдуваемый холодным бризом. И я смотрел на устрашающую стихию, массивный ураган, который медленно, но неотвратимо приближался ко мне. Гул становился всё громче, порывы ветра сталкивали меня с места. Солёные капли стекали по лицу, оставляя на губах металлический привкус, так похожий на...

Кровь.

Раскрыв глаза, я сипло вдохнул, разом ощутив тяжесть собственного тела. Гравитация придавила меня к спортивному мату. Я не мог пошевелиться, лишь безучастно смотрел на красный ручеёк, оставлявший бороздку на пыльной поверхности.

Чувствительность возвращалась ноющей болью в затылке и противным, металлическим привкусом крови. Мышцы пронзали тысячи игл. Похоже, я отлежал себе всё тело...

— Он жив! Смотрите, шевелится!

Высокий мальчишеский голос прозвенел как устаревший будильник, назойливый и неотвратимый, способный поднять человека даже из могилы. Безумно хотелось заткнуть уши, но руки совсем не слушались. Каждое движение отзывалось болезненным покалыванием, но я упрямо продолжал ёрзать. Всегда себе повторял, что движение — это жизнь!

— Повезло тебе, — прозвучал сердитый голос. — Если бы он сдох, я бы тебя вместе с ним похоронил.

— Но я же говорил, что плохо даром владею! Ты не слушал!

— Уже не важно. Дело сделано.

Смирившись со звоном голосов, я медленно дышал, постепенно возвращаясь в норму, и вместе с усталыми мышцами пробуждалось множество вопросов. Какого, собственно, хрена происходит, где я, кто эти ублюдки, избившие меня, и... Кто я?

Общее состояние похоже на последствия ночного угара, но с потерей памяти я сталкиваюсь впервые. Даже собственное имя вертелось на языке, но неизбежно ускользало. И стоило сконцентрироваться, попытаться вспомнить, как я очутился в аду...

Сжавшись в позе эмбриона, я схватился за голову и застонал. Мозги будто пожирали черви, и как бы сильно я не давил, боль отступила лишь тогда, когда я прекратил даже малейшие попытки вспомнить. Всё внимание я сосредоточил на одной простой мысли, выстраивая на ней реальность, как на фундаменте.

Я в опасности.

— Так у нас вышло? Теперь он станет дурачком?

— Да он и раньше не особо умным был, — довольно заржал незнакомец.

— Но...

— Откуда мне знать? Я не могу заглянуть ему в голову! Мы сделали так, как велел отец, и если Федя не стал овощем, это уже не наша забота.

Заставив себя подняться на локтях, я огляделся по сторонам: исчерченный линиями пол напоминал разметку в спортивном зале, только вместо стенок-лестниц — стойки с шестами разной длины. Характерного запаха пота не было. Вместо него, здесь пахло пылью и запустением. Окон нет, дверь всего одна, да и ту преграждает троица подростков.

Их спортивные костюмы дорогого покроя, но вышитый на груди символ мне незнаком.

Непопулярный бренд, или эмблема гимназии? Дьявольщина, что я забыл в какой-то долбанной школе?

Пока я изучал их, парни наблюдали за мной. Тощий со звонким голосом стоял в стороне, сгорбившись и пряча руки в карманах. Крепыш, с закатанным до локтя рукавом, замер за спиной очевидного главаря. В глаза бросился его подбородок, острый, как у старухи из старого мультика. Впалые щёки, прилизанная причёска, и нахальный, надменный взгляд "хозяина жизни".

— Узнаёшь меня, Федя?

Его лицо показалось знакомым, в глубине души пробуждалась свирепая ярость к этому человеку. Стиснув зубы, я встретил его взгляд и позволил ярости распалиться. Мало того, что избил, так он ещё и издевается! Таких надо сразу ставить на место, иначе всю жизнь испоганят. Совсем недавно давал этот совет одному пареньку, сыну одноклассника, а теперь будто сам стал... Школьником?

Забыть. Срочно забыть! Сначала выберусь отсюда, а потом уже можно умирать от боли. Так, что мы имеем? Как минимум, двое из трёх опасны, но они похожи на доморощенную золотую молодёжь, уличной крысе они не ровня. На моей стороне внезапность, на их — численный перевес. Нормальный расклад, шансы есть.

"Подбородок" присел на корточки, и, продолжая ухмыляться, потребовал:

— Давай, Аронов. Сосчитай до пяти.

— Раз два три четыре пять, — просипел я, опираясь на колено, — сейчас буду убивать...

Парень только раскрыл рот, и я смачно впечатал кулак ему в висок. Хороший вышел удар, хлёсткий. Не дав ему рухнуть на спину, подтянул за кофту и врезал ещё раз и ещё, но его приятели опомнились, подскочили, пытаюсь схватить за плечи.

Кувыркнулся в сторону, подсёк тощего и крепко приложил головой об пол. Жесткий удар, он должен был вырубиться, но тощий лишь округлил глаза от ужаса и вцепился в мою ногу. Икру будто молнией пронзило, я рухнул на колено.

— Помогите же, ну! — завыл он.

— Вали его, Лёш, — прокричал "подбородок", — прибей ублюдка!

Кое как отпихнув тощего, я дёрнулся назад — кулак крепыша пролетел мимо носа. Слишком быстро. Люди так не бьют, черт подери!

Разорвав дистанцию, я боролся с неестественным желанием поймать его руку, схватиться за него и давить. Зачем? Выдавить из него кровь, как из тубика? Кто подсадил мне эту тупую идею...

Чувствуя, что собственное тело начинает бунтовать, я упрямо бросился в атаку. Крепыш попытался встретить меня ударом, но пригнувшись, я на полном ходу врезался в него плечом и с грохотом повалил на пол. Успел врезать дважды, но от его удара по рёбрам отлетел на пару метров. Грудную клетку сдавило, даже вдоха не сделать

— Аронов, успокойся! — рявкнул он.

Аронов... Кто, чёрт подери, этот Аронов? Эта фамилия много для меня значила, и как бы отчаянно я не сопротивлялся, память пробудилась.

Это я, Аронов. Младший сын графа Аронова, претендент... Новая вспышка головной боли едва меня не прикончила. Картинка поплыла в глазах, в ушах стучали барабаны. Прекратить, немедленно! Прекратить вспоминать!

— В сторону! — голос "подбородка" прозвенел сквозь барабанный бой, — я убью это тварь!

Скосил на него взгляд, и увидел материализующийся прямо из воздуха ярко-красный шест в руке, будто джедайский меч расцветки "плохих парней". И вот ведь странное, меня это зрелище шокировало, но совершенно не удивляло. Память твердила, что всё норм, я не раз такое видел, но... где? Когда?

— Погаси дар, Сём, — прохрипел крепыш, загородив меня. — Мы так не договаривались! Убьёшь его вне Казерай, и что? Кто нас отмажет?

— Я всё решу! Я здесь главный!

— За тебя граф вступится, а нам что?

Подавляемая память услужливо подсказывала. Казерай — магическая дуэль. Единственный способ выяснить отношения для двух одарённых, не вызвав гнева Ассамблеи графов.

Джедаи... Казерай... Чудные слова, как будто бы из разных миров, маленькими комочками проникали в моё сознание, угрожая прорвать с трудом удерживаемый блок.

Я не должен вспоминать. Память — зло. Память причиняет боль. Я должен драться, но не должен позволять телу брать власть над разумом. Боже, что со мной творится...

Ещё две попытки завершались парой ударов, после которых прилетало уже мне. Я совсем перестал слышать речь, вместо картинки — мутные цветные пятна. Крича во всё горло, я бился до конца, но даже не заметил, как этот самый "конец" наступил.

Я лишь отметил, что вокруг столпилась куча народу, что меня потащили куда-то на носилках. Потолочные лампы яркими звёздами светили в глаза, не давая уснуть, и это равномерное мельтешение что-то переключило во мне. С трудом сдерживаемые воспоминания хлынули лавиной.

Я вспоминал графа отца, но также помнил отца-наркомана. Вспоминал мать, красавицу из богатой семьи, но в то же время помнил, что матери у меня не было с детства.

Две разные жизни стекались в одну воронку, бесконечным потоком заполняя мой ослабший разум. Эта лавина неотвратимо закапывала меня всё глубже, и наконец-то, организм сжалился, позволив провалиться в сон.

Ненадолго возвращаясь в сознание, я всё ещё не помнил, кто я такой. Какие-то люди толпились над моей постелью, обеспокоено переговаривались, но их речь — сплошная тарбарщина, они будто кривлялись, издеваясь над больным! Взгляд невольно фокусировался на лампе, мерцающую успокаивающим синим светом. На кронштейне значилась гравировка «Собственность Академии Фатума».

Эти три слова странным образом успокаивали. Я в академии, а не в тюрьме, и даже не на пыточном столе. Стоп. С чего я вообще подумал о заключении? Я ведь...

Стоило совершить малюсенький шагок в дебри воспоминаний, как боль вернулась, сводя меня с ума.

Не знаю сколько прошло времени. Неделя? Год? К счастью, память начала успокаиваться, укладываясь в две параллельные прямые.

В одной линии, меня звали Фёдором Ароновым, единственным наследником рода Ароновых. Мой отец носит титул графа, он известная фигура в империи, а я, стало быть, младший граф. Про семью, ярче всего вспоминалась насмешка однокурсника: «Им недолго осталось. Император не потерпит, чтобы дружина какого-то графа превосходила силой его личную гвардию».

Моя мать не из благородного сословия, однако её отец, барон Октанов, чертовски богат, и богатство это связано со словом, вызывавшим в моих неокрепших воспоминаниях первобытный ужас.

Вихрь.

Это слово возвращало меня к другой линии, где меня звали... Впрочем, моё прошлое имя уже не имеет значения. Оно принадлежит другой жизни, другому миру, где я умер. Логичный конец для человека, половину жизни прожившего вне закона. Я ещё долго держался, но один из подельников заждался карьерного роста... Тьфу.

В том мире, вихрь был обычным погодным явлением. Иногда ужасающим, безусловно, но здесь... Вся империя крутилась вокруг этого Вихря, но добраться до деталей никак не удавалось.

Щёлкнул дверной замок, в дверь вошла девушка в больничном халате, стянутом на тонкой талии. Я запомнил её имя, Ириша. Она кормила меня эти дни, и излучаемые ею нежность и забота сыграли не последнюю роль в моём исцелении. Я тоже относился к ней с нежностью, а как иначе? В постоянном больничном аромате она единственная пахла пирожками и кофе.

Поставив поднос на прикроватную тумбу, Ириша подошла к окну, распахивая занавески. Яркий солнечный свет ударил по глазам, я зажмурился, через маленькие щёлки продолжая любоваться её фигурой. Тонкая талия изящно переходила в округлости ягодиц и стройные ножки. Вместо колготок она носила белые чулки, небрежно натянутые до середины бёдер.

— Уже проснулись, господин? — ласково улыбнулась девушка, усевшись на край постели и закинув ногу на ногу.

— И не только я, — вяло отшутившись, я накрыл ладонью её бедро.

— Господин Фёдор! — густо покраснев, Ириша сняла мою руку и пересела подальше. — Неприлично!

— Ну что ты начинаешь... Мне снова притворится дурачком, чтобы ты дала себя пощупать?

— Вы... — она охнула, прикрыв рот ладонью, но я мягко рассмеялся, и девушка тоже робко улыбнулась. — Шутите, да? А я вам сырники принесла!

— И кофе? — поинтересовался я, почуяв знакомый аромат.

Улыбнувшись ещё шире, Ириша подскочила, засуетилась, доставая из тумбочки постельный поднос, но с меня уже хватит. Напрягая ослабшие мышцы, я приподнялся на локтях, скидывая пуховое одеяло.

— Ещё не положено, господин... — попробовала остановить меня девушка, но я упорно свесил ноги с постели, уперевшись в холодный пол.

— Вам только волю дать, так вечность продержите в состоянии "положенного", — проворчал я, поднимаясь. — Сколько я провёл здесь, месяц?

— Всего неделю, господин.

Всего... Затёкшие мышцы ломило, но совсем не так, как в другой, прошлой жизни. Здесь я был молод и свободен от травм, напоминавших о себе каждое утро, а разбитую голову залатали так, будто и не было ничего. Машинально ощупав затылок, я потёр пальцем небольшой лысый кусочек.

— Болит? — участливо поинтересовалась Ириша.

— Хватит уже заботы, — я кивнул Ирише на небольшой стол в углу палаты, — лучше составь мне компанию. Наконец-то завтракаю по-человечески, настоящий праздник!

Плюхнувшись на пластиковый стул, я с наслаждением поднял чашку. Как же хорошо, что в этом мире тоже существует кофе, не знаю, что бы я делал без этого волшебного напитка. Вот только волшебного здесь было намного больше, даже лечение. Вместо пилюль и докторов — настоящий садист, называвший себя целителем.

— Палач сегодня придёт? — поинтересовался я, терзая сырник вилкой. — Уже соскучился по его неудачным попыткам меня прикончить.

— Нет, процедуры закончились, но... — Ириша заёрзала на стуле.

— Что?

— Через час придёт человек из Магистерия, важный человек. Хочет с Вами обсудить какие-то важные дела.

— О как. — Хлебнув кофе, я улыбнулся. — Расскажи тогда, что меня ждёт.

— Ну... — девушка замялась. — Мне не докладывают...

— Брось, я же знаю, что ты умная девочка и держишь ушки на востро. Делись тем, что подслушала.

Приосанившись, Ириша пустилась в пересказ чужих разговоров, из которых складывалась любопытная картинка. Магистерий, под чьей протекцией и существовала Академия, где я нахожусь, не может принять решение по моей ситуации. Всем уже известно, что я получил серьёзную травму в драке с другими студентами. Известно также и то, что я ожесточённо сопротивлялся, нанеся увечья нападавшим.

При всём при этом, звучала лишь одна фамилия, Куропатов, как будто тех двоих вообще не существовало. И разумеется, нашлись свидетели, клявшиеся, что мой удар головой — всего лишь несчастный случай.

— Рана была страшная, — Ириша активно размахивала руками, — кровь во все стороны! Фатумский целитель ещё удивлялся, что Вы сохранили рассудок, поскольку повреждены важные...

Я оборвал её взмахом руки.

— Давай без кошмарных деталей.

— Да-да, простите, — тут же смутилась Ириша. — В общем, все говорят разное, и они не могут решить, что делать дальше.

— А какие варианты?

— Из того что я слышала... — Ириша подалась вперёд. — Они хотят предложить вам сойтись с господином Куропатовым в Казерай. Представляете?

— Дуэль? — я удивлённо вздёрнул бровь. — А другие варианты?

— Сделать вид, что ничего не было.

Очень любопытно. Ковыряясь в путанице воспоминаний, я понемногу учился ориентироваться в этом мире, и озвученные Иришей варианты чрезвычайно меня позабавили.

Семён, как и я, из благородной семьи. У его отца солидная репутация, пусть фамилия и не так громко звучит в империи, как Ароновы, но всё же. Если смотреть со стороны, сынок крепко поднастрал папаше, но я чётко помню короткий разговор. Это была воля отца.

Ситуация опасная, и может развиваться в серьёзную стычку между нашими семьями, с жертвами и прочими неприятностями. Императорской волей, графам не дозволено иметь большую армию, всего двадцать владеющих магией бойцов, но даже такое число нанесёт серьёзный ущерб обеим семьям. Возникает логичный вопрос. Зачем им это?

Но всё это за стенами Академии, а здесь... Пока внимание Магистерия занято нашей

дракой, у меня есть время адаптироваться, прийти в себя. Новая память отзывалась очень неохотно, каждый раз приходилось сортировать сотни фрагментов, чтобы найти нужный, и при этом, избежать путаницы с прошлой жизнью. Сортирую фрагменты, практически бюрократом стал, тьфу.

И всё же, Семёна рано списывать со счетов. Он может захотеть закончить работу, да и у меня, честно говоря, руки чешутся разобраться с этим подонком. Так, как я умею. Аккуратно, неспешно подготовиться и нанести сокрушительный удар.

— Так что, господин? — нетерпеливо спросила Ириша. — Вы уже решили, что будете делать?

— Ещё нет, но будь уверена, Куропатов заплатит за нападение.

— Но как именно? Будет дуэль? А Вы позовёте посмотреть? Вы ведь... — она заёрзала на стуле, сложив руки между бёдер. — Если Вы против троих одарённых выстояли, то одного сразить будет не трудно, так ведь?

— Практика покажет, насколько это не трудно, — скривился я, вспоминая "джедайский" меч Семёна.

В голосе девчонки слышалось восхищение, но я не витал в фантазиях. Семён дрался не в полную силу, не использовал дар. Как, впрочем, и я. Только он умеет им пользоваться, а я что? Лишь смутные представления, что я способен поглощать энергию. Раздражённо вонзив вилку в последний сырник, я стал поглощать его.

Ждать дуэли, или подстроить несчастный случай? Нет, никто не поверит, что я не причём. Вроде бы, мне недолго осталось в Академии, не стоит дразнить их лишний раз. Не дам им повода задержать меня хоть на один лишний день, потому что свободу я люблю даже больше чем кофе.

Покончив с завтраком, я немного размялся, привыкая к новому телу. Мне было тесно в нём, движения стали более резкими, лёгкими. Неожиданный подарок от судьбы, снова стать подростком, но адаптация требует практики. Много практики.

К прибытию "большого начальства", я чувствовал себя прекрасно. Мысли собраны, слабости в движениях не осталось, свежая одежда пахнет стиральным порошком, а не... Не важно, это мы забываем. В общем, я чувствовал себя здоровым подростком, которого пора выпустить из больничной палаты.

Магистерский представитель приехал точно к назначенному времени. Я как раз изучал пациентов лечебницы, гулявших в таком же сером тряпье, как и на мне. Черный костюм начальника ярким пятном выделялся в царстве спокойствия. На него глядели украдкой, предпочитая не входить в контакт. За ним следовала совсем молодая девушка в таком же черном, элегантном брючном костюме. Она прижимала к груди охапку документов, а стук её каблучков звучно разносился по территории.

Для беседы, меня пригласили в свободный кабинет. Проводив до двери, Иришка тихо шепнула «удачи» и скрылась за поворотом белоснежного коридора. Что ж...

— А, господин Аронов! — скрипучий голос магистерского представителя неприятно резал слух. — Проходите.

Он расположился за письменным столом. Собранный, строгий. Его пышные бакенбарды больше подошли бы боярину из старых фильмов, а не официальному лицу Академии. Крутя перстень на пальце, он взглядом указал на стул.

Рядом сидела его помощница, скрестив ноги под стулом и держа на коленях тетрадь. Она показалась мне слишком напряжённой: губы сжаты, на худых скулах играют желваки, а

руки застыли, будто сделаны из камня. Моего взгляда она избегала, изображая из себя каменное изваяние.

Скрипнув кожаным креслом, я принял расслабленную позу и кивнул представителю.

— Представитесь?

— Александр Михайлов, Страж второй степени Магистерия Фатума, — сообщил он, демонстративно повернув перстень печатью вверх. Девушка тут же принялась чирикать в тетради. — Я уполномочен поздравить Вас с успешным исцелением, Магистерий был глубоко обеспокоен последствием произошедшего инцидента...

— Вернее тем, что покушение произошло в ваших стенах? — перебил я. Михайлов даже бровью не повёл.

— Мы склонны классифицировать инцидент как "несчастный случай", — рутинно продолжал он, — но готовы пойти навстречу, если Вы захотите предъявить официальное обвинение.

— Вот как? — с трудом скрыв изумление, я сохранил безмятежность на лице.

— Официальная позиция Академии зависит от результатов нашей беседы, — вкрадчиво сообщил Михайлов, продолжая крутить перстень. — И судьба младшего графа Куропатова волнует нас в меньшей степени.

— В таком случае, переходите сразу к главному блюду.

— Рубите сгоряча? — усмехнулся он. — Это я уважаю. Магистерий интересуется Ваше чудесное исцеление, господин Аронов.

— А что с ним?

— Вам известно, чем мы здесь занимаемся?

Вопрос поставил меня в тупик. В новой памяти не нашлось ответа на этот вопрос.

— Все дети благородных семей, кроме первенца мужского пола, обязаны провести год в Академии, взамен службы на границе, — выдал я единственное, что удалось вспомнить.

— Верно. Однако причина кроется в названии нашей организации. Фатум, предопределённая судьба. Мы верим, что каждому человеку выделена определённая роль в мировой истории, и сегодня, в эру Вихря, задача Магистерия — разыскать Мессию и помочь ему принять своё предназначение.

— И какое же?

— Служение, — одними губами улыбнулся Михайлов. — Для любой угрозы есть решение, и задача Мессии — навсегда освободить человечество от угрозы Вихря.

Про местную религию я не помнил почти ничего. В памяти Фёдора, Магистерий маркирован словом "фанатики", но парень не особо интересовался их деятельностью. И всё-таки, намёки Михайлова были вполне очевидны. Тревожные знамения.

— И при чём здесь я?

— С Вами произошёл любопытный инцидент... Можно по имени?

— Валяйте.

— С момента, как Вы оказались в лечебнице, Фёдор, Магистерий не спускал с Вас глаз. У нас очень много вопросов...

Против воли, я принялся трясти ногой. Может я бредил во сне? Если они узнают, что в шкуре Фёдора прячется другой человек, это "служение" нацепят на меня как смирительную рубашку.

— Ну так спрашивайте, чего ждать?

— Не всё так просто. Слухи о Вашем исцелении быстро распространяются, и мы

допускаем, что граф Аронов захочет забрать Вас домой, используя произошедший инцидент как рычаг. — Михайлов подался вперёд, заглядывая мне в глаза. — Понимаете, к чему я веду?

— Вы не хотите меня отпускать.

— В точку. Вы подпишете договор, дающий нам право исследовать связанную с Вами аномалию столько, сколько потребуется.

— Что-то не горю желанием.

Откинувшись на спинку кресла, Михайлов разглядывал меня с возрастающим интересом.

— Осторожно, Фёдор. Категоричный отказ только распаляет наш интерес. В случае необходимости, мы используем все возможные рычаги, и тогда ни Ваш титул, ни деньги Рода Ароновых не помешают продлить Ваше пребывание в Академии.

Михайлов даже не скрывал своих намерений, он открыто угрожал! Судорожно пытаюсь выкопать в памяти хоть какую-нибудь подсказку, я спросил:

— И на сколько это удовольствие может растянуться?

— Если мы найдём нечто любопытное? — Михайлов недобро усмехнулся. — Годы, Фёдор. Годы.

Прекрасное начало дня, лучше не придумаешь. На завтрак сырники, а на обед сраный ультиматум! Проклятая Ириша, я совсем не готовился к такому разговору! Слушая скрип ручки о тетрадь, я пытался уложить новые вводные в формулу. Провести долгие годы в лаборатории, едва получив новое тело... И ведь это ещё не известно, не захотят ли они вскрыть мою черепную коробку.

— Ваше предложение похоже на пожизненное рабство, — хмыкнул я. — И я должен добровольно на это подписаться? Стать Мессией?

— Об этом речи пока не идёт, — успокаивающе произнёс Михайлов. — Столь длительный союз с Магистерием Вам предложит лишь в том случае, если Вы окажетесь исключительной личностью.

— Если найдёте во мне... что? Особую магию? Таланты?

— Необычные свойства.

Его туманный ответ ни о чём не говорил, и всё же, я считал себя достаточно необычным для тревоги.

— Поясните, я не понимаю. Что вы ищете?

— Никто не знает, что из себя представляет Мессия, мы действуем наугад, Фёдор. Однако, Ваше чудесное исцеление подходит под пункт "необычный случай".

Щёлкнув пальцами, он вытянул руку, и помощница передала ему документ с моей фотографией. Досье собрали, значит. Для вида пробежав взглядом по тексту, Михайлов опустил лист и постучал по нему пальцем.

— Насколько нам известно, род Ароновых не обладает даром регенерации или повышенной выносливости. Поглощение энергии никак не могло бы помочь Вам в этой ситуации.

— Какой?

— В отчёте главного лекаря черным по белому написано, что травма мозга должна была серьёзно повредить Ваш рассудок, однако вот Вы, сидите предо мной. Здравомыслящий юноша. На провалы в памяти не жалуетесь?

— Есть немного.

— Немного... — он фыркнул. — И что же это за чудесное воскрешение, Фёдор? Есть идеи?

Идей у меня целая прорва, но я не собирался обсуждать их с этим типом. Травма Фёдора и моё последующее появление в его теле выходит за рамки "нормальных" вещей. К несчастью, предсказать последствия категорического отказа я не могу. Значит, будем тянуть время.

— Мне вот интересно, неужели нельзя было провести эти ваши исследования, пока я лежал здесь? Почему Магистерий бездействовал?

— Магистерий поддерживал жизнь юноши, приговорённого влачить безвольную жизнь овоща, — без тени иронии ответил Михайлов. — Отчёт о выздоровлении поступил только вчера.

— Может вы недооцениваете целителя? После его, с позволения сказать, лечения, даже мертвец оживёт, лишь бы попросить пощады. Честное слово, я даже подумываю подать на этого садиста жалобу в Ассамблею!

— Я рад, что Вам весело, Фёдор, — нахмурился Михайлов. — Однако, найдите в себе силы для серьёзной беседы.

— Разве она серьёзная? Ваше предложение не слишком похоже на сделку, господин Михайлов. Вы просто выкручиваете мне яйца.

Понимающе улыбнувшись, этот тип раздражённо скользнул взглядом по помощнице, но всё же произнёс.

— В нашей власти оказать для Вас и Вашего рода некоторые услуги. Скажем, содействие, при влечении Наделённого бойца в созвездие... Это больше похоже на сделку?

— Только что угрожали, а теперь подкупаете? — усмехнулся я.

— Кнут и пряник, — Михайлов развёл руки в стороны. — Выбирать вам.

Влечение и Наделённый. Эти слова имели огромную важность для моей семьи, не Мессия... Проклятье! Я не могу спрогнозировать то, чего не понимаю. Даже если они объявят меня своим Мессией, чем это аукнется? Властью от этого слова совсем не пахнет.

— Мы начали разговор с рядовых проверок, — напомнил я. — Сколько это займёт времени? При условии, что Вы не найдёте никакого "необычного дерьма" в моей туше.

— До конца обучения остаётся... — Михайлов повернулся к девушке.

— Двадцать три дня, — тут же отчеканила она.

— Мы уложимся в этот срок. Однако, — он вздёрнул палец. — Детали нашей беседы и характер дополнительных исследований не должны покидать стен Академии. Помогите нам, Фёдор, и Академия удовлетворит Ваши запросы.

Запросы... Пускай я помнил прошлую жизнь лишь обрывочно, но опыт и инстинкты никуда не делись. Я знал, что нельзя требовать вертолёт и миллион долларов, это глупость. Магистерий оплатит лишь те счета, что сочтёт не обременительными. Следует быть дьявольски избирательным.

— Вы поведали интересные вещи, господин Михайлов, но я едва выбрался с постели, туго соображаю. Повторить бы после обеда, как винтики в голове закрутятся, — я поводил пальцами у висков. — Это можно устроить?

— До... — Михайлов взглянул на наручные часы, — шести вечера, мы можем отложить. Сойдёт?

— Сойдёт. И вы вытащите меня отсюда. Я хочу посетить библиотеку.

— Это обязательно?

— Жизненно необходимо. — Я вальяжно махнул рукой. — Можете считать это частью сделки.

— Что ж. Посещению архива Фатума, Магистерий не станет препятствовать, — кивнул он. — Однако, я не могу отпустить Вас без сопровождения. Валерия, ты составишь компанию молодому человеку.

Ручка скрипнула по тетради и замерла, помощница Михайлова удивлённо обернулась к начальнику. Тот лишь отмахнулся от незаданного вопроса. Я разделял недовольство барышни, надзор не входил в мои планы, но Михайлов и так пошёл на компромисс. Так что я лучезарно улыбнулся.

— Надеюсь, мы хорошо проведём время, Валерия.

Нервно кусая губы, девушка взглянула на меня, тяжело вздохнула, и отвесила церемонный поклон. Только из-за напряжения, у неё это вышло комично, она двигалась как робот.

— На случай, если Вы не поняли с первого раза, я повторю. Любая связь с внешним

миром до нашей повторной беседы будет расценена как саботаж, — Михайлов сверлил меня взглядом. — Я могу Вам доверять, Фёдор?

Мои старые афоризмы, вроде «зуб даю», тут явно не в ходу. Я ведь простой человек, совсем не серьёзный. Для меня все эти графские штучки настоящая дикость, но я привыкну. Нет проблем.

— Торжественно даю вам Слово, — сообщил я, добавив шутливый поклон.

— Торжественно... — хмыкнул он. — Тогда на этом всё. Можете собирать вещи, Валерия будет Вас ждать.

Оставив их наедине, я улыбнулся Ирише, поджидавшей в коридоре. Девушка пританцовывала на месте и чуть ли ногти не грызла, сгорая от интереса.

— Ну как всё прошло? — выпалила она.

— Я выписываюсь. Где моя одежда?

— Для Вас подготовили новый комплект, пойдёмте, — она взяла меня за руку и потащила по коридору, продолжая тараторить. — Вас не выгоняют? А господина Куропатова? Ваш отец будет в ярости?

— И как столько вопросов помещается в такой миниатюрной барышне?

— Простите господин, — стушевдалась девушка, — просто мне так любопытно! У меня ещё не было шанса узнать всё из первых рук, вот я и... — окончательно смутившись она стиснула кулачки, и выпалила: — ну хоть намекните!

— Ты просишь у меня информации, а что взамен? — усмехнулся я.

— Да что я могу дать, я же самая обычная... Или Вы... — понизив голос до шёпота, Ириша спросила: — Вы намекаете на это самое?

— Что за срамные мысли, Ириша! Соблазняешь пациента на рабочем месте? — от неожиданности, девушка вытянулась в струнку и сжала губы, но заметив улыбку на моём лице сдулась как воздушный шарик.

— Опять дурачитесь... — буркнула она.

В лифт мы зашли в полном молчании, девушка задумчиво морщила лоб, а я с любопытством уставился на своё отражение. Мозг благосклонно не стал паниковать при взгляде на высокого парня с лохматой копной чёрных волос. Я начинал привыкать.

В прошлой жизни мне было ровно сорок, когда... Когда меня убили. Я был шире в плечах, но это поправимо. По крайней мере осанка не загублена, как у многих подростков. Волевой подбородок, ясный взгляд. Орёл, что ещё сказать.

Ириша глядела на меня исподлобья, а я любовался её фигурой. Отношения с противоположным полом в этом мире станут для меня сложнее, об этом кричало наставление отца, вбиваемое в Фёдора с малых лет. «В твоих жилах течёт кровь рода Ароновых. Думай, куда собираешься посеять своё семя». Сильно сомневаюсь, что отпрыски благородных семей неукоснительно следуют этому правилу, но мне спешить некуда.

Ириша сочла нужным помогать мне одеваться, я не протестовал. И когда последняя пуговица нашла своё место, ласково взял её за подбородок, погладив пальцем щёку.

— Ты скрасила моё пребывание здесь, я этого не забуду. Возможно, загляну полакомиться твоими пирожками через пару дней.

— Хорошо мои пирожки будут готовы! — прощепетала девушка, разглаживая пиджак на моих плечах. — Подождите... Вы опять?!

Гнусно хихикая, я направился к выходу. У дверей уже ожидала помощница Михайлова. Девушка обнимала папки с бумагами и отрешённо глядела в одну точку. Милое лицо портил

строгий образ. Совершенные скулы, выверенные по линейке брови, и очень красивые, но печальные голубые глаза. Она слишком аккуратная, ни одного изъяна, и со стороны заметно, какого напряжения ей это стоит.

— Я готов.

— Сразу в архив? — встрепенулась Валерия. — Или господин желает посетить личные покои?

— Покоя с меня на сегодня хватит, будем веселиться.

После душного больничного смрада, я с наслаждением вдыхал свежий воздух. Отстукивая каблуками ритм, Валерия плыла через сад лечебницы к выходу, глядя строго вперёд, а вот я глазел по сторонам как турист.

Лечебница вытянулась на четыре этажа, но казалась крошечной, на фоне возвышавшихся вдали футуристических небоскрёбов диковиной формы. Далеко впереди, за лентами асфальтированных дорожек, маячил громадный стадион — центр академического кампуса. В несколько этажей, покрытый россыпью зеркальных окон, он напоминал летающую тарелку.

За воротами лечебницы кипела жизнь, я видел, как студентов в форме разного цвета, так и взрослых людей, с символикой Фатума на одежде — витиеватой перевёрнутой пирамидой. И лишь вдалеке, у самых ворот территории кампуса, бродило несколько вооружённых людей. С охраной здесь явно беда.

Мы сели в небольшой автомобиль, даже скорее электромобиль, судя по тихому ходу. Шелест шин и тихий гул двигателя приятно убаюкивал. Я скрупулёзно ковырялся в памяти, выуживая всю информацию об академии, но данных катастрофически не хватало.

Я помнил, что Магистерий не стоит с аристократией на одной иерархической лестнице. Обе силы подчиняются императору, только сила благородных в личном могуществе и деньгах, а у Магистерия — власть над умами. Их нельзя недооценивать.

Мне выпала удачная карта, можно сказать козырь. У нашей семьи уникальный родовой дар, обширные владения, но репутация отца... Я находил в памяти лишь обрывки: это нечто, связанное с обучением Наделённых бойцов. Магистерий, который, фактически, выдаёт разрешение на изменение людей, может стать очень опасным врагом.

— Не рада моей компании? — нарушил я тишину.

Валерия угрюмо пялилась в окно, избегая смотреть в мою сторону. Она постоянно кусала губы, от чего те налились кровью. Неохотно отлипнув от стекла, она повернулась ко мне.

— Моё мнение не имеет значение, — сухо отозвалась она, и после некоторой паузы добавила: — на всё воля Фатума.

— Значит всё же не рада. Сэкономим время, расскажи побольше об этом вашем "мессии".

Валерия стиснула папку, аж пальцы побелели. Сделав глубокий вдох, она сдержанно уточнила.

— Что конкретно мне рассказывать?

— Начни с самого главного.

— ВСЁ что касается "этого нашего" Мессии важно! — возмутилась она. Во взгляде Валерии читалось искреннее негодование. — Как у Вас хватает наглости говорить об этом с таким скучающим пренебрежением?

— Может в этом твоя роль, Валерия? — усмехнулся я. — Привить благоговение

бессовестному юнцу. Ты же не станешь сопротивляться воле Фатума?

Дёрнувшись как от удара, она надменно вздёрнула нос.

— Моя жизнь — служение Фатуму.

Смирившись с необходимостью, Валерия принялась монотонно декламировать наизусть заученную басню, но вопросов появлялось больше, чем ответов. Я поплыл уже в самом начале сказки, пытаясь выхватить ценную информацию.

Их религия упиралась в Вихрь, который и «раздавал дары», и «грозил уничтожением всей цивилизации». С Вихря начиналась новая эпоха, когда после катастрофических разрушений, люди обрели магию его властью. Эта непокорная стихия уже десятилетия не причиняет бед, но нависает постоянной угрозой над империей.

И только избранный способен совладать с Вихрем. Как? Никто не знает. Роль Магистерия Фатума — разыскать эту сверхъестественную личность и всячески помогать ему на пути. Куда? Этого тоже никто не знает.

— Так значит Мессия среди нас?

— Или ещё не родился.

— Странно. Судя по твоему рассказу, я ждал эдакого супермена. Ну знаешь, накаченный мужик, летающий по небу в цветных трусах и плаще, — изобразив супермена, я лишь позже сообразил, что в этом мире о нём даже не слышали.

— Господин Аронов! — вскрикнула Валерия, подавшись вперёд. — Как Вы смеете иронизировать над... Над святыми истинами... — она возмущённо задышалась, бегая глазами.

— Терпение — высшая добродетель, Валерия. Помни о своей роли.

— Да кто Вы такой, чтобы определять мою судьбу?! — вспыхив, она резко зажмурилась, замолчала. Выправив осанку, она монотонно, как робот, продекламировала: — Прошу прощения за эту вспышку, господин Аронов.

— Ничего, — добродушно улыбнулся я. — Я ценю честность, так что продолжай в том же духе. Только это не значит, что нужно всё время кричать, — поспешно добавил я.

— Я и не собиралась, — буркнула девушка, продолжая нервно кусать губы.

Мы уже подъезжали к "стадиону", так что я прикинул, где больше всего пробелов, и продолжил допрос.

— Значит задача Магистерия — испытывать потомков благородных родов, поскольку Мессия появится среди них?

— Не только, — неохотно сообщила Валерия. — Наделённых мы тоже испытываем. Несмотря на разницу в силе, Наделённые также способны справляться с эфирными тварями.

Наделёнными здесь называли людей не благородного происхождения, обычных людей, кто получил магию при помощи эфира. И снова загадка. Что за эфир? Как их... улучшают? И что ещё нахрен за твари? Единственная "эфирная" магия, которую я вспомнил — заряженная вода Чумака, но вряд ли местные с ним знакомы.

— Не слышу энтузиазма в голосе, — заметил я. — Не веришь, что простой человек может оказаться Мессией?

— Моё мнение не имеет значения, — оборвала она. — На всё воля Фатума.

— Фатум может выбрать редкостную мразь, вроде Семёна Куропатова. Ты не боишься, что такой человек скорее навредит, чем поможет?

— Магистерий направит Мессию.

Вот же упёртая фанатичка... По крайней мере, я не сомневался, что попади власть в

руки Семёна, он закончит начатое. Если у Мессии вообще есть хоть капля свободы. Вряд ли высшие чины Магистерия разделяют её речи насчёт "служения".

— Ладно, а что насчёт меня? Ты будешь счастлива в служении, окажись я твоим Мессией?

— Моя жизнь слу...

— Я жду искренности, Валерия! — перебил я девушку.

— Я всего лишь послушница, моё мнение не имеет значения...

— Меня оно интересует. Ну же!

— Разумеется я была бы несчастлива! — всплеснула руками Валерия. — Довольны? Мало того, что у Вас средняя успеваемость, так ещё и в драки лезете, и так... Непочтительны!

— Значит по твоему мнению, Мессией должен стать отличник с примерным поведением?

— Да хоть бы и так! Мы говорим об избранном, лидере целой эпохи! — вдохновенно произнесла девушка.

Автомобиль затормозил возле входа в главный корпус, мы нырнули в людской траффик, направляясь внутрь.

— А ты не думала, что отличник просто не потянет драку с этим самым Вихрем? — нагнав стучавшую каблуками девушку, я подстроился под её шаг.

— Дело вовсе не в отметках, — упрямо продолжала Валерия. — Благородство — это не просто слово.

Стойку охраны мы пролетели на крейсерской скорости. Валерию здесь знали, а мой пропуск оказался пришит прямо на нагрудный карман.

Обойдя стойки с сувенирной продукцией, этикетки которых кричали «Во имя Фатума!», мы упёрлись в стену со множеством лифтовых кабин — кровеносные артерии главного корпуса. Вдавлив начищенную до блеска металлическую кнопку, Валерия церемонно отвела взгляд.

— Твоё начальство считает иначе, да и методы у господина Михайлова... — я присвистнул. — Весьма специфические. Сдаётся мне, не далёк тот день, когда тебе придётся извиниться за эти слова.

— Я сделаю это с радостью, но до тех пор, не балуйте себя беспочвенными мечтами!

— Балуйте... Ты на что намекаешь, девочка? Думаешь я на тебя слюни пускаю?

Стиснув кулаки, Валерия сверлила меня ненавистным взглядом. Проклятье, ну кто меня тянул за язык...

— Все мечтают оказаться Мессией, и Вы в их числе, господин Аронов, — холодно процедила она. — Только не забывайте, что и моему начальнику нужно кому-то отчитываться.

— Ты это к чему?

Впервые позволив себе ухмылку, Валерия чинно произнесла:

— За неимением достойных кандидатов, Академии приходится создавать видимость деятельности... Для отчёта, качество кандидата не имеет значения.

Лифтовые двери раскрылись, на нас выплеснулась лавина студенческого шума. Огромный, светлый зал внушал восхищение. Символ Магистерия, на свисавших с потолочных балок транспарантах, напоминал, кому это всё принадлежит. На какое-то время я даже застыл, впечатлённый масштабом.

— Мне нужно... Я сейчас вернусь, никуда не уходите.

Резким шагом, Валерия растворилась в толпе. Я ведь не хотел её провоцировать, просто сорвался... Ладно, чего уж теперь. Вот только девочка не успела проводить меня куда следует.

Круглый зал делился на две зоны. Одну сплошь заполняли столы разного размера, и студенты, завалившие эти столы книгами, планшетами и напитками с едой. Они шумно переговаривались и смеялись, раздражая сидящих за соседними столиками взрослых посетителей. Разные бейджики мне ни о чём не говорили, они могли быть как сотрудниками Магистрата, так и просто гостями.

На другой стороне располагались стеллажи с книгами, компьютерные консоли и нечто вроде сферического планетария, с искусно выполненной звёздной картой. Там же начинался длинный коридор со множеством запертых дверей.

Я направился прямо к ближайшему компьютеру, но сотрудник архива сорвался со своей стойки, протягивая плоский прямоугольник.

— Без планшета не положено.

— Спасибо.

— Напомню правила: не копируйте больше файлов, чем можете прочитать, — начал гундосить он заученную мантру, — и за порчу или утерю имущества Академии, ответственность...

— Понял, понял, — отмахнулся я. — Не сломаю я твою игрушку.

Устало вдохнув, паренёк побрёл обратно за стойку, а я поспешил к ближайшему свободному месту. Продолжая разглядывать местную публику, я заметил, что на одежде многих посетителей красовался витиеватый символ дома, такой же как на студентах, с которыми они беседовали. Семейные встречи, не иначе.

Память подсказывала, что официально, на время обучения в Академии, встречи студентов с семьёй под запретом, но очевидно, что есть лазейки. Устроить бы встречу с отцом, но...

Стоп. Заметив знакомое лицо, я притаился за спиной двух милых девчонок.

— Ты чего?

— В прятки играю, — буркнул я, провожая взглядом плечистого парня с причёской под горшок.

Один из тех ублюдков, что достали меня в спортзале. Он направлялся туда же, куда убежала Валерия. Девчонки хихикали, крутили пальцем у виска, но я уже двинулся следом за целью.

Приятель Семёна совсем не оглядывался, целенаправленно шагал в сторону туалета. Я не мог вспомнить его имя, но возможно, я его и не знал. Шум общего зала остался позади, так что я подстраивался под его шаг, не спешил. И только когда фигура скрылась за дверью с соответствующим символом, я сорвался на бег, ворвался в уборную и с разбега впечатал ногу ему в спину.

Крепыш повалился вперёд, зацепился плечом за пластик кабинки и с трудом устоял на ногах, но схлопотав мощный удар по челюсти, плюхнулся спиной к стене.

— Да ты охре...

Я ударил ещё дважды, не позволяя ему закрыться, но на третий удар он сумел поднять руку, и по ней, от плеча к ладони, поползло ярко-лиловое свечение. Мать твою, это что ещё за хрень?!

— Вырубай свою штуку, хуже ведь будет!

Огорошенный внезапным нападением, парень упорно позволял сиянию расползаться по руке, а я, в это время, подтащил металлическую урну. До боли напрягая мышцы, я швырнул её, парень заблокировал летящий сверху снаряд, но открылся снизу. Сильный удар по грудной клетке и он, по инерции, подался назад, крепко стукнувшись затылком об стену. Сияние на руке прерывисто замерцало, как испорченная лампочка.

Подтянув парня за волосы, я взял шею в захват и яростно прошипел.

— Будешь дёргаться — станешь инвалидом. В отличии от вас, я доведу дело до конца, усёк?

Обессиленно обмякнув, он захрипел, похлопал меня по рукам, и я ослабил хватку.

— Меня заставили... — просипел он, — не было выбора...

— На всё воля Фатума, да?

— Фатум не причём, это Семён! Он заставил!

— Сейчас я тебя выпущу, но предупреждаю. Станешь кричать — я тебя так отхреначу, что родная мать не узнает. Будешь молчать — тоже самое. А если соврёшь... — я прошептал ему прямо на ухо. — Тогда я убью тебя.

Толкнув парня в стену, я приготовился к сопротивлению, но тот лишь корчился на полу, держась за горло. А ведь выглядит крепким, что за позорище? Не ожидал, наверное, такой прыти от Фёдора, но сейчас это тело играло по моим правилам. Вернее, с полным их отсутствием. Честный бой и прочая муть не помогли бы мне выжить на улице. Только сила и жестокость.

— Семён... Он угрожал разорвать контракт с моей семьёй, а без денег Куропатовых наш род долго не протянет... — тяжело дыша, парень неловко пытался подняться. — Я должен был призвать дар и ударить тебя, пока телесник обеспечивал защиту. Мы не собирались убивать...

— Только превратить в дебила. Я помню.

— Я просто исполнитель... Если бы не оглушающие свойства наших кулаков, он бы никогда... Прошу, Федя, разбирайся с Семёном, я не виноват...

Я проморгал, когда он изменил позу, упёрся ногой в стену. Снова зажигая руку, будто красный факел, он подорвался с места, и я успел лишь накрыть ладонями его кулак, но по груди всё равно прилетело.

Вот только угроза была в другом. Меня затрясло с такой силой, будто взяли за ноги, и вытряхнули как грязную скатерть. И каким-то образом, этому ублюдку удалось вытряхнуть Меня из тела Фёдора. Всего на несколько мгновений, но я будто бы видел себя со стороны — застывший парнишка, всей грудью налегающий на сжатый между ладоней кулак.

Мне померещились струйки дыма от наших тел, но едва я попытался сфокусировать на них взгляд, как с яркой вспышкой вернулся в тело, зловеще ухмыляясь в испуганное лицо парня.

— Помнишь, что я обещал?

— Ты не можешь... — он попятился, грузно осел у стены. — Я же... Нет, Федя, прошу!

Меня слегка штормило, однако этот "вылет" обладал потрясающим тонизирующим эффектом. Застыв над съёжившимся крепышом, потрясённо глядящим на руку, я негромко произнёс.

— Я ведь предупреждал...

— Да чего тебе нужно?

Сев на корточки, я внимательно поглядел на него. Похоже, несработавший дар сломил парня сильнее драки. Оглушающий эффект был впечатляющим, но каким-то образом, мне удалось его избежать. Одна беда: слухи об этом вряд ли помогут в избавлении от надзора местных фанатиков.

— Мы могли спокойно поболтать, но теперь у меня есть морально право тебя прикончить. Однако, — я вздёрнул палец, — сегодня твой счастливый день. Я дам ещё один шанс.

— Говори...

— Ты будешь служить мне, как тайный агент. Не роду Ароновых, а только мне, Фёдору. Это ясно?

— Ты многого просишь.

— Я ещё даже не начал. Когда я потребую, ты будешь свидетельствовать против Куропатова. Хоть и нищий, но ты всё же благородных кровей. И помни, — я постучал себя по виску. — Память о вашем бездарном покушении хранится здесь, последствия могут стать хуже. Ассамблее не понравится, что какой-то утырок покусился на разум наследника рода Ароновых.

— Но только Чтец может читать память!

— Ты думаешь, я этого не предусмотрел? — усмехнулся я, хоть и не врубался, что это, собственно, значит. — У вас был только один шанс подловить меня, другого не будет. И поверь, я буду очень благодарен, если ты дашь мне повод. С Куропатовыми я и так разберусь, а ты... — я позволил голосу звенеть от ярости. — Дай мне хоть крохотный повод сомневаться в твоей лояльности, повод утолить жажду мести, и клянусь, — я ткнул его пальцем, — твоей смертью дело не закончится. Слово Аронова.

Парень растерянно бегал глазами, думал. Стоило бы надавить сильнее, но слишком много шума и слишком очевидные увечья не сыграют мне на руку.

— Ты не понимаешь! Если Куропатов отменит контракт, мы будем разорены. Это хуже смерти...

— Нет ничего хуже смерти. Чем, говоришь, промышляет твой батюшка?

— Строительство и демонтаж.

— Хорошие строители?

Он невнятно пожал плечами.

— Говорят, что неплохие.

— Поступим так. Будешь сидеть тихо и фильтровать базар. Это, — я ткнул пальцем в разбитый нос, — объяснишь пьяной дракой. Разумеется, не со мной. Ну а когда я решу использовать твоё свидетельство, то не волнуйся о контракте. Род Ароновых предложит тебе новый.

— Возле Вихря...?

— Там, где это потребуется. Но сначала, заслужи свою косточку.

Поднявшись, я выглянул в коридор. Тишина. Не найдя в планшете блокнот, под диктовку избитого парня, я записал в календаре две фамилии. Крепыш Алёша Живцов, и Эдик Тузюмов, последний из троицы, тощий парнишка.

Позволив парню умыться лицо, я наблюдал за ним. Его потряхивало, глаз дёргался, хоть и повреждения не были такими уж критическими. Достаточно запугал? Хорошая взятка? Этого я предсказать не мог. В этом проклятом мире мне всё в новинку, первое время придётся действовать наугад. Однако, смерть и деньги — товар, который везде в ходу.

Я проследил за Алёшей, пока тот не скрылся за поворотом коридора, после чего спрятал смятую урну в кабинку и уже собирался уходить, но едва приоткрыв дверь, услышал знакомый голос.

— ...что я могу сделать? Я в точности следовал указаниям! — голос принадлежал Семёну.

— Слухи уже просочились в высшие круги, это недопустимо!

Второй голос оказался грубее, ниже. Дождавшись, когда звуки стихнут, я выглянул из уборной и успел заметить спину высокого, сгорбленного мужчины. Бесшумно ступая, я добрался до угла и наострил уши, прижимаясь к стене.

— У меня мало времени, — хрипло произнёс мужчина, зашедшись в кашле.

— Ты не здоров, отец?

— Не важно! Ты должен решить проблему до того, как он покинет Академию. Если хоть малейшие неудобства коснутся нашего Рода, пожинать последствия будешь только ты.

— Хорошо, отец.

— Остановить процесс уже невозможно. Ошибки больше недопустимы!

— Да понял я! — взвился Семён. — Ты приехал в Академию только чтобы напомнить, в какой я жопе?

— Следи за языком! — Послышался звук смачной затрепщины. — Я приехал подстраховаться, поскольку тебе больше нет веры. А теперь проваливай, и не дай Вихрь ты...

Дослушивать фразу я не стал, кошачьим шагом возвращаясь в укрытие. Лишь вернувшись в туалет, я грязно выругался, уставившись на себя в зеркало. Видели они избитого Алёшку? Наверняка видели, он пошёл в ту же сторону... Если на парня надавит сам граф, сотворённое оружие может обратиться против меня. Дьявольщина! Тысячу раз...

Щелчок дверного замка заставил встрепенуться, я продолжил как ни в чём не бывало умываться, но едва отняв ладони от лица, разглядел вошедшего и чертыхнулся.

Обрюзгшее лицо, мешки под глазами. Куропатов-старший выглядел тяжело больным, он сильно горбился, будто шея не могла удержать голову. Хрипло дыша, он привалился к соседней раковине и сплюнул кровь. Я хотел незаметно улизнуть, но гневный взгляд маленьких чёрных глаз уставился на меня.

— Увидел что-то забавное? Ты... — он резко замолчал. Узнал меня. Проклятье! Поверит старик в совпадение?

— Может доктора позвать? — предложил я, кивнув на раковину.

— Аронов-младший, какая встреча... — скрюченные пальцы вцепились в раковину, он с трудом стоял на ногах. — Отец тоже здесь?

Я картинно оглянулся и пожал плечами.

— Вроде не вижу.

Повисла напряжённая тишина. Строить из себя дурочка нет смысла, высказывать незаслуженное дружелюбие тоже. Эти черные глаза сканировали меня, граф Куропатов искал угрозу. Что ж.

— Что Вы делаете в Академии, граф?

— Не твоё дело.

— Приехали научить Сёму хорошим манерам? — с лёгкой иронией поинтересовался я.

— Достойный аристократ способен самостоятельно постоять за себя, — холодно отозвался он.

— И это Вы мне говорите о достоинстве? — я не удержался от смешка. — Втроём на одного, это достойно?

— Ничего не хочу слышать.

— А зря, ведь это проблема плохого воспитания. Быть может, хорошая взбучка, и из него ещё получится гордость рода Куропатовых?

На миг, мне показалось что в его руке сверкнула молния, но секунда — и видение исчезло. Прищурившись, граф пытался что-то во мне разглядеть.

— Дерзишь? Нет, только не ты. Ты бы не посмел. Всем известно, что отпрыск Ароновых знает своё место.

— Опасная риторика, граф. Я ведь могу счесть это наездом на семью.

Недобро ухмыльнувшись, он указал на символ рода Ароновых на моей груди: фигурную спираль, вышитую на форме.

— Ты ещё слишком молод, чтобы выступать от имени рода, мальчик. Будь послушным, как ты умеешь.

Куропатов откровенно меня провоцировал, этот урод даже не пытался маскировать оскорбления. Но мне то какой прок от этой беседы?

— Вы же понимаете, что этими провокациями усложняете жизнь своему отпрыску? — язвительно заметил я.

— Что...?

— Вы всё поняли. Скорейшего выздоровления, граф.

— Ах ты...

Дёрнувшись в мою сторону, он застыл в полушаге. Сжатый кулак задрожал, но он не применил силу. Не посмел.

Больше не провоцируя, я спешно покинул злосчастную уборную. Пускай драку взрослого со студентом сложно будет объяснить графской Ассамблее, но этот хмырь похож на психопата. Мёртвому, мне будет уже всё равно, как это выглядит. Не понаслышке знаю.

И всё-таки. Какого чёрта Куропатовы ко мне прицепились? Единственное логическое объяснение — они пытаются использовать меня как рычаг, для давления на отца, но и это не сходитесь! Меня пытались сделать овощем, а не взять в заложники или что-нибудь в этом духе. Это не шантаж и не угроза, это действие. Может отец больше не может зачать детей?

Вернувшись в шумный зал, я сразу заметил взволнованную Валерию, выискивающую меня в толпе. Хотел незаметно подойти сзади, но девушка будто почувствовала меня ещё за

несколько метров. Резко обернулась и подбежала, вцепившись в руку. Ну у неё и хватка...

— Господин Аронов, выслушайте, — попросила она. Вытянувшись в струнку, девушка важно произнесла. — Я официально прошу Вас принять волю Фатума в той роли, которую, по Вашим словам, мне назначили!

Потупив пару секунд, я уточнил.

— Это ты так извиняешься?

— Название не меняет сути, — Валерия вздёрнула подбородок. — Если Вы так хотите это услышать, то да. Я приношу извинения за оскорбительную формулировку, и то...

— Тише, — я накрыл ладонью её руку. Холодная, как ледышка. — Я не злюсь. Ты была честна со мной, и подкинула пару интересных мыслишек. Ну, насчёт мотивации твоего начальства... А теперь, давай вернёмся к экскурсии.

Довольно ухмыляясь, я обошёл застывшую девушку и направился к стойкам с компьютерными терминалами. Короткой перебежкой она нагнала меня.

— Что Вы имеете ввиду? Какие мыслишки?

— Ты сама сказала, что я всего лишь фамилия в отчёте. Известная фамилия.

— Но я же просто болтала! Вы же не думаете, что... Да постойте, прошу!

— Ты крутишься возле Михайлова, — улыбнулся я, милостиво сбавив темп. — Могла подслушать ненароком. Верно?

— Да я обычная студентка, он меня как писаря взял! Фёдор Игоревич, я Вас прошу...

Остановившись, я обернулся к спутнице. Строгая маска треснула, теперь передо мной предстала "отличница", не справившаяся с простым заданием. Глаза чуть ли не на мокром месте.

— Забудьте то, что я Вам сказала. Это сторяча... Александр Ефимович очень строг, и не простит сплетен за спиной. Меня лишат стипендии, а я ведь лучшая из послушниц первой степени, это был такой долгий путь...

Такую сцену передо мной разыграла, любо дорого смотреть. Она ужасно переигрывала, так картинно всхлипывала, что огромных трудов мне стоило подавить смехок. И всё же, я её понимал. Никто не хочет из-за случайного слова терять деньги.

— Зря стараешься. Я не привык сдавать свои источники. И хватит об этом, я заждался свой урок истории.

Мгновенно "выключив" слёзы, Валерия послушно кивнула.

— И какую лекцию Вы хотите послушать, господин?

— Давай начнём сначала, — предложил я, занимая свободный терминал. — Всё про мессию и магистерий, простыми словам. Прямо как для идиотов, ясно? И пободрее!

— В таком случае, давайте начнём с Зала Созвездий, — предложила она, ехидно добавив: — там, хотя бы, есть картинки.

Валерия повела меня к тому самому сферическому планетарию — замкнутой комнате с высокими потолками, все стены которой занимали экраны со звёздной картой. Дождавшись, когда блаженно улыбающийся студент выйдет наружу, мы вошли, и Валерия закрыла дверь, окунув нас в интимный полумрак.

— Давным-давно, в эпоху, когда магии в нашем мире ещё не существовало, пришёл Великий Вихрь, — начала свой рассказ девушка. — Он разрушал города, люди гибли десятками тысяч, но некоторым выжившим, Вихрь даровал особые силы, родовую магию. Помимо разрушений, Вихрь оставлял за собой чудовищ, названных "Тенями Ветра", и одолеть их могли только новоявленные одарённые, так что новое государство

формировалось вокруг великих семей.

— Фотки этих чудовищ сохранились?

— Можете издеваться, я не стану реагировать, — с достоинством отозвалась она, продолжая экскурс в историю. — Спустя годы, Вихрь утих, а точнее, застыл в одной точке. Он больше не блуждал по земле, оставался опасным лишь внутри, и в этот момент, мир преобразился, началась новая эпоха. Вихрь стал постоянным напоминанием об угрозе, и не смотря на все попытки, его не удалось погасить, мы лишь научились добывать из него эфир.

— И чем же, по-твоему, является эфир?

— Вы задаёте странный вопрос, господин. Даже великий магистр не в силах познать природу эфира! — важно сообщила Валерия. — Мы способны лишь принять дар и пустить его в ход. Сколько замечательных Наделённых появилось на свет, сколько чудесных изобретений...

— Ладно, я понял. Магическая хрень из Вихря. Вернись к месту, где я тебя перебил.

Обиженно сжав губы, она, тем не менее, подчинилась.

— Когда империя уже начала расцветать, император даровал особые полномочия одному мудрецу, Дауг Маррану, — это имя Валерия произнесла с придыханием. — Он основал Магистерий, и с тех самых пор, вот уже сто двадцать лет, под его началом, Магистерий ведёт поиск Мессии. Человека особого Дара, способного войти в центр Вихря.

— Войти в ураган? — я удивлённо вздёрнул брови. — Прямо в эпицентр?

— Великий мудрец уверен, что там кроются ответы, как навсегда уничтожить Вихрь и избавить империю от постоянной угрозы.

— И что, до сих пор никому не хватило яиц попробовать войти внутрь?

Я явно сболтнул лишнего. Девушка с такой силой сдавила панель, что даже костяшки пальцев побелели.

— Десятки людей погибли в попытках! — процедила она. — Их чтут как героев!

— Понял, не кипятись... Ну а техника? Магическая... ну... броня какая-нибудь?

— Вы не видели Вихрь вживую? — слегка остыв, Валерия снова выдавила из себя эту гадкую ухмылку.

— Краем глаза, — уклончиво ответил я.

— Тем более непонятно, почему Вы задаёте такой глупый вопрос.

— Напомни, насколько большая у тебя стипендия?

Улыбка быстро сползла с её лица.

— Я всего лишь хотела сказать, что это невозможно. Все доступные методы уже испробованы! Только Мессия способен совладать с Вихрем. Это совершенно точно!

И снова этот блаженный налёт в голосе. Носятся со своим Мессией, как с писаной торбой. Чувствовал ли я себя способным войти в, мать его, ураган и... Что? Руками его развеять? Что за вздор...

— Ладно, а сюда ты меня зачем привела?

— Зал Созвездий показывает, какую работу Магистерий уже провёл. Все носители даров отражены здесь, вплетены в созвездия.

— И я тоже?

— Разумеется! — Валерия застучала пальцами по клавиатуре консоли, и несколько звёзд увеличились в размерах. Если немного выпить, то эту кляксу можно принять за звериную морду. Девушка, лучась энтузиазмом, указала на точку на подбородке кривой морды. — Вот это Вы!

— Маловат что-то. Какая-то бородавка.

— Это звезда! — не сдержала смешка Валерия. — Вы же совсем молодой, да и владение даром, как я слышала... А вот Ваш отец! — её палец переметнулся к соседней звезде, та сияла значительно ярче моей.

Пробежав глазами по картинке, я насчитал двадцать две звезды, только большая часть казалась совсем блеклыми.

— А это умершая родня? — в ответ на её удивление, я небрежно отмахнулся: — это из энциклопедии глупых вопросов. Не отвлекайся.

— Эти звёзды отражают дружину Вашего рода. Дозволенная императором "наделённая двадцатка".

Дружина как часть семьи? Мне такой подход вполне понятен, но местные! Они же так восхваляют свою благородную кровь, с какого перепугу они согласились вплетать в созвездие слуг?

— Покажи созвездие Куропатова, — попросил я.

Несколько щелчков по клавишам, и появилась новая картинка, теперь в форме топора. Уже опытным взглядом, я прикинул. Четверо членов Рода, и девятнадцать наделённых.

— Почему их дружина меньше?

— Наверное, кто-то погиб, — Валерия пожала плечами. — Вы же понимаете, не всем так повезло с владениями, как Вашей семье. Земли других таят в себе много опасностей...

— Тебе бы сказки рассказывать, такой таинственной театральщины нагоняешь... И вообще, что тебе не нравится в моих владениях?

— Я говорила это без сарказма, господин! Волей Фатума, Вам достались обширные земли возле Вихря.

Иначе говоря — дом на границе с бедствием. И это она называет везением?!

— А Одарённые без рода? В каком они созвездии?

— Ч-что?

— В жизни не поверю, что академики всех посчитали. Где вольные наёмники? Убийцы, лекари...

— Чушь!

— Почему?

— Нет никаких вольных наёмников, это просто вздор! — раздражённо пробормотала она, яростно застучав пальцами по консоли. — Имперская гвардия давно всех перерезала, никого не осталось. Давайте лучше я скопирую Вам... Ой, а где Ваш планшет?

Действительно. Где? Неужели я в суматохе оставил его в туалете? Проклятый Куропатов!

— Кажется потерял, — признался я, чувствуя себя полнейшим дебилом.

— Господин, но нельзя же! — охнула Валерия.

— Разберусь. Ты скопируй что хотела, а я...

— Фёдор Игоревич, да куда же Вы!

Но я её уже не слушал. Широкими шагами я шёл обратно к туалету, и разумеется, моего планшета там уже не было. Характерный запах как бы намекал, что его утащила не уборщица, но неужели старый Куропатов падок на такие мелкие гадости?

В общий зал я возвращался с лёгкой тревогой на сердце, и стоило увидеть Семёна, с моим планшетом в руке... Моя тревога материализовалась в нечто конкретное.

— Федя! — выкрикнул Семён, заметив меня. — А ну иди сюда!

Может показалось? Нет, это точно мой. Дьявольщина!

— Что ты про меня разнюхиваешь? — выкрикнул он, размахивая планшетом. — Решил грязно играть? А ну постой!

Его нужно забрать. Если этот подонок найдёт там записанные фамилии, парни не доживут до момента, когда я соберусь их использовать. Глубоко вдохнув, я двинулся ему на встречу.

Младший Куропатов немного выше меня ростом, атлетически сложен. Он будто втягивал щёки, чтобы придать им более худой вид, а его острым подбородком можно бумагу резать. До чего удивительное различие с бульдожьей мордой его папаша!

— Господин Куропатов, — попытался вмешаться парень из obsługi, — в Архиве не положено...

— Завались! — огрызнулся Семён, отталкивая паренька. Подойдя ко мне, он ещё раз картинно взмахнул планшетом. — Это что такое, Федя? Решил грязные сплетни обо мне почитать?

— Сплетни? Какие ещё...

— Любишь копаться в грязном белье? Знать, кто с кем спит, раз сам, — он презрительно окинул меня взглядом, — не способен завоевать сердце девушки?

Стоящие рядом девушки захихикали, их глаза заинтересованно блестели, а я... Неужели пронесло? Неужели этот придурок ТАК использовал возможность? Закачал всякого мусора, чтобы меня просто... опозорить?

— Да, я люблю сплетни. Тебя это смущает, Сём? — я протянул руку. — Верни, что украл.

— Ты... — парень растерялся, явно ожидав другой реакции. — Что, Ароновы так теперь решают свои проблемы? Распространяя слухи?

— И ты правда считаешь себя проблемой? — усмехнулся я. — Ты всего лишь досадное недоразумение Семёна. Но вот когда ты зовёшь друзей, это да. Совсем другой разговор.

— Ты на что намекаешь?!

— Я говорю прямым текстом, — нарочито громко произнёс я. — Все здесь знают, что ты побоялся решить наш спор один на один.

— Какой ещё спор? — я продолжал протягивать руку и Семён, наконец, вернул мне планшет.

— Это ты мне скажи. Зачем ты отправил меня в больницу?

Семён сжал кулаки, уставился в одну точку. Сдаётся мне, отец понудил его к действию, но не снабдил соответствующими инструкциями. Смехотворное зрелище.

Публика ожидала продолжения выступления, но я уже получил, что хотел. Совершенно не выгодно сейчас лезть в драку. Официальное заявление Магистерия будет на моей стороне, и я ещё не решил, каким оно будет. Но если Семён ударит первым...

— Поступим так. Я сделаю вид, что этого разговора не было, а ты прекратишь наводить суету на ровном месте. Меня ждёт, — я помахал планшетом. — увлекательное чтение.

Уже разворачиваясь в сторону, я увидел красное свечение возле плеча Семёна. Такое же, как у избитого в туалете парня. Вокруг достаточно свидетелей, наверняка среди них есть

и одарённые. Осмелятся ли они вмешаться, если Семён решит меня прикончить?

— Ты никуда не пойдёшь! — процедил Семён, сжимая кулак.

Дьявольщина, я понятия не имел, как включить свою магию. Удар Алёши мне удалось остановить, но это можно списать на удачу. Нет. Сейчас, в моём арсенале только старые тренировки, только реакция и контрудар.

Ярко красное сияние опустилось по его руке от плеча, и материализовалось длинным шестом в руке. Я уже видел эту магию, но лезвие энергетической секиры — их родового дара, увидел впервые. Оно ещё не сформировалось до конца, но Семён не стал ждать, собираясь тупым концом огреть меня по затылку.

Рывком в сторону я увернулся от удара, энергетический шест звонко грохнул по полу. Я едва успел разорвать дистанцию — секира с громким "вууух" резанула по воздуху. Студенты, как я и думал, подались назад, освобождая для нас круг.

Сменив тактику, Семён попробовал пырнуть меня тупым концом, и резко выгнувшись в сторону, я с разворота впечатал ногу ему в грудь. Он отступил, вцепился в сияющую секиру двумя руками и отставил ногу для равновесия.

Я уже прикинул, какой удар будет следующим, спланировал, как пригнуться, чтобы сблизиться и врезать ему в челюсть. Семён замахнулся, я сменил стойку, готовясь сорваться с места, но в круг вошёл какой-то парень, встав между нами.

— Это недостойно, Куропатов, — ровным тоном сообщил высокий парень с прилизанными волосами. — Казерай не был иницирован, и Аронов только что из больницы. Не позорь свой род!

— Не лезь, Никитин. Не твоя проблема!

Семён попытался отпихнуть незнакомца рукоятью, но парень не был безоружным. Резким взмахом руки, он сотворил так же сияющую рапиру, грубо отбил удар и с громким шипением, провёл наконечником по каменному полу, оставляя глубокую царапину.

— Мы в Академии, здесь недопустимы плебейские драки. Если ты зайдёшь за черту, я сочту это вызовом. Погаси дар!!

Будто опомнившись, Семён оглянулся, выругался и позволил секире растаять в воздухе. Всё что осталось от нашей короткой стычки — отпечаток моей подошвы на его груди.

— Нравится прятаться за чужими спинами, а, Аронов!?

— Ты бы послушал умного человека, Семён. Хочешь выяснять отношения — сделаем это как положено благородным, на дуэли, — с вызовом произнёс я. — Пороху хватит, один на один помахатьсь?!

— Сейчас!!

— Не сейчас! — снова повторил Никитин, не спеша убирать оружие. — Он должен вернуться в норму. Или мне напомнить, как именно младший граф Аронов оказался в лечебнице?

Что-то нечленораздельно буркнув, Семён не стал спорить. Развернулся, и пошёл прочь, бесцеремонно расталкивая собравшихся зрителей. Студенты, потеряв интерес, возвращались к своим делам, но я не мог оставить последнее слово за паренёком. На повышенном тоне я окликнул его.

— Никитин! Я разве просил твоей защиты?

— Верен себе, Аронов? — презрительно вздёрнув подбородок, он отчеканил: — Гордыня однажды тебя погубит.

— И всё же, потрудись в следующий раз спросить разрешения.

— Мне не требуется твоё разрешение, я чту кодекс Академии. И поверь, у меня нет ни малейшего желания прикрывать твою спину. Я не забыл, как твой Род поступил с моим.

Оставив мне очередную загадку, парень растворился в толпе. До смерти надоело блуждать в потёмках. Что ему сделала моя семья? По крайней мере, этот тип высказывает неприязнь в лицо, такие редко бьют в спину.

Семён — другое дело. Его надо поставить на место, но парень прав. Пусть слабости я не чувствую, но одно дело драка без правил, и совсем другое — поединок. Вдруг, в дуэли запрещено махать кулаками? Хорош же я буду, оставшись беззащитным перед его волшебной палочкой...

— Господин! — взволнованный голос Валерии сбил меня с мысли.

— Ну что ещё? — резко огрызнулся я.

— Фёдор Игоревич, — зашептала она, попытавшись взять меня под локоть, — пойдёмте со мной, скорее...

— Успокойся, я же не стал хулиганить... — но девушка упорно тянула меня в сторону лифта. — Да что с тобой?!

— Вас срочно затребовал Александр Ефимович, в Академию прибыл имперский Чтец.

— И почему это должно меня беспокоить?

— Он будет читать ваше прошлое!

Звучит довольно зловеще, учитывая, что даже я сам терялся в двойственной структуре своих воспоминаний. Чтец... Где же я... Точно! Алёша упоминал его. Так значит, Михайлов вызвал сканера памяти? До моего согласия?

— Зачем он приехал? Расскажи подробней.

— К сожалению, Александр Ефимович не пояснил, — отозвалась девушка. — Планшет придётся оставить, давайте я скопирую.

— Не трудись.

Игнорируя её молчаливые намёки, я спешно полистал собранные Семёй статьи. Какие-то тайные романы, слухи о воскрешении мёртвых, и даже обвинения в уклонении от налогов. Одним словом, сплошная желтуха, тьфу. И это он использовал как повод для драки?

— Господииииин...

— Да иду я!

Тщательно выучив, я стёр имена из календаря, вручил планшет служащему, и нырнул за Валерией в лифт, размышляя о предстоящей встрече. Допустим, они узнают, что я из другого мира. Это ведь аномалия, верно? Могут они принудительно отправить меня на опыты? Насколько я понимаю, власть Магистерия не простирается над высшей аристократией, к которой я принадлежу. Но чтец то имперский!

— Я ведь всё ещё могу отказаться, верно?

— Как? — строгая Валерия усмехнулась от неожиданности. — Это такое событие! Он же один на всю империю, прибытие в Академию человека его уровня, всё равно что...

— Всё равно что увидеть улыбку на твоём лице, я понял.

— Хотите сказать, я угрюмая? — обиженно надулась она, вдавив кнопку нужного этажа.

— Ещё какая! Ты часто в зеркало смотришься? У тебя уголки губ скоро начнут расти вниз!

Будто пытаясь оспорить это заявление, Валерия вымучила улыбку. Секунда, и она снова нацепила строгую маску.

— Вы должны гордиться, что Чтец оказал Вам персональное внимание!

— Я не люблю сюрпризов. Твой босс ещё не получил моего согласия, шести вечера ещё нет. Так с какого рожна я должен демонстрировать своё прошлое этому чтецу?

— Вы чего! Чтец не подчиняется Магистерию, и... — она осеклась.

— Что?

— Это просто домыслы...

Девушка кусала губу, борясь с соблазном.

— Послушай, я дал тебе слово. Поделись, я же вижу, что хочется.

— Господин Михайлов вряд ли рад появлению Чтеца. Император редко вмешивается в дела Магистерия, и, мне кажется, пусть я и не особо верю, что Вы можете оказаться Мессией...

— Да-да, хватит уже этого пренебрежения!

— Извините. Мне кажется, что он хотел бы проверить Вас сам, а уже потом пускать Чтеца.

— Но обязан подчиниться воле Императора. Хм...

Почему-то стало холодно, кожа покрылась мурашками. Недовольно поёжившись, я разметался о горячем кофе. До чего же приятней было в обществе Ириши, в сравнении с этой барышней...

— Может быть, это Ваш отец подсуетился? — предположила Валерия. Девушке тоже было не по себе. Она ссутулилась, потирала ладонки, дышала на них.

— Что с температурой?

— Эфир, — коротко ответила она. Как будто это что-то объясняет...

На холоде мне всегда лучше соображалось. Я пытался представить отца, который принимал решение в информационном вакууме. Мог он отправить мне подмогу? Вполне. Насколько память подсказывала, отношения между Фёдором и отцом были вполне позитивные, если не считать...

Внезапно, подавляемые воспоминания захлестнули меня, сдавили горло, щемили сердце невыносимой болью. Я потерял брата. Это случилось совсем недавно, брат нёс службу возле Вихря, и погиб при загадочных обстоятельствах. Отец во всём полагался на него, готовил из Лёши наследника, и теперь единственной надеждой отца являюсь я...

Лифтовые двери раскрылись, и сделав шаг, я едва не врезался в оставленную на пороге тележку с двумя баллонами. На обоих красовалась маркировка в виде колокола, с узорной буквой «Б» на нём.

— Два баллона привёз... — удивлённо шепнула Валерия, осторожно обступая тележку, боясь даже одеждой её касаться.

Холод источали эти баллоны. Холод, пронизывающий до костей. Я чувствовал странный запах, будто забродившей вишни. Если бы не подсказка Валерии, я бы вполне мог счесть их содержимое сильно замороженным самогоном.

За тележкой начинался коридор с запертыми дверьми, и лишь одна, в самом конце, источала свет. Оттуда же доносились гневные выкрики.

— Я не стану это подписывать! Приказом императора, нам дозволено решать судьбу кандидатов! — голос принадлежал Михайлову.

— Это не пожизненное право. Последнее слово всегда за Государем.

Бас второго человека звучал громко, но спокойно.

— До отбраковки студенты принадлежат нам!

— Благородная кровь не собственность, чтобы Магистерий мог её присваивать. Вы ищете Мессию для Империи, а не для себя.

Услышав наши шаги, голоса смолкли. Из комнаты вышел Михайлов. Гневно скривив губы, он раскрыл дверь шире, жестом приглашая меня проходить. Однако, когда мы с ним поравнялись, остановил, схватив за руку.

— У нас был уговор, Вы дали слово!

— Я к этому не причастен.

Продолжая хмурится, он перевёл взгляд на Леру.

— И ты можешь это подтвердить? Ты не отходила от него ни на шаг, как я тебе и приказывал?

— Ну... — замялась девушка, потирая шею.

— Ты понижена до второй степени, — сухо заявил он. — Твои услуги более не требуются. Пошла прочь!

Совершенно растерянная, Валерия с надеждой поглядела на меня. Я лишь пожал плечами. Стиснув кулачки, она зажмурилась, сделала глубокий вдох, дав слёзы, и с достоинством направилась к лифту.

— А с Вами, Фёдор, мы поговорим позже. И поверьте, — он понизил голос до угрожающего шёпота. — У меня тоже найдутся рычаги, на которые можно нажать.

И он тоже направился к лифту, оставив меня одного в коридоре. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы совладать с чувствами. Дьявольщина! Мне до смерти надоело быть безвольным участником водоворота событий. Пора уже взять этот бред в свои руки, да только...

— Господин Аронов? — уточнил мужчина в армейском кителе, выглянув из кабинета. Лысая голова, бычья шея. Секьюрити какой-то. — Проходите, Вас ждут.

— Да уж догадываюсь...

В просторном кабинете было пусто, как будто он никому не принадлежал, даже в воздухе витали запахи недавно использованных моющих средств. Из обстановки — диван для посетителей, голые стены и массивный письменный стол, за которым удобно устроился толстый старик. Лохматые светлые волосы, казалось, никогда не знали расчёски, смятый плащ, застёгнутый на все пуговицы. Я бы счёл его не то бомжом, не то профессором, если бы не взгляд человека, привыкшего повелевать.

— Садитесь, юноша, Эфир сейчас принесут.

Толстым скрюченным пальцем он указал на кресло перед собой, лениво оставив руку лежать на столе. В каждом движении неторопливость, но это скорее манера поведения, чем усталость полного человека.

— Чем обязан Вашему вниманию, господин...?

— Просто Чтец, — отмахнулся он. — Я смертельно устал от высокопарных форм, каждый день одно и то же...

— И всё-таки? Вас прислал отец?

— Прислал? — он удивлённо вздёрнул бровь. — Я знаком с Игорем, но он не из тех людей, в чьей власти распоряжаться моим временем. Расслабься, не нужно нервничать.

Его помощник закатил в кабинет тележку и принялся возиться с ней у меня за спиной. Поёрзав, я подавил желание оглянуться.

— У меня выдались беспокойные дни, Чтец, и я хотел бы заранее знать, что меня ожидает. Безвестность лишает почвы под ногами, понимаете?

— Твоё беспокойство не беспочвенно, юноша, — заметил старик, барабанив толстыми пальцами по столешнице. — С тех пор как твой брат, упокой земля его душу, сгинул в Вихре, на твоей персоне сосредоточилось внимание высшей знати. Вопрос управления обширными владениями вашего рода и так стоит на повестке дня, теперь ещё и это несвоевременное нападение...

— Что значит "стоит на повестке"? — мгновенно напрягся я.

— Твоей отец не бессмертен, юноша. В интересах империи, чтобы после его смерти бразды правления взял достойный кандидат, а ты для нас тёмная лошадка. Так что конфликт между Куропатовыми и Ароновыми противоречит нашим интересам.

— Настолько, что Вы нашли время исследовать его лично?

— Если этот позорный инцидент, — Чтец невнятно махнул рукой в сторону выхода, — перерастёт в кровавую резню, Императору придётся вводить войска, аннексировать территории, искать управляющих... Это большие расходы, юноша. Моё время стоит дешевле.

— А отец в курсе, что Вы здесь?

— Разумеется. Эфир для процедуры предоставлен из запасов Вашей семьи.

Помощник закончил настройку и положил на стол две маски, трубками связанные с баллонами. Поклонившись хозяину, он вышел, плотно закрыв за собой дверь. Если бы не жуткий холод, баллоны можно было бы считать обогащённым кислородом, необходимым больному человеку.

— Что ж, не будем растягивать процедуру.

— Не спешите, Чтец. Я ещё не решил, дать ли своё согласие.

— Ты ждёшь от меня уговоров? — вздёрнул бровь Чтец. — Их не будет. Однако, в силу твоего возраста, я напомню, что отказ от сотрудничества с имперским Чтецом расценивается как мятеж. И если ты не хочешь, чтобы твоего отца осудили, дай мне руку.

Дьявольщина. Положив руку ладонью вверх, я внутренне напрягся, не зная, чего ожидать. Чтец, пальцами подтянув к себе маску, неаккуратно закрепил её на полном лице, оставив неприкрытыми только глаза.

— Инструкции будут?

— Расслабься и следуй за моим голосом, — через маску произнёс он, сделав глубокий вдох.

Вцепившись в мою руку словно коршун, Чтец уставился на меня, и зрачки его медленно начинали белеть. Сияющая белизна становилась неприятной, но от этого завораживающего зрелища невозможно было отвести взгляд.

Холод становился навязчивей, он будто двигался по трубке вдоль моей руки. Сердце защемило, оно билось всё медленнее, и лишь спустя несколько секунд я осознал, что ритм задавал Чтец, постукивая пальцем по моей ладони. Я лишь отметил этот факт, но уже не был способен сопротивляться. На меня накатила безумная усталость, глаза закрывались сами собой, я проваливался в сон, но...

Вместо сна была лишь чернота.

— **Вспомни о драке, юноша,** — голос Чтеца заполнял это пространство. Он подавлял волю, не давал ни шанса на сопротивление.

И я пробудил в памяти эпизод с Семёном. Я снова почувствовал пыльный матрас, слышал голоса троих ублюдков, стоящих надо мной. От ужасной боли в затылке хотелось кричать, но я мог лишь чувствовать, а не реагировать.

Голоса подростков звучали достаточно разборчиво, казалось вот они — прямые доказательства покушения на мою голову, но Чтецу было мало.

— **Вспомни, что было раньше.**

Раньше... Раньше я был другим.

В голове, против воли, всплыл эпизод из моей прошлой жизни. Я пытался утопить эти воспоминания в алкоголе, но её голос возвращался ко мне в кошмарах. Светловолосый ангел, самая красивая девушка на свете, печально глядящая мне в глаза. Запах дорогого парфюма, попсовая песенка, доносящаяся из летнего кафе и её бархатный голос, сквозивший болью...

— *Это была последняя капля, милый. Ты стал совсем другим.*

— *Не говори ерунды, я по-прежнему люблю тебя! Картинки из дарквеба — это просто работа...*

— *Я тоже люблю, но ты даже не понимаешь, в чём проблема. Тебя здесь уже нет...*

Меня там уже нет. Осознание характера этого видения исказило картинку, скрутило в спираль, пока перед мысленным взором снова не воцарилась тьма.

— **Покажи что было раньше,** — вторил голос Чтеца.

Он не мог это увидеть, не должен был! Я отчаянно сопротивлялся, боясь вспоминать прошлую жизнь. В сравнении с другим, это совсем безобидный эпизод... Я не должен вспоминать. Я Фёдор Аронов, младший сын графа...

Всплыл ещё один эпизод, и на этот раз, слава богу, перед глазами стоял незнакомый мужчина. Высокий как скала, и такой же надёжный. В его силах перевернуть мир. Он что-то собирался сказать, но искажение на этот раз принёс Чтец.

— **Отец. Он тренировал тебя. Вспоминай!**

Голос Чтеца разрывал барабанные перепонки, ломал кости, сдирал кожу с плоти. Я отчаянно хотел подчиниться, но просто не понимал, о какой тренировке идёт речь. Перед глазами проносились ночи, проведённые над учебниками, занятия в спортивном зале нашего имени, но жестокий голос продолжал требовать.

— **Обучение. Эфир. Обучение. Эфир.**

Он раз за разом повторял эти слова, и где-то на задворках сознания я чётко осознал, что это опасные воспоминания. Я не должен их показывать. Я сопротивлялся так долго, что холод смерти показался явью. Смерть... Стоило вспомнить, через что я прошёл, что воспоминания об отце принадлежат не мне, как боль сразу исчезла.

Я знал, что он пытается продолжать, но попытки обречены на провал. Если бы он попытался копнуть в Моё прошлое, я был бы бессилён, но Чтец и понятия не имеет, куда

смотреть. Раз за разом он бился в запертую дверь.

— **Забудь!** — голос грянул как гром, выбрасывая меня изо сна.

Спустя долгую бесконечность, я осознал себя на полу, тяжело дышащим подростком. Мне было тесно в своём теле, таком крохотном, по сравнению с сорокалетним мужиком. Пришлось крепко напрячься, чтобы восстановить картину реальности. Словно мантру, я мысленно повторял: «Я Фёдор Аронов, младший сын графа Аронова. Одарённый наследник рода».

Сердцебиение пришло в норму, дыхание успокоилось. Я сильно вспотел, рубашка прилипла к телу, но жуткого холода в кабинете больше не было. Поднявшись на дрожащих руках, я встретился взглядом с Чтецом, задумчиво постукивавшим скрюченным пальцем по столу.

— Как себя чувствуешь?

— Ужасно. Что это, особый сорт пыток? — устроившись в кресле, я почувствовал себя лучше, но всё равно отчаянно хотелось сходить в душ. И даже не столько отмыться от пота, сколько смыть незримое присутствие Чтеца в моей памяти.

— Я был крайне деликатен в своих исследованиях, однако...

— Что?

Он не ответил. Уставившись в одну точку, Чтец вдруг пришёл в движение, заёрзав на кресле.

— Не важно. Твоего свидетельства достаточно, инцидент можно расценить как покушение. Ты будешь выдвигать обвинения?

— Вы предлагаете выбрать мне?

— Я лишь напому о последствиях, которые могут коснуться твоей семьи, юноша. Дважды подумай, чего бы хотел от тебя отец, — нравоучительно произнёс Чтец.

Рассуждать тут нечего. Чтец нарисовал впечатляющую картинку, что может последовать за официальным обвинением. Да и честно говоря, сейчас я хотел обвинить только самого Чтеца, за то, что совал свой толстый нос туда, куда не нужно. Он до сих пор не задал наводящих вопросов, может и картинку он видит иначе?

— Фёдор, соберитесь!

— Да, простите. Я не стану выдвигать обвинения в покушении, но оставляю за собой право распространять слухи о трусливом нападении младшего Куропатова.

— Подобные слухи также могут разобщить ваши семьи, — заметил Чтец, — но в этом праве Империя не может тебе отказать. Решено.

Взявшись за стол, он с трудом поднялся. Встал и я. Ватные ноги едва слушались, я чувствовал себя насухо выжатым. Выдавленным, как тубик с зубной пастой.

— Кстати, что такое "дарквеб"?

Вопрос Чтеца заставил меня вздрогнуть.

— Что?

— Это слово всплывало в твоей памяти, на каком-то неудачном свидании.

— А, это просто сленг. Недостойные для благородного юноши изображения, — выдал я первое, что пришло в голову.

— Что ж. Прощай юноша, — перекатываясь с ноги на ногу, массивный Чтец проплыл мимо меня, — только ты не спеши, я вызвал местного. Тебя проводят до комнаты.

— На ногах пока стою.

— Не отказывайся, пять часов прошло. Солидный срок для мальчика твоего возраста.

Чтец закрыл за собой дверь, и я позволил себе устало рухнуть в кресло. Пять часов! Этот ублюдок сканировал меня грёбанных пять часов! Ладно хоть Михайлов в курсе, где я был, хотя он и так считает, что я нарушил наши договорённости. С этим придётся разобраться.

Столкнувшись с непреодолимой силой власти императора, я в полной мере осознал сложность своего положения. Зажатый, как в тисках, между императором и магистерием, связанный обязательствами перед Родом, ещё и под угрозой оказаться Мессией, которым, как пробкой, собираются заткнуть здоровенный ураган. Блестяще.

Мне казалось, что есть что-то ещё, что я упускаю важные детали, но за недостатком информации, эти размышления лишь толчение воды в ступе. Ближайший план — помириться с магистерием, завтра этим и займусь, а пока...

— Господин Аронов, — поздоровался местный паренёк в форме Академии, вряд ли старше меня возрастом. — Вам определили новую комнату, позвольте я провожу Вас.

— Веди.

В сон клонило невероятно. Я брёл по коридору, пялясь в спину провожатого, и все силы тратил на то, чтобы оставаться в сознании. Мы спустились на третий этаж, где начинался широкий коридор с множеством ответвлений и десятками запертых дверей.

Отбой, судя по всему, был совсем недавно, в коридоре оставались следы жизнедеятельности студентов — выставленные пакеты с мусором, вешалки с одеждой. Паренёк долго вёл меня через эти джунгли, и живописный коридор уже сменился безжизненной чистотой. С дверей пропали именные таблички, вместо них красовались просто номера.

— Далеко ещё?

— Почти пришли, господин. Вас определили в другие покои, — рассеянно отозвался служащий.

Его голос звучал скованно, будто паренёк прятал свои эмоции. Скопив взгляд, я заметил, как он оглядывается, выискивая кого-то в коридоре. И в этот момент оступившись, я вцепился в его руку и перед мысленным взором промелькнули три яркие картинки, одна за другой: дверь с цифрой 319, золотой медальон на письменном столе и трое серьёзных типов, с дубинками в руках.

Видение исчезло, перед глазами снова плыл пустой коридор, голова резко закружилась, я грузно осел, держась за плечо проводника. Мне точно не померещилось. Я лихорадочно соображал, как связаны между собой увиденные картинки. Мысли о том, как вообще я умудрился их увидеть придётся подавлять до поры до времени. Не к месту сейчас теории строить.

— Господин Аронов, Вы в порядке? — осведомился служащий, придерживая меня за руку.

— Нет, дружок, ничего не в порядке, — просипел я, пытаясь унять дрожь в ногах.

Меня колотило не от страха, а от чудовищной усталости. Эти видения лишили меня последних сил. Судорожно оглядываясь, я обратил внимание, что безликие цифры на дверях уже перевалили за три сотни.

— Вам нужно отдохнуть, господин, мы почти пришли.

Я пристальней оглядел своего провожатого: форма служащего Академии совсем не новая, залатанная на локтях. Тощий, угрюмый. Но больше всего меня беспокоил его бегающий взгляд. И всё же, я едва стоял на ногах. Ну какой из меня сейчас боец? Остаётся

уповать на дар убеждения.

— Ты лучше за себя беспокойся, дружок. Как зовут?

— Ч-что? — он вымучил улыбку. — Я простой служащий, моё имя не имеет значения.

— Даже понимая, что я скоро замолкну навсегда, ты боишься представиться? — усмехнулся я, перенося вес на одну ногу. На несколько ударов меня хватит, но что дальше? — Имя!

— В-Ваня... Послушник третьей степени, Иван Пяткин!

— Что ж, Иван. Тебе сказали, что я буду без сил, верно? — он вздрогнул, не ответив. —

Ты поэтому взялся за работу?

— Меня просто попросили проводить Вас, я не...

— Дара у тебя нет, но ты ведь представляешь, как он работает? — спокойно продолжал я. — Ты понимаешь, что эфирная выносливость важнее физической?

— Эфирная? — он застыл, уставившись в одну точку. — Это запас магических сил?

— Ты всё прекрасно понимаешь, дружок. Подумай ещё вот о чём. Ты слышал, как работает Чтец? Что питает его Дар?

— Я слышал по телевизору, говорят он носит с собой баки с эфиром... — парень встрепенулся. — К чему Вы спрашиваете?

Подавшись вперёд, я понизил голос до угрожающего шёпота.

— Ты видел тележку в кабинете, верно? В меня только что закачали два баллона чистейшего эфира. Неужели ты думаешь, что он просто, — я взмахнул рукой. — Испарился?

— Не испарился? — вжав голову в плечи, парень невольно отступил, к стене.

— Эфир до сих пор течёт по моим венам, и с его помощью я чую врагов... — презрительно усмехнувшись, я процедил: — ты собрал всего лишь троих друзей?

— Они мне не друзья, я просто проводник! Посыльный!

— Совсем не просто, Иван Пяткин. Ты соучастник покушения, так что это я стану для тебя проводником, — вкладывая в голос едва сдерживаемую ярость я произнёс. — Проводником в загробный мир.

— В-вы так шутите, господин?

— Да вроде бы даже не улыбаюсь.

Теперь он был в ужасе. Осталось немного надавить, но осторожно. Загнанный в угол человек способен на отчаянные поступки.

— У тебя есть всего один шанс спасти свою шкуру, но придётся потрудиться.

— Я не могу... Они накажут меня!

— Давай разберёмся. На одной чаше весов смерть, а на другой что? Стипендия?

— Меня вышвырнут из академии, а без стипендии я долго не протяну, это мой последний шанс!

— Каждый вертится как может...

Встрепенувшись, парень взглянул на меня с надеждой.

— Мне сказали, что с Вами только поговорят... Может быть Вы подыграете? Это ведь просто беседа!

— Как же ты жалок, Иван Пяткин. Найди в себе смелость осознать, чем конкретно ты занимался.

Он понурил голову, затих. Нельзя так просто это оставлять, в который раз Куропатовы переходят мне дорогу?

— Веди меня к Семёну.

— Какому Семёну?

— Не строй из себя дебила, ты всё понял. Я даю тебе шанс, неблагодарный ублюдок! Либо я разберусь с тем, кто тебе заплатил, либо потащу к Михайлову, и уж он развяжет тебе язык!

— Но ведь... — Иван рассеянно почесал затылок. — Мне же господин Михайлов и заплатил!

Так-так, а вот такого я не ожидал. Чиновник Магистерия покушается на дворянство? Здесь дисциплинарными наказаниями не обойдётся, это тянет на смертную казнь.

— Веди меня к Михайлову. И не заставляй тебя подгонять!

Интерлюдия

Подвеска автомобиля жалобно заскрипела, когда Чтец рухнул на сиденье. Водитель склонился в поклоне, дожидаясь, пока хозяин заправит полы плаща.

— Вам помочь? — вежливо поинтересовался он.

— Ты куда-то опаздываешь, придурок? — огрызнулся Чтец, ёрзая на сиденье. — Работа разонравилась?

Водитель не ответил, согнувшись в поклоне ещё ниже. Обычно, Чтец не огрызался на прислугу, но сейчас пребывал в состоянии неконтролируемого раздражения. Разум подсказывал, что для этого состояние есть другое слово, но Чтецу не хотелось его называть. И всё же это был страх.

Наконец он устроился, поглубже кутаясь в плащ, будто пытаясь согреться, и когда водитель запер дверь, потянулся скрюченным пальцем к кнопке включения экрана, но замер.

Стоит ли говорить с ним сейчас? В империи слабость никто не уважает, он не может допустить, чтобы голос сорвался. К несчастью, решение приняли за него. Браслет навязчиво завибрировал, вызывая мурашки на коже Чтеца. Он сделал глубокий вдох, и надавил на кнопку.

Звуконепроницаемая панель отделила его от передних сидений, экран ярким светом ударил в глаза. Переправив звонок с браслета на экран, Чтец подавил все эмоции и смело взглянул на собеседника.

— Есть результаты? — спросил тот. Судя по всему, он только проснулся: в полумраке Чтец видел лишь силуэт человека.

— И да, и нет. Вы были правы, обратив внимание на род Ароновых, однако я не могу сказать ничего конкретного.

— Не хватило эфира? — в голосе собеседника послышалась угроза. — Ты опять потратил казённые запасы на свои развлечения?

— Нет. — Чтец нервно постукивал пальцем по колену, подбирая слова. — Я истратил два полных сосуда, погрузился в его память, но не смог зайти туда, куда нужно.

— Ведёшь свою игру, Чтец? Всегда получалось досконально читать память, а когда это действительно нужно — вдруг «не вышло»?

— Я упёрся в блок, — буркнул он, чувствуя себя ребёнком, оправдывающимся перед родителями.

— Ты всегда ломал эти блоки. Что пошло не так?

Этот вопрос мучил Чтеца с того самого момента, когда он вышел из кабинета. Он знал,

что дар рода Ароновых — поглощение чужой силы, но был уверен, что сможет совладать с мальчишкой. Он взял два сосуда с эфиром, чтобы задавить его при необходимости, но здесь было что-то ещё.

У Чтеца было досье на их дар, впечатление жертв, и ни один из них не описывал ощущения, что его Дар просто... Отнимают.

— Я не знаю.

— Это неприемлемо! — собеседник ударил кулаком по столу. — Для тебя создали уникальные условия, единственный шанс для сеанса с молодым Ароновым, а ты?!

— Ситуация изменилась. Он не потерял рассудок, как было обещано!

— Хватит этих увёрток, Чтец!

Укутавшись поплотнее, Чтец отвёл взгляд.

— Вы прекрасно знаете, сколько ещё неисследованных граней магии. Мой... — он осёкся. — Защита Аронова может быть чем угодно: расщеплением сознания, психопрограммированием или другой неизвестной нам практикой. Напомню, что это уже второй случай блокировки воспоминаний. И оба человека прошли обучение у графа Аронова.

— Но в тот раз ты сломил блок, — напомнил собеседник.

— Это не в счёт. Боец сразу же умер.

Больше всего, Чтец боялся, что это с ним что-то не так, и ради сохранения своего положения, он должен изо всех сил уводить внимание от этой версии.

— Фёдор настроен продолжать конфликт с Куропатовым, мы можем разыграть эту карту, — предложил Чтец. — Исчезновение ещё одного бойца в локальном конфликте можно скрыть, я использую другой метод, сломаю его, и...

— Нет, — твёрдо сообщил человек на экране. — Я поступлю иначе.

Когда собеседник озвучил своё решение, Чтец облегчённо улыбнулся. Это снимет с него подозрение, избавит от проблем. Так будет лучше для всех.

Закончив беседу, он позвонил помощнику, велел подготовить жертву. Может быть, помощник разыщет для него этот самый "дарквеб". Недостойные благородного юнца картинки звучит очень соблазнительно... Ему нужно привести нервы в порядок, он это заслужил. Небольшой отдых в загородном имении, в безопасности...

Задумчиво глядя на ладонь, я сжимал и разжимал кулак, пытаюсь повторить фокус «красного кулака». Нихрена у меня не получалось. Возможно усталость, но всё же... Как я это сделал?

Дар Рода Ароновых — поглощение энергии. Однако нигде, даже в самых грязных закоулках памяти Фёдора не было ни слова о краже чужих способностей. И всё же я это сделал, верно? Чтец читал меня, а теперь я читал парня. Ну как читал... Пролистнул как журнал на унитазах, но всё же!

Мы поднялись на пятый этаж, где располагались комнаты Магистерских чиновников. В такой поздний час не сложно было догадаться, в каком кабинете сидит Михайлов, только из его двери бил свет. Иван в нерешительности замер на пороге, но я подтолкнул его в спину.

— Давай-давай, ты первый.

Тяжело вздохнув, он робко постучал и заглянул внутрь.

— Ну и чего ты припёрся? — тут же рявкнул Михайлов, но едва я зашёл следом, он застыл на миг, и рассмеялся. — Ну надо же! Стоило мне решить, что я нашёл толкового помощника, и на тебе.

— Извините, у меня не было выбора...

— Не отмазывайся, Иван. Выбор у тебя был, — хмыкнул я, разглядывая кабинет.

Интерьер может много сказать о владельце. Михайлов окружил себя предметами роскоши, похожими на награды за былые заслуги. Всякие драгоценные безделушки в коробках, клинок в ножнах, с клеймом мастера и даже собственный портрет, в толстой, музейной раме, гордо висевший за спиной. На столе, на почётном месте, стояла рамка с какой-то газетной вырезкой. Похоже, Михайлов падок на сантименты.

В остальном, небольшой кабинет скуп на мебель и выглядит беднее чем комната, которую занимал Чтец. Не конура, но квадратные метры — это роскошь, которая сразу бросается в глаза.

— Ну и что ты на меня смотришь, бездарь? — сложив пальцы домиком, Михайлов с ненавистью глядел на парня. Тот сжался, как вянущее растение.

— Что мне теперь делать?

— Собрать манатки. Завтра я вышвырну тебя из Академии.

— Но...

— Пошёл вон!!

Угрюмо понурив голову, парень вышел из кабинета, и я плотно запер за ним дверь. Голова всё ещё была ватной, но критическая ситуация подстёгивала, помогала шустро работать мозгами. Драки я не ждал, этот тип привык действовать чужими руками.

— Садись, раз пришёл, — буркнул Михайлов, открыв ящик письменного стола. Достав бутылку с янтарной жидкостью, он поинтересовался: — Будешь?

— Воздержусь.

— А я, вот, накачу. Никаких нервов не хватит с этими идиотами... — выудив стакан, он плеснул на два пальца и залпом его осушил. В воздухе повис терпкий аромат, ещё сильнее меня убаюкивая.

— Хороших кандидатов уже разобрали?

— Ты не понимаешь всей трагедии, Фёдор. Эта паства... Самые толковые из них

слишком блаженны для серьёзной работы, а оставшиеся... Ты сам тому свидетель. — Он подался вперёд, заискивающе улыбаясь. — Вот скажи, что пошло не так? Почему этот идиот не привёл тебя куда нужно? Или... — он подозрительно прищурился.

— Нет, твоих ребят я не тронул, — успокоил я. — Иван всю дорогу дрожал как девственник перед свиданием, не сложно догадаться, в чём дело. Остальное дело техники.

— Пытал?

— Задавал вопросы.

Михайлов ждал продолжения, но я не спешил. Постукивая пальцем по стакану, он с надеждой смотрел на меня, и, наконец, не выдержал.

— Тебя должны были просто избить, ничего серьёзного. Оставили бы визитку Семёна Куропатова, у тебя появился бы ещё один повод для мести... Чистая работа.

— По камерам могли увидеть Ивана, выйти на тебя.

— Отключены, — отмахнулся он. — А вот на этом этаже, к сожалению, исправно работают.

— Серьёзная подготовка.

— Я тебя умоляю... Слепленный на коленке план, дырявый, как носки нищего. Это позор, а не подготовка.

— И всё же был шанс, что сработает. Что ж... Надеюсь, хоть предоплату взял?

После недолгой паузы, его лицо осветилось пониманием.

— Ты думаешь, мне за тебя заплатили? Нет, Фёдор, это моя инициатива.

— Но зачем?

— И ты ещё спрашиваешь? После того дерьма, в которое ты сегодня меня макнул? — откинувшись на спинку кресла, он усмехнулся. — Просто поразительно, насколько у юнцов из высшей аристократии раздутое эго. Ты даже не понял, как серьёзно меня переехал?

— Разве я отказался сотрудничать?

— Да мне уже насрать на твоё сотрудничество. Я должен был сделать всё тихо, работа у меня такая. Вспомни нашу беседу. Сколько раз я попросил не распускать язык? — Михайлов стиснул кулак. — Эта сука должна была следить за тобой, и что в результате? Грёбанный Чтец на моём пороге!

Налив ещё, он сделал добротный глоток и грохнул стаканом об стол.

— Не заводись, я его не вызывал.

— Охренительно удачное совпадение.

— Какая удача, Саш? Он пять часов меня допрашивал! — теперь уже я повысил голос.

— Ты сам на это пошёл! Ты и твой... — он осёкся, сделал глубокий вдох. — Граф Аронов не допустил бы допроса без всех этих, — Михайлов раздражённо отмахнулся, — расшаркиваний перед Ассамблеей.

— И тем не менее, это был допрос. Чтец выбил из меня отказ от обвинения ублюдка Куропатова, копался в моей памяти, и ты хочешь сказать, что я сам на это пошёл? — теперь уже мне пришлось выдыхать. Я с трудом разжал кулаки. — Купайся в своей злобе сколько хочешь, но не считай меня идиотом, не способным из двух предложений выбрать более выгодное.

Повисла напряжённая тишина. Я слабо представлял, как с ним поступить. По законам Ассамблеи, Михайлову светит смертная казнь, но меня подкупала его честность. Возможно он сможет выкупить свою жизнь?

— И что будет дальше? Я выложил перед тобой карты, Фёдор, выноси вердикт.

— Налей мне.

Удивлённо вздёрнул брови, Михайлов достал второй стакан и разлил пряный напиток.

— Старцовское, десятилетней выдержки, — зачем-то пояснил он. — Когда-то, я служил на их землях...

Обжигающее пойло теплом разливалось по желудку. Я молча наблюдал, как неловко этот властный чиновник пытается закрутить крышку. Он осознавал, что его ждёт, и всё равно не пытался напасть. Прекрасная демонстрация превосходства одарённых.

— Давай начистоту. Мне не нравится ситуация, в которой я оказался. Мои мысли читали пять часов, под высосанным из пальца предлогом. Я уверен, что Куропатов интересовал Чтеца меньше всего, — неспешно размышлял я, катая стакан по столу. — И твоей конторе, и императору от меня что-то нужно, но сам я хочу лишь снять с себя клеймо "потенциального Мессии" и заняться своими делами. Это ясно?

— Допустим.

— Однако, я заперт здесь. Вместе с Куропатовым, который пытался меня прикончить. И теперь мне придётся спустить дело на тормозах, хоть я и сильно сомневаюсь, что Семён остановится.

— Нападёт ещё раз?

— У меня есть повод так думать. Да. И после всего этого дерьма появляешься ты, со своей глупой мстостью. Этого твоего, — я искажил голос до издевательского, — «ты меня переехал, злой аристократик» мне недостаточно. Будь добр, объясни контекст.

— Я сказал как есть. Ты подвернулся под горячую руку.

— Это огромный риск для обычного человека — нападать на аристократа, — жестко отрезал я.

— Хочешь правды? Завтра меня вышвырнут из Академии, и сегодня был последний шанс отплатить тебе за это. Человеку моих навыков, сидеть без работы всё равно что смерть, — он горько усмехнулся, — разве что в преступный мир окунуться.

— Найти другую работу уже не вариант?

— Даже не спрашивай, — он скривился. — Я возглавлял службу безопасности в клане Старцовских, но... Меня уволили за чрезмерную жестокость, распустили об этом инциденте слухи, и теперь приличный аристократ меня даже пол подметать не пустит.

Он замолчал, наливая очередную порцию, а я размышлял. Таить обиду за эту нелепую попытку отомстить я не собирался. Он всё ещё сотрудник Магистерия, пускай не самого высшего звена, но это ресурс, которым нельзя разбрасываться.

— А что, если я предложу тебе работу?

Михайлов замер, не донеся стакан до лица.

— Работу? Ты?!

— Убери этот пренебрежительный тон.

— Это не скепсис, Фёдор, это шок, — хохотнул он. — Род Ароновых слишком знатен, чтобы допустить к работе человека с моим прошлым.

— Я могу решить этот вопрос, если мы договоримся.

— И это после того, что я для тебя готовил?

— Да. Мне нет дела до не свершившихся событий, я же вижу, что ты руководствовался ложными данными, — размышлял я. — Впереди ещё три недели в этом гадюшнике, и мне нужен здесь свой человек. Когда я покину эти стены, я заберу тебя с собой.

От улыбки не осталось и следа. Откинувшись на спинку кресла, Михайлов внимательно

изучал меня взглядом.

— Так ты серьёзен?

— Если, — я вздёрнул палец, — ты будешь полезен.

— Хочешь организовать несчастный случай для Куропатова? — заинтересовался Михайлов.

— Забудь про него. Мне нужна информация и анализ. Объясни, в чём причина такой таинственности вокруг моей персоны?

— У меня есть лишь догадки.

— За пустым столом и корка хлеба — пир.

Поднявшись, Михайлов прошёлся до двери, и лишь убедившись, что коридор пуст, неспешно пошёл обратно, размышляя на ходу.

— Ходят слухи, что представители Императора интересовались тобой ещё до нападения. Как минимум, результаты ежемесячных осмотров утекли в их загребущие руки. Ну а повышенный интерес к действующим студентам... Сам понимаешь.

— Что?

— Магистерий ищет того, сами не зная кого. И если они перестанут усердно искать, всё это, — он обвёл комнату руками, — может показаться императору напрасной тратой денег. Так что я даже не удивился, когда магистры вручили мне отчёт целителя и отправили по твою душу.

— Именно тебя?

— Среди прочих, у меня есть опыт работы с дворянством, и я умею решать вопросы неординарными методами. Действовать быстро и жёстко.

— Но если им нужна лишь видимость, почему не договориться?

— А вот здесь начинается самое смешное. Несмотря ни на что, эти блаженные верят, что могут найти Мессию, и до смерти боятся его упустить. Боятся, что эту мифическую личность украдут прямо из их здания, воспитают за стенами родового имения, или, что ещё хуже, во дворце императора.

— И в чём смысл? Что, миропорядок изменится, если Вихрь одолеет не Магистерий?

— Как-то определённо изменится, но не берусь предсказывать будущее. Явление Мессии начнёт новую эпоху.

В этом я очень сильно сомневался. Никто не захочет отдавать власть. Мессию посадят на поводок с очень жестким ошейником.

— Значит они вцепятся в меня изо всех сил.

— У них нет власти, удерживать тебя, — отмахнулся Михайлов. — Так что, если в отчёте Чтеца будет что-то любопытное, уже завтра может заявиться имперская гвардия и выдернуть тебя, наплевав на все договорённости. Хорошо это или плохо, решай сам. Ну а моя судьба предрешена даже без их появления...

— Дьявольщина... Допустим, гвардия не приедет. Что можно сделать, чтобы тебя не сняли с должности?

— Ультиматум сработает. Я не настолько важная птица, чтобы не пойти на торг.

— Так и поступим. Организуй мне встречу с кем нужно.

— А что дальше? Какой у тебя план?

На этот вопрос у меня не находилось ответа. Ждать, наблюдать, реагировать. Без громкого скандала, уйти нетронутым их исследовательской мощью не получится. Вот только оставаясь, я сильно рискую засветить новоприобретённые способности, а то и вовсе свою

двойственную сущность.

— Подыграю Магистерию. Твоей задачей будет обеспечить условия, в которых я как можно меньше буду походить на роль Мессии. Подтасовка данных возможна?

— Со скрипом, — скривившись, признался Михайлов. — Но что-нибудь я обязательно придумаю. Я ведь всё ещё должен заслужить новую работу, верно?

— Насчёт этого... Я должен предупредить.

— Внимательно слушаю.

— Тебе придётся пройти серьёзную проверку, прежде чем попасть в штат.

— Я слышан про вашу вербовку, — отмахнулся он. — Согласен на всё, хоть гипнотизируйте.

— Договорились.

Я протянул руку, и Михайлов ответил на рукопожатие, но вопреки моим ожиданиям, в этот раз никаких картинок, никаких живых образов. Эх, а теория о прикосновении была так хороша...

— Завтра я пришлю тебе нового болванчика, Магистерий требовал постоянного надзора вне стен лекториума.

— Не нужно новых, верни Валерию.

— Её? — он удивлённо вздёрнул брови.

— А в чём проблема?

— Она тёмная лошадка, — пожал он плечами. — Устроилась сюда по липовым документам. Отчасти, из-за этого я и взял девчонку под крыло, слишком удобный рычаг.

— Но проблем с ней не было?

— Нет, она крайне работоспособна, послушна, но... — Михайлов скривился. — Иногда, хочется вырвать ей язык.

— Беру. Я уже привык к её язвительности.

— Что ж, твоё право. Я пришлю её утром.

Он засуетился, достав из ящика стола ключ-карту с брелоком и планшет в цветах Магистерия — бело синий. Заверив, что планшет чистый, без встроенного трекинга, Михайлов помог его активировать отпечатком пальца и добавил свой номер в контакты. С ключом, Михайлов расставался менее охотно.

— Универсальный. Последний из партии, оставленной предшественником.

— Любые двери?

— Кроме тех, где стоит дополнительная защита. Бери, — он пододвинул ключ ко мне. — Раз уж всё так повернулось, буду набивать себе цену.

Михайлов сообщил мне номер комнаты и я, наконец-то, оказался один в полумраке коридора. Позвонок грозился рассыпаться как карточный домик, мне до смерти хотелось спать. И всё-таки, я собой доволен. Завербовал человека, купил информацию, избежал побоев, да ещё и с подарком ушёл.

Однако, переварить скопленную за день информацию я был уже не в силах. Я нисколько не сомневался, что в Академии для меня много угроз, но по крайней мере от Михайлова больше не ждал подвоха, я чертовски гордился своей идеей пообещать ему вожаденный приз.

И всё-таки, я слишком устал, чтобы ложиться спать с тревогой на сердце. Хватит на сегодня сюрпризов. Так что добравшись до комнат студентов, я прошёл мимо названной Михайловым и углубился в лабиринт коридоров, выбирая красивый номер.

Множество комнат пустовали, дожидаясь новых гостей, но теперь у меня был к ним доступ. Я забрался достаточно далеко, чтобы успокоить паранойю, и пиликнул ключ-картой, заходя в пустые апартаменты.

Затхлый запах пыли, сваленная в раковине посуда. Жилец съехал достаточно давно, личных вещей совсем не осталось. Открыв окно, я осмотрел владения: небольшая кухня-гостиная, всего одна комната. Подперев входную дверь стулом, я заставил себя зайти в душ.

Позволяя горячим каплям стекать по телу, я всё рассматривал ладонь, пытаюсь найти аномалию. Кнопки включения разработчик не предусмотрел, и как тогда мне пускать новую способность в ход? Если бы в прошлой жизни я мог читать чужую память... Горькое сожаление об упущенных возможностях крупными каплями стекало на кафельный пол, вместе с усталостью и потом.

Плевать. Пусть прошлое остаётся в прошлом. Ни за что не упущу новый шанс. Здесь я могу чего-то добиться, и при этом остаться человеком, не переступать грань. Если обстоятельства не вынудят вернуться к старым навыкам. Отпрыски благородных семей не внушали доверия, и я почти не сомневался, что их родители ещё хуже.

Рухнув на кровать, я был уверен, что не смогу уснуть, но вырубился, едва голова коснулась подушки.

Сны... Передо мной мельтешила череда случайных картинок из двух миров, из двух жизней. Я стыдился за поступки, которых не совершал и удивлялся тому, что раньше считал обыденным. Мне казалось, что рождается некий симбиоз двух характеров, жестокого, но справедливого меня прошлого, и верного своему роду, трусливого, но хитрого меня настоящего.

Когда я проснулся, эта каша из воспоминаний неприятным послевкусием ещё оставалась во мне. Я хотел погрузиться в анализ, пока сон не отступил окончательно, но резкий звон ложки в соседней комнате мгновенно лишил остатков сонливости.

Я здесь не один.

Поднявшись, я крадучись подобрался к двери, готовясь к худшему, но едва выглянув, поражённо застыл. На моей кухне сидела Валерия. Она качалась на стуле, ловко балансируя на двух ножках. Закрыв глаза, девушка сложила руки на бёдрах, будто медитировала, и только моё появление заставило её встрепенуться.

— О! — стул с грохотом опустился, девушка скороговоркой проговорила. — Доброе утро, господин!

— Что ты здесь делаешь?

— Волей Фатума, меня назначили Вашим куратором, — важно начала Валерия. — Теперь, в мои обязанности входит сопровождать Вас везде, кроме лектория.

— Фатум здесь не причём, это моей волей ты сейчас здесь, — буркнул я, усевшись за стол. — И меня смущает одна маленькая деталь.

— Что-то не так?

Девушка осмотрела себя, будто в поисках несовершенства. Сегодня она надела юбку и чулки, плотно стягивающие подтянутые бёдра. Я невольно задумался, не ради меня ли вырядилась? Наверняка Михайлов сообщил ей, кому она обязана работой.

— Как ты меня нашла?

— В смысле? — Валерия недоумённо вскинула бровь. — Александр Ефимович написал, объяснил, что...

— Это всё понятно, но я ему не сообщал, в какой комнате буду ночевать.

— Да что Вы ерунду говорите! — девушка выдала нервный смешок. — Он же дал Вам ключ!

— От другой комнаты.

Валерия замерла. Немигающим взором уставившись на меня, она подобралась, сложила руки на столе, будто за партой, и медленно, как на сеансе гипноза, произнесла.

— Значит я перепутала. Ничего особенного не произошло.

— Так уж ничего, м?

— Я понимаю, как это выглядит, но...

— Правду. Живо.

С шумным выдохом, её маска безразличия разбилась в дребезги, она раздражённо затараторила:

— Я же вчера из-за Вас попала под незаслуженное наказание, помните? Я не нарушала приказ, но лишилась преимуществ, которые зарабатывала долгие месяцы!

— Кажется, Михайлов приказывал тебе не оставлять меня одного.

— Я всего-то на минутку отбежала, — твёрдо сказала она. — Вы бы ничего не успели сделать.

— Это "ничего" мы обсудим попозже, — хмыкнул я, лениво почёсывая живот. — Ты не увиливай. Объясни, как сюда попала.

— Хотела поговорить... Наблюдала...

Её щёки покрыл лёгкий румянец, она упорно смотрела в сторону, только желваки играли на скулах.

— Следила за мной?

— Немножко.

— Ладно. Но неужели тебя не удивило то, что дверь была забаррикадирована? Как вообще ты вошла?

— С трудом, — буркнула девушка, кивнув головой в сторону туалета. Там, на трёх ножках, стоял стул. Сломанная четвёртая нелепо приставлена к трещине. — Господин, ну не надо так... Я же не сделала ничего плохого! Просто выполняла работу... Александр Ефимович написал мне, сказал, что это последний шанс. Последний, понимаете? Мне нельзя его упускать!

Шпион, взломщица и очень плохая врунья. Кого я пригрел на своей груди? И всё же, у неё была целая ночь, чтобы меня прикончить.

— Ладно. Сделай мне кофе.

Скользнув взглядом на мой голый торс, она проворчала.

— Вам бы одеться, для приличия. И я куратор, а не Ваша прислуга!

— Я тебя не звал. Раз пришла — наслаждайся зрелищем, не стесняйся. Можешь не бросать эти взгляды исподлобья.

— Я ещё ничего не бросала!

— И вообще, скажи спасибо, что я не нагишом. А то есть у меня такая привычка... — гнусно хихикая, я наблюдал, как она краснеет ещё сильнее. Стиснула кулак, прикусила губу, но через пару секунд заставила себя выдохнуть.

— Ладно, я сделаю для Вас кофе. Не нужно шантажировать.

Всем своим видом изображая непокорное страдание, девушка засуетилась за стойкой. Очень, очень любопытная особа. Что же прячется в её прошлом? Терпеть не могу неразгаданные загадки, но положение слишком шаткое, чтобы разбрасываться лояльными людьми. Позже, я опробую на ней приобретённый Дар. Посмотрим, о чём расскажет её память.

— Вот, угощайтесь.

Благодарно кивнув, я пригубил горячий напиток и расплылся в блаженной улыбке. Кофеин разгонял мысли, тонизировал, настраивая на тяжёлый день. Мне предстоит много работы сегодня, нужно собрать тонну информации, спланировать стратегию, организовать защиту...

В прошлой жизни, меня не раз пытались прикончить. Высокое положение неизбежно привлекает внимание. В новой жизни, мой потенциал намного выше. Наследник именитого рода. Одарённый. Снова опустив взгляд на руку, я сжал кулак, напрягал руку несколько секунд, но красного свечения так и не появилось.

— Вы ещё злитесь? — робко спросила Валерия, заметив моё упражнение. — Если что, то драться не нужно, я всё поняла. Буду спрашивать разрешения, прежде чем приходить.

— Да нет, с этим то, как раз, я могу смириться.

— А с чем не можете?

Сев рядом, она закинула ногу на ногу, небрежно подтянула юбку, предоставив мне соблазнительный вид на бедро. Этого ещё не хватало...

— Я не переносу вранья и притворства. Хватит, Лера! Ну вот что ты сейчас делаешь? Вообразила из себя великую соблазнительницу?

— Нет, я просто села...

— Прекрати играть! Расслабься, веди себя как обычно!

— Да не знаю я, как себя вести! — вспыхнула она. — Довольны? Я не знаю, что мне нужно делать, чтобы не потерять работу!

— Твой единственный шанс сохранить место куратора — быть собой. Веди себя естественно, большего я не требую.

Отведя взгляд, она обречённо пробормотала.

— Вам это не понравится...

— Мой вкус весьма специфичен, подруга. Ты удивишься.

Допив остывший кофе, я оставил девушку сосредоточенно пялиться в одну точку, и вернулся в спальню. Прижав палец к считывателю на планшете, я встретил пустую оболочку. Интерфейс до обидного скуден, никаких мне энгри бёрдс. Благо что в календаре нашлись записи на сегодня.

День начнётся с «Дароведения». Сегодня одно из заключительных занятий по этой дисциплине, но скудного описания не хватило чтобы понять, чему конкретно там учат. Здесь же значился номер аудитории. Потом будет обед и "процедуры", описание которых отсутствовало напрочь. Вместо номера комнаты значилось лаконичное «Зал испытаний Фатума».

Где-то в этом промежутке мне надо поймать Михайлова, поболтать на свежую голову. Если я правильно распознал его характер, этот тип может проявить излишнюю инициативу, а сюрпризов с меня уже хватит.

Одеваясь, я размышлял, стоит ли обсуждать с ним Леру. По-хорошему, мне бы человека со стороны найти, кто всё разносит, и дома у меня был такой... Не в прошлой жизни, уже здесь. Фёдор обращался разок к человеку отца со странной просьбой, раздобыть телефон одноклассницы.

Когда я вернулся на кухню, Валерия тут же сорвалась с места, потянувшись к моему воротнику.

— Вы позволите, господин?

— Для начала, мы избавимся от "господинканья", меня уже начинает это бесить, — проворчал я, позволив девушке поправить складку.

— Хорошо. По имени отчеству Вас устроит, Фёдор Игоревич? — отступив, она внимательно осмотрела меня и довольно кивнула.

— Просто Федя. И мы переходим на "ты".

— Странный у... тебя подход к подчинённым. Или благородные теперь так соблазняют простолюдинок?

Заметив, как она прячет улыбку, я одобрительно кивнул.

— Вот так, уже лучше. Можешь же, когда хочешь.

— Я буду стараться...

Вытолкав девушку за дверь, я не стал запираеть комнату, всё равно больше сюда не вернусь. И, миновав пару поворотов, мы окунулись в утренний трафик. Молодняк спешил, каждый по своим делам. Кто-то со мной здоровался, я вяло отвечал, не запоминая лиц. Интересующих, среди них не было.

Пробившись через вереницу коридоров, мы вошли в овальный зал, напоминавший фудкорт в торговом центре. Большую часть площади занимали столы, освещённые яркими лучами утреннего солнца. От витавших в воздухе ароматов у меня нетерпеливо заурчал желудок.

Здесь, как в самых обыкновенных столовках, была небольшая очередь с подносами, и я заметил, что собрались не только студенты. Несколько взрослых, возможно обслуга или преподаватели, чувствовали себя свободно среди молодёжи, а ведь это сливки общества,

дети из знатных родов. Или я ошибаюсь?

Пристроившись в очередь, я крикнул с досады — передо мной стояло три девчонки, одна из которых, Лайза Петрова, яркими образами вспыхнула в памяти Фёдора. Подруга детства, земля её семьи соседствовала с нашей.

— Ого, Аронов, ты уже выздоровел? — чирикнула блондинка, пихая подругу в бок.

Лайза, взмахнув роскошными, каштановыми косами, резко обернулась, расплывшись в очаровательной улыбке. Взгляд против воли упал на декольте. Ей бы сниматься в рекламе баварских фестивалей с такими размерами... На щеках Лайзы проявились ямочки, голубые глаза заинтересованно заблестели, но стоило ей заметить Леру...

— Нашёл себе новую игрушку, Федя? — с нескрываемой обидой произнесла она, насупив брови.

— Я его куратор, госпожа Петрова.

— На многое не рассчитывай, девочка. Федя так низко не упадёт. Правда?

Встав боком, она приподняла ногу на носке, сложила руки под грудью, пытаясь придать ей ещё больший объём, в общем вела себя как распутная девка. Подружки хихикали, глядя на перфоманс Лайзы, а я лишь мягко подтолкнул её вперёд.

— Очередь двигается.

Стиснув губы, Лайза отвернулась. Они о чём-то ожесточённо шептались, то и дело поглядывая назад, но конкретно у этой барышни со мной никаких шансов. Я боялся её. Боялся сболтнуть лишнего, ведь они дружили с Фёдором, и образы из прошлого затуманены его неконтролируемым влечением.

Набрав полный поднос аппетитной снеди, я устроился в дальнем углу зала, а Лера застыла с подносом в руках.

— Это моё любимое место, — удивлённо сказала она.

— Не уступлю.

— Да нет же, столик этот... — сев рядом, она указала на зал. — Отсюда удобно наблюдать.

— Ну так давай, поделись наблюдениями. Расскажи, что думаешь про местную фауну.

Лайза с подружками демонстративно прошла мимо, сев вместе с нашими одногруппниками. За длинным столом я видел Семёна и ещё нескольких ребят. Вспоминать каждого по отдельности было мукой, чужие воспоминания, как неразобранная папка с фотографиями. Тысячу лет потратишь, чтобы найти нужную.

— Она просто ревнует...

— Забудь ты про Лайзу. Дай мне общую картину. Вот, например: почему форма Академии разных цветов?

— Ты почти год здесь провёл! Нельзя же настолько не интересоваться своим окружением!

— Я просил нотаций? Моё терпение не безгранично.

— Ладно-ладно, извини. — Она поёрзала на сиденье, оглядывая зал. — Ну, с зелёными пиджаками всё просто, это новички.

Лера указала на группу молодых ребят, оккупировавших угол в дальнем конце столовой. Они сдвинули столы, шумели, веселились, в общем вели себя как дети. Я заметил, что девушек было в два раза меньше.

— Всегда такие пропорции? — поинтересовался я, терзая ножом мясо.

— Обычно, барышень ещё меньше. Ты же понимаешь...

— Поясняяй.

Скорчив недовольную рожицу, Лера наклонилась ко мне и прошептала.

— Среди светских дам ходит обычай, не допускать дочерей к обучению владению даром.

— И где они их прячут?

— Дома. Учат всякому... Всякой ерунде, понимаешь? Выращивают себе кукол, неприспособленных к нормальной жизни, а потом удивляются, когда они... А, не важно.

— Нет, говори-говори. Мне очень любопытно!

— Лучше подруг поспрашивай, я же простолюдинка... Откуда мне про это знать... — ожесточённо ковыряя оладью вилкой, она, всё же, не выдержала: — даже в Магистерии на это закрывают глаза, представляешь? Им плевать на девочек... Говорят, будто сам Даут Марран верит, что Мессия будет мальчиком. Бред! — надавив на вилку так, что зубчики погнулись, Лера опомнилась, и буркнула. — Извини...

— Лаааадно...

— В синей форме как у тебя — это выпускники, последние два месяца обучения, — спешно продолжила девушка. — а в чёрной, как у меня, студенты Магистерия, неодарённые.

— Даже взрослые?

В нескольких столиках от нас, посреди совсем юных барышень, робко трапезничала женщина, лет сорока. Дааа, Академия предоставляет широкое многообразие, юным аристократам даже милфа может перепасть.

— А что тебя удивляет? — вздёрнула бровь девушка. — На каждое место в Академии огромный конкурс, сюда набирают лучших.

— Такие хорошие уроки?

— Исполняя волю Фатума, Магистерий гарантирует трудоустройство своих студентов.

— Куда? Проповеди читать? — активно жестикулируя поинтересовался я.

Невольно задев стакан с соком, я отправил тот в короткий полёт, но звона стекла не последовало. Резким движением, практически машинально, Лера перехватила его и вернула на стол.

— Смейся сколько хочешь, но выпускники академии работают в совершенно разных областях. И да, если тебя это так беспокоит, мы распространяем учение Фатума, но по доброй воле, а не по приказу!

— Ловко ты, — я указал на стакан, но девушка не поняла намёка.

— Тебя вводит в заблуждение моя деятельность здесь, с тобой, но это просто практика. Многие ассистируют Магистирию или курируют кого-то из дворян. Этот значок, — она показала на железяку у себя на груди, — означает принадлежность к послушничеству. Третий круг. Без практики его невозможно получить.

— Просто украшение?

— Не просто! Послушники получают золотой жетон, а это и прибавка к стипендии, и почёт среди своих, и даже шанс поехать к Башне, шанс увидеть самого Даут Маррана...

Нас отвлёл внезапно начавшийся переполох в углу, где расположились «зелёные пиджаки». Трое студентов простолюдинов сцепились с одним одарённым в словесный поединок, поражая меня многообразием форм местного матерного языка.

— Свины... Называют себя благородными, а обращаются с неодарёнными студентами как с грязью! В Академию берут потрясающих кандидатов, а эти... И какому идиоту пришло в голову, что чем ты заметней, тем выше шанс стать мессией? Мало вам постоянных

дуэлей...

— Может, они следуют воле Фатума? — ехидно заметил я, но Лера будто бы не слышала меня.

— Пытаются закрепить свой статус, отыгрываясь на тех, кто не может дать сдачи. Это так... недостойно!

— Магистерий учит простолюдинов терпению?

— Такова воля Фатума, — как заученную мантру произнесла она. — Но... Терпеть не так сложно. Слишком велик приз в конце пути. Ты ведь знаешь, что лучшие из лучших получают право стать Наделёнными на службе Магистерии?

— Я думал это привилегия императора, раздавать Дар людям вне графских квот. Разве нет?

— Официально, они присягают императору, — кивнула Лера, — но подчиняются всё равно только Магистерии. Таких немного, квота очень маленькая... Представляешь, какая напряжённая борьба среди неударённых? И эти свиньи ещё подливают масла в огонь... Нет, ну ты посмотри!

Оударённый в зелёной форме перешёл от слов к делу. Выписывая руками в воздухе какие-то символы, он собрал со стола подносы с объедками, заставив те леветировать прямо в воздухе, и с силой швырнул на троицу простолюдинов. Зелёный стол разразился хохотом.

— Синие тоже так развлекаются?

— Вам уже плевать, — огрызнулась девушка. — Вы относитесь к нам, как к обслуге.

— Не все.

— Да, не все, — коротко вздохнула Лера. — Я ведь так и не поблагодарила тебя...

— Не нужно. Отработаешь.

— Но я правда... О, смотри!

Лера даже начала подпрыгивать, указывая на высокого, светловолосого юношу. Поднимаясь из-за стола, тот будто специально принимал скульптурные позы, демонстрируя могучее телосложение. Густая, практически львиная грива развевалась, как в рекламе шампуня, волевой подбородок напоминал старые мемы про "гигачада". Махнув соседям по столу, юноша неспешно направился в сторону готовящейся драки.

С трудом, но я всё же вспомнил его. По какой-то причине, воспоминания о Льве, ещё одном одогруппнике Фёдора, тщательно скрывались в тёмных закоулках памяти. Я чувл сокрытую враждебность и... страх.

— Предпочитаешь метросексуалов? — ехидно спросил я.

— Мы говорили о благородстве, и Лев Красновский — прекрасный образец дворянина. Благородный, честный, могущественный...

Подойдя к столу зелёных, Лев громогласно потребовал прекратить балаган, а когда дебошир попытался и в него чем-нибудь швырнуть, резко встряхнул рукой, материализуя огромный, ярко сияющий башенный щит. Издалека, этот щит напоминал надувную игрушку, но когда Лев ударил «зелёного», тот перелетел через стол, уронив нескольких приятелей.

Громким стуком щита по полу Лев будто дразнил дебошира, но тот не рискнул вступать в конфронтацию. Кое-как поднялся и поспешил прочь из столовой. Ну а Лев, купаясь во внимании новичков, пустился в напыщенную лекцию о том, как должен себя вести в обществе достойный аристократ.

— Вот, значит, как ты представляешь мессию?

— Увы, но в испытании ветрами, Лев даже до пятидесяти процентов не дошёл...

— А у меня сколько?

— Неизвестно. Ты же его пропустил, пока лежал в лечебнице!

— Ну да, точно...

Планшет пиликнул уведомлением, что занятия скоро начнутся. Я неспешно направился в сторону выхода, Лера хвостиком засеменила за мной. Путь лежал как раз мимо стола зелёного хулигана, и я с интересом разглядывал глубокие вмятины на полу, там, куда Лев бил основанием щита.

— Хочешь что-то сказать?

Я даже не заметил, что он ещё здесь. Сложив руки на груди, Лев пристально смотрел на меня. Будто по щелчку пальцев, вся его свита, несколько подростков, повернулись ко мне.

— Ты уже сказал достаточно. Любопытная лекция.

— Дразнишь, Аронов? Похоже, прошлого урока тебе не хватило.

Вот ведь... На пустом месте в меня вцепился. Сзади уже подпирала толпа зевак, отрезая путь к отступлению, кто-то сильно пихнул меня в спину, и я, потеряв равновесие, невольно, толкнул Льва. Ну как толкнул... Врезался рукой в недвижимую глыбу.

— Что это значит? Нарываешься?

Его голос эхом отзывался в подсознании, пробуждая неконтролируемый ужас. Сердце забилось быстрее, меня бросило в жар, ноги подкашивались. Ощувив чьё-то прикосновение на спине, я хотел отпихнуть незнакомца, отступить, пока паническая атака не отпустит, но она лишь многократно усилилась.

Весь мой организм взбунтовался, каждая клетка вопила «БЕГИ!», но плотное кольцо студентов отрезало путь к отступлению.

— Чего так позеленел, Федя? — насмешливо спросил какой-то парень, слившийся сейчас в одно сплошное пятно.

— Трусливым молчанием в этот раз не обойдёшься, Аронов, — громыхал голос Льва. — Пора отвечать за слова.

Его размытая фигура казалась огромной. Он возвышался надо мной, как Самсон, собирающийся разорвать пасть льву. И какого, спрашивается, дьявола, меня так скрутило? Он здоровый детина, но я сталкивался с ублюдками и покрупнее.

— Ау, ты здесь?

Каждый звук его голоса бил по мне, словно кувалдой, позвоночник скрючивался, я страстно хотел стать маленьким и незаметным, просто исчезнуть. Проклятый Фёдор, почему ты такой трус?! Соберись! Я не для того...

Стоп. Я ведь не Фёдор. Я не только младший сын графа Аронова, наследник своего рода. Я гость в этом теле, и детские страхи подростка не властны надо мной. Я не Фёдор.

Раз за разом повторяя эту мысль, я избавился от оглушающего звона в ушах, возвращались тактильные ощущения, мокрой рубашкой обнимавшими мой торс. Огромных усилий стоило выправить осанку, и в этот момент, кто-то опять коснулся моей спины.

Резко дёрнув рукой, я схватил его, почувствовал острое жжение на ладони, и через секунду, тонкая женская ручка выскользнула из захвата. Обернулся — но рука уже ускользнула за цепочкой студентов.

— Бежать некуда, Аронов. Веди себя достойно!

Сглотнув накопившуюся слюну, я, вдруг, чётко осознал, что паническую атаку мне подбросили, как пакетик с мукой. Кто-то использовал Дар, и та лёгкость, с которой он или она это сделали, меня сильно напрягла. Однако, я выстоял.

— Сколько можно... — прохрипел я, медленно восстанавливая дыхание. — Голова болит от твоей болтовни, Лёва... Если хочешь наехать, так будь мужиком. Просто ударь!

Перешептывающиеся студенты замолчали, изумлённо глядя на меня. Страх продолжал ползучей змеей опутывать мою шею, но ясность разума вернулась. Теперь я вспомнил причину, этот тип называл мой дар бесполезным, за что получил жёсткий ответ. Кажется, Фёдор назвал его «прикрытием для настоящих бойцов».

— Ты только такой язык понимаешь? — напрягся Лев. — Язык силы?

— Ты правда... — голос срывался, мне пришлось откашляться. — Ты правда веришь, что я изменю мнение по твоей прихоти, Лёва? От фактов нельзя просто отмахнуться, потому что они тебе не нравятся.

Хмыкнув, Лев надменно усмехнулся.

— Похоже, слухи о том, какой из тебя прекрасный кандидат в Мессии, прибавили тебе смелости, Аронов.

— Немного прибавили, да. Если считать в процентах, то явно больше пятидесяти, — язвительно заметил я.

Кто-то из его свиты заржал, но стоило Льву резко обернуться, как парень тут же заткнулся.

— Вся эта суматоха лишь случайность, везение. В тебе нет ни грамма качеств, необходимых мессии!

— А себя ты уже взвесил? — я презрительно окинул Льва взглядом, — вычел из получившейся суммы раздутое эго и гонорар за рекламу шампуня?

Пока Лев подбирал подходящую колкость, из толпы протиснулась роскошная барышня, обнимая его за локоть.

— Лёва, не будь таким упёртым... Федя пережил страшную травму и не потерял рассудка, это что-то да значит!

Её слова уязвили парня ещё сильнее. Судя по тому, как девушка льнула к Льву, она неровно к нему дышит, но в ярко голубых глазах плясали чёртики. Как и все мы, девушка была в форме синего цвета, но как будто ушитой, с целью подчеркнуть выдающуюся фигуру. Роскошные чёрные волосы свободно струились по плечам, а длинные пальцы с узорным маникюром по-хозяйски постукивали по груди Льва.

Почему-то, я считал её редкостной сукой. Она тоже с моего потока, но имя... Лина, Люба...

— Репутация лучшего студента — тяжёлая ноша, ты уверен, что она тебе по плечам? — с тихой яростью спросил Лев. — Не маловат ли ты будешь для подобного одеяния?

— А ты что, в портные записался? Хочешь снять с меня мерку?

— Не играй с ним, Лёва, — жарко прошептала девушка, бегая пальцами по его пиджаку. — В словесной дуэли у тебя нет преимуществ.

— Молчи, Люда, не вмешивайся в разговор! — огрызнулся он, но Люда, улыбнувшись как сытый кот, замолкать и не думала.

— Спор двух благородных должен решаться иначе, ты сам это знаешь...

Совершенно не стесняясь зрителей, Люда подняла ногу, прижавшись к возлюбленному бедром. От неприкрытого желания даже воздух стал горячее.

— Фёдор не согласится на Казерай, — насмешливо произнёс Лев. — Я уже дважды предлагал, и каждый раз...

Его слова пробуждали во мне ярость, и тонизирующий эффект неконтролируемой злобы позволил, наконец, полностью подавить панику. Вот только теперь, меня подгоняла вперёд ярость.

— От чего же, охотно соглашусь. Людмиле не терпится увидеть твой провал, а я же джентльмен. Не могу отказать даме, — я шутливо поклонился Люде, но та выдержала мой взгляд, не произнеся ни звука. Молчал и Лев. — Давай!!

Лев встряхнул головой, протёр глаза.

— Ущипните меня, неужели у нашего Фёдора появилось достоинство?

— Неужели ты это стерпишь, милый... — продолжала шептать Люда.

— Я дам тебе один шанс отказаться, Аронов, — торжественно объявил Лев. — Если принесёшь извинения за непочтительный тон, мы...

— Хватит увёрток!

У меня ужасно чесались руки прямо здесь набить морду напыщенному гордецу, и я позволял гневу разгораться. Кто-то пытался меня околдовать, но гнев оказался действенной пилюлей. Однако, Лев замешкался.

— Что ж, давай. Выясним отношения по-мужски. Только я не забыл, что ты едва вышел из лечебницы, — повысив голос, он оглядел присутствующих. — С моей стороны недостойно будет сойтись в дуэли с больным на реабилитации.

— От тебя пахнет трусостью, Лев, — прорычал я, отпихивая зрителей и закатывая рукава. — Живо!

— Позволю себе вмешаться, — из толпы снова вышел паренёк с причёской под горшок. Тот самый Никитин. Похоже, он в каждой бочке затычка. — Вы, кажется, забыли, что скоро начнутся занятия. Предлагаю перенести Казерай, и также, предлагаю услуги Свидетеля для вашей дуэли.

Мне и Никитина хотелось убить, но горячка отступала, и я напомнил себе, что, не зная правил, не стоит соваться в пекло.

— Принимается, — сдержанно кивнул я, расслабляя мышцы.

— Согласен. Казерай объявлен! — торжественно объявил Лев.

В толпе послышались одобрительные шепотки, однако, сообразив, что зрелища сейчас не будет, публика начала рассасываться. Люда, всем телом прижимаясь ко Льву, увлекла и его в сторону выхода.

И стоило этой парочке отдалиться на почтительное расстояние, как удушающий ужас отступил, будто его и не было. До чего удивительное совпадение... Глубокими вдохами я окончательно взял себя в руки и повернулся к как раз подоспевшей Лере. Прожигая взглядом, девушка взяла меня под руку и жарко зашептала на ухо:

— Ты сцепился с ним чтобы позлить меня?

— Ого, да тебе не откажешь в нарциссизме! — от неожиданности я даже рассмеялся. — Ты разве не наблюдала за этой милой беседой?

— Наблюдала!

— И серьёзно полагаешь, что я должен был трусливо сбежать?

Обиженно насупившись, она буркнула.

— Но я только что восхваляла его благородство, и ты сразу вцепился, будто захотел опустить его. Или... — возмущённо стиснув мою руку, она процедила: — Это из-за наблюдения Магистерия, да? Хочешь побить популярного одарённого, чтобы стать более интересным кандидатом?

Проклятье, а ведь она права. Магистерий и так окружил меня вниманием, а если я вдруг выбьюсь в негласные лидеры среди нашего потока, это внимание станет более навязчивым. Дважды проклятье!

Лера продолжала что-то бубнить, но мои мысли убежали далеко вперёд. Тот, кто использовал дар, чтобы ввести меня в панику, наверняка мыслил точно также. Восстановить баланс, задавив засветившегося аутсайдера, поскольку до моего появления, именно аутсайдером Фёдор и был.

Мне чертовски не выгодна эта победа, но и слиться уже не вариант. Это будет позором. Повлияет ли этот позор на мою дальнейшую жизнь? Фёдор бы сказал «плевать», но теперь это моё тело, и впечатывать в свою биографию позорный побег я не хочу. Дьявольщина... Ладно, пока я на "реабилитации", время подумать ещё есть. Поглядим, что будет.

Лера, хранившая обиженное молчание, оставила меня у дверей лектория. Он начинался широким залом, от которого расходились коридоры — лучи. Сверившись с номером аудитории, я нашёл нужную.

Я пришёл последним. Двадцать ребят и девчонок уже расположились за партами, шумно переговариваясь. Кто-то обсуждал нашу с Львом драку, этот ублюдок, утопая в объятиях Люды, о чём-то весело спорил с Семёном Куропатовым. Лайза, церемонно заглянув мне за спину, удивлённо произнесла:

— А где же твоя простолюдинка? Я была уверена, что ты её везде с собой таскаешь.

— Так хочешь занять её место?

Стиснув губы, Лайза демонстративно отвернулась, зато другие ребята вышли навстречу, приветствуя и поздравляя с выздоровлением.

— Шустро ты, я ставил на две недели, — одобрительно заявил рослый паренёк, хлопнув меня по плечу.

— А я на месяц, — ухмыльнулся другой. — Говорят, Семён тебя крепко отделал.

Услышав своё имя, Куропатов-младший нахально махнул мне рукой, будто это было не покушением, а мы просто сошлись в спарринге. И всем как будто всё равно.

Односложно отвечая, я бегло осмотрел собравшихся. Ни к кому, кроме Лайзы, Фёдор не испытывал тёплых чувств, значит друзей у него здесь нет. Ребята выглядят как обычные школьники, но я не забывал, что все они из знатного сословия, и займут место во главе Рода, когда подрастут. А может, и не все.

Свободное место нашлось только за одной партой, где уже сидела симпатичная девушка с платиновыми волосами, мечтательно уставившаяся в потолок. Если Люда ушила свой костюм чтобы подчеркнуть фигуру, то Настя Самсонова поступила наоборот, превратив форму в мешковатый комбинезон. Плечи практически оголены, несколько пуговиц не застёгнуты, рубашка небрежно распахнута, открывая впечатляющий вид... Она даже рукава спустила почти до пальцев, пряча в них руки как в варежки.

— Привет. Что у нас сегодня? — спросил я, приземлившись рядом.

— Не забывайся, Аронов, — лениво протянула она, пальцами отталкивая мой локоть. — Держи дистанцию.

— Мы с тобой в контрах? — удивился я.

— Нет никаких «мы с тобой», прекрати фантазировать.

С этой девчонкой в памяти не нашлось никаких негативных воспоминаний, как, впрочем, и позитивных. И всё-таки, она немного пробудилась от скуки с моим появлением, и теперь будто дразнила меня — потянула пиджак за край, оголяя загорелое плечико. Людмила, наблюдая за сценой, довольно посмеивалась.

Вставив планшет в портативное зарядное устройство, я, по примеру остальных, достал клавиатуру и уже собирался открыть пустой документ, но заметил сообщение в мессенджере. Писал Михайлов. «Договорился о встрече, зайди к Грибоедову перед «ветрами»».

Что за Грибоедов, удалось узнать в справочнике, по счастью доступным в пределах аудитории. Магистр первой степени, Грибоедов Степан Алексеевич. Важная фигура в Академии, но далеко не первая скрипка в Магистерии. В общем, крепкий середнячок. Однако, всё указывало на то, что он здесь вроде "менеджера по связям с общественностью", так что повод для встречи мне очевиден.

— Доброе утро!

В аудиторию быстрым шагом влетела женщина в строгом костюме. Полные губы сочно-красного цвета сложились бантиком, взгляд красиво подведённых глаз блуждал по аудитории. Хороша... Её лицо выражало лукавство, но память подсказывала, что с этой крошкой шутки плохи.

Да, Фёдор и её боялся, но не до панической атаки. Это скорее опасение оказаться в прицеле внимания женщины, и немножко сексуального напряжения. Когда Анна Игоревна направилась к своему столу, я не мог оторвать глаз от запертых в капроновых чулках ног, а когда она скинула пиджак, оставшись в белой, обтягивающей талию, блузе, не раздевать её в мыслях стало ещё труднее. И ведь мне никогда не нравился образ "строгой училки". Боже,

что со мной...

— Отложите планшеты, сегодня обойдёмся без нудных лекций, — бодро объявила она, выйдя к доске. Сложив руки за спиной, Анна принялась вышагивать из стороны в сторону. — Совсем скоро, ваше пребывание в академии подойдёт к концу, и дальнейшим развитием дара займутся семейные учителя. Однако базовые знания, — она важно вздёрнула палец, — требуют регулярного повторения и практики.

Вопреки обещанию, Анна Игоревна как раз начала нудную лекцию, рассказывая про то, как работает Дар и на какие категории он делится. Моя соседка по парте устало опустила голову на руки, Лев неприлично зевал, но я слушал очень внимательно.

Родоначальники семей, обладающих даром, получили свою магию от соприкосновения с Вихрем, в эпоху, когда тот беспредельно бушевал, разрушая империю. Каждый получал свои способности, чаще всего похожие по смыслу, но бывали и исключения.

— В эпоху Бури, главной ударной силой были оружейники, поскольку эфирных чудовищ нужно было уничтожать как можно быстрее. Однако, времена изменились. Магистерий проповедует, что Дар дан человечеству волей Фатума, как единственное средство для борьбы с Тенями Вихря, но сейчас, когда Вихрь сохраняет свою позицию, а человечество научилось создавать Наделённых, необходимость в сражениях отпала.

— А как же служба на границе? — послышался вопрос с задних рядов.

— Это долг перед императором, а не нужда. Человечество изменило задумке Фатума, — с жаром продолжала Анна Игоревна. — Дар применяется для борьбы друг с другом, будь то войны или Казерай, и любые способности могут быть использованы для уничтожения друг друга.

— Что угодно может стать оружием, — подала голос Люда, заботливо поправляя причёску Льва.

— Верно, всё зависит от ситуации. Однако, одарённых неизбежно делят по устаревшей классификации, где помимо оружейников, также существуют бронники, телесники, кинетики и уникамы. Не нужно поднимать руку, Людмила, мы и в прошлый раз поняли, что Лев прекрасный бронник.

Нисколько не смутившись, девушка оглядела одnogруппников и опустила руку.

— Среди телесников, наиболее знамениты семьи, связанные с целительным искусством. Это редкий случай достойной адаптации Дара в новой эпохе. Кинетики встречаются реже, но сегодня, как я слышала, один из новичков устроил в столовой показательное выступление.

— Которое Лев благородно пресёк!

— Спасибо за уточнение, Людмила. Однако, наиболее редкая категория — уникамы. Среди вас всего двое юношей с даром из этой категории.

Я затылком почувствовал, как на мне сосредоточились взгляды.

— Кто скажет, почему их дар выпадает из общего списка?

— Потому что такова воля Фатума! — заржал Семён, остальные подхватили.

— Правильно, никто не знает, — улыбнулась преподавательница. — Вот к примеру, дар рода Ароновых — поглощение энергии. Помимо них, в истории известно всего две семьи с такими способностями, и эта исключительность наделяет род Ароновых особой ответственностью.

— Небось убрали конкурентов, — вякнул Семён, — ради мнимой элитарности.

— У нас урок дароведения, а не истории, — она строго поглядела на Семёна и тот

вежливо склонил голову, как бы обещая больше не перебивать. — Но Семён прав. Многие одарённые не дожили до сегодняшнего дня, и, весьма вероятно, человечество сильно потеряло в разнообразии. Существует мнение, что среди угасших родов мог быть Мессия, но мы, в Магистериуме, верим, что шанс ещё не упущен. Итак, переходя к практическим занятиям, я предлагаю отстающему от программы уникаму пройти к доске.

Страх охватил меня. Неужели...? Но нет. Под одобрительные смешки, с задней парты поднялся тощий паренёк в круглых очках, не то кот Базилио, но то Гарри Поттер. Василий Капустин старался держаться с достоинством, но то и дело горбился, сбивался с шага.

— Может не стоит тратить время? — робко предложил он.

— Ты скоро выпускаешься, шансов покорить дар почти не осталось, — взяв его за руку, Анна Игоревна вывела парня к доске. — Не переживай, мы тебе поможем. Расскажи, в чём уникальность твоего Дара?

— Он пускает мыльные пузыри! — презрительно усмехнулась Люда.

— Тихо! Если нам потребуется твоя помощь, Людмила, я обязательно сообщу. Так что?

— Она права, — мрачно буркнул Вася. — Наш дар проявляется в пузырях.

— Я не вижу повода для насмешек, — вмешался Лев. — Между прочим, его отец в одиночку победил в битве при Старом болоте, и получил высшую награду от императора! Медаль Величия!

— Да он её для понта купил, — презрительно усмехнулся Семён. — Они же на золотых приисках сидят, сколотили огромное состояние.

— Осторожно. Это звучит как оскорбление государя, — предупредил Лев.

— Вовсе нет, я оскорблял лишь его, — палец парня направился в сторону Васи.

Анна Игоревна не спешила успокаивать разгорячённую молодёжь. Она лишь предложила бедагае.

— Будешь требовать ответа за оскорбление?

— Давай! — Семён аж запрыгал на стуле. — Я готов!

— Нет, не буду, — вздохнул Вася.

Парень струсил, но кто я такой, чтобы его осуждать? Вот уже несколько минут я отчаянно борюсь с желанием обратиться в камень, стать незримым и незаметным. Инстинкт требовал не отсвечивать, но эту заразу нужно выжигать, пока она не срослась с моей личностью.

— Почему мне кажется, Анна Игоревна, что Вы организуете травлю студента?

Я ждал, что она предложит занять его место. Переданный по наследству от Фёдора страх требовал прививки, но преподавательница лишь удивлённо вздёрнула бровь.

— Мне нужно напомнить о значении ярких эмоций в процедуре пробуждения?

Щелчок, и на меня обрушилась лавина воспоминаний об унижительной драке, в которой я впервые коснулся своего дара. Страх поражения, ярость... Она действительно не просто так выставляла Васю как мишень. Она помогала ему пробудиться.

— Ладно, думаю, что достаточно, — жестом велел классу молчать, она повернулась к Васе. — Я буду напоминать теорию, пусть мой голос станет для тебя проводником.

— Я готов.

— Представь в воображении символику своего рода на чёрном фоне. Я конечно нарушаю пятую поправку к соглашению с Ассамблеей, но, если тебе так будет проще, в этот раз можешь выбрать любой предмет, лишь бы его образ чётко представлялся.

Зажмурившись, я, как и Вася, следовал за её голосом. Мой родовой символ, закрученная

спираль, ярко засияла в густой черноте.

— Сосредоточься на этом символе. Это источник твоей силы. Позволь теплу от него разлиться по телу, почувствуй потоки и направь тепло к руке.

Я ощущал это тепло так, будто прижал ладони к горячей батарее, но не понимал, как его направить. Анна Игоревна велела "разлить" тепло по телу, и уже потом направить к руке, но у меня всё получалось наоборот. И когда я уже отчаялся, пытаюсь начать всё с начала, ко мне пришло понимание.

Я не мог вовлечь его в слова, но я точно знал, что нужно делать. Я владел даром ещё до поступления в Академию, я умел пробуждать его машинально. Ведь я Фёдор Аронов, единственный наследник именитого рода. Но я... Я не только Фёдор. И эта мысль разрушила начавшую выстраиваться структуру потоков. Я увидел больше.

Дар не только внутри меня, это нить, которой я привязан к этому миру. Я видел её основание, осознавал, как далеко она простирается, но стоило попытаться проследить её маршрут, как дышать стало невозможно. Мышцы шеи обратились в камень, отзываясь головной болью.

Я потерял человечность, стал всего лишь сторонним наблюдателем. Не я шёл за нитью, она тащила меня. Я отчаянно пытался вырваться из этого видения, но попытки оставались незримыми, я всё отдалялся от себя. Покидал тело, становясь чем-то другим. Духом, или...

Звонкая пощёчина вернула мне рассудок. Встрепенувшись, я уставился на разъярённую соседку по парте, заносившую руку для второго удара. Весь класс, вместе с Анной Игоревной, изумлённо смотрели на меня.

С трудом возвращаясь в реальность, я осознал, что вцепился в руку Насти Самсоновой. С трудом расцепив пальцы, я замер.

Видение ещё не развеялось, едва различимые нити мерещились возле каждого присутствующего в комнате человека. Жуткое зрелище, будто марионетки незримого кукловода... Но куда больше меня пугало вновь проявившееся ощущение "чужого тела", будто мне было тесно в шкуре Фёдора.

— Аронов, а ну отвечай! — выкрикнула Настя, пихнув меня в плечо. — Как ты посмел касаться меня Даром?

Встряхнув головой, отгоняя непрошенные видения, я честно ответил.

— Ненарочно.

— И тебе ещё хватает наглости врать?! Ты тянул из меня силы как пиявка, это больно, между прочим!

Ну и что мне ответить? Что её дар стал для меня спасительным канатом? Я ни в чём не уверен, но готов поклясться, что если бы не подпитка от Самсоновой и её пощёчина, со мной случилось бы что-то очень нехорошее...

— Это всё чарующий голос Анны Игоревны, я слишком легко ему поддался... — виновато разведя руками, я предложил: — что мне для тебя сделать, в качестве компенсации за неудобство?

— Ты готов на всё, Аронов?

— В разумных пределах.

Ярость на её лице сменилась лукавой улыбкой.

— Если ты пригласишь меня в гости, я забуду об этом инциденте.

— Нет проблем, — улыбнулся я.

Или есть? Почему она так лыбится? Тем временем, не всех порадовало столь скорое завершение инцидента. Лев поднялся из-за стола, громко возмущаясь:

— И мы это стерпим? Меньшее, что заслуживает Фёдор — дисциплинарное наказание!

— Заткнись, Лев! — испуганно взвилась Люда, вцепившись в его руку и пытаясь усадить. — Хочешь, чтобы ему запретили в Казерай участвовать?

— Да забудьте вы, смотрите на Васю!

Выкрик другого студента обратил общее внимание к доске, где из рук тощего очкарика материализовывался дрожащий, потрескивающий электрическими всполохами, прозрачный пузырь. Он держал его на вытянутых руках, крепко зажмурившись, и всё надувал, и надувал... Лишь когда пузырь превысил в ширину тело парня, Анна Игоревна осознала, что он не контролирует процесс, и в ужасе выкрикнула:

— Все назад, живо!

Преподавательница кошкой сиганула за учительский стол, студенты сорвались с мест, рванув к противоположной от Васи стене. Лишь Лев и ещё два парня выступили вперёд, зажигая свой Дар, чтобы стеной защитить остальных. Башенный щит и двое облачённых в энергетическую броню парней плотно перекрыли периметр.

Пузырь был уже в метр шириной, и продолжал надуваться. Такими темпами, Вася заполнит им всё помещение, и если эта штука способна взрываться... Дьявольщина!

После увиденного, я не хотел снова касаться дара. По крайней мере, до тех пор, пока не

проконсультируюсь хоть с кем-нибудь, но... Я не мог предсказать, чем завершится Васин фокус, а умирать совсем не хочется.

Нырнув Льву под локоть, я вытянул руку, одновременно зажмуриваясь и представляя родовой знак на чёрном фоне. Едва коснувшись пузыря, я почувствовал адское жжение на ладони, но упорно вытягивал руку, концентрируясь лишь на одной мысли. Забрать энергию.

В этот раз обошлось без странных видений, лишь чертовски сильный ожог, волной поднимавшейся от ладони к плечу. Пузырь ощутимо давил на ладонь, и я переключился на другую идею. Мысленно, я пытался сдуть его. Не лопнуть, а лишь замедлить расширение, и жжение стало в сто крат сильнее.

Содержимое пузыря будто проходило сквозь меня, и, не находя выхода, оседало внутри. Тошнотворное головокружение угрожало лишить чувств в самый неподходящий момент, но всё закончилось громким хлопком.

Меня отбросило в сторону, Лев рухнул сверху, придавив тазом мою ногу. Разомкнув веки, я с облегчением отметил, что пузыря больше не было. К несчастью, распирающее чувство в ладони никуда не делось, пузырь будто продолжал толкать мою ладонь. Уже не так навязчиво, но, как и у любого другого мужчины, непонятный симптом вызывал острую панику. Жаль, что такое не загуглишь.

Лев поднялся, отряхнувшись, протянул мне руку. Хватаясь за него, я ждал чего угодно, что обожгу его или снова, невольно, начну тянуть энергию, но, слава богу, обошлось.

— Кто-нибудь ещё хочет посмеяться над пузырями Капустина? — осведомился он, оглядывая класс. Никто не ответил.

Сам виновник инцидента, потупив взгляд, безуспешно пытался спрятать улыбку. Анна Игоревна, выбравшись из-за укрытия, тоже пыталась спрятать эмоцию, только другую — страх. Она улыбалась, но глаза её были полны ужаса.

— Молодец, Капустин! Я же говорила, что у тебя всё получится! Только... — прокашлявшись, она неохотно сблизилась с ним. — В следующий раз, постарайся контролировать силу. Кто знает, чем бы закончилась твоя инициация, если бы не Фёдор Аронов.

О, как она произнесла моё имя! С таким откровенным подобострастием, что у меня аж руки покрылись мурашками.

— Я буду учиться контролю, — серьёзно кивнул Вася, и, в сердцах, выпалил: — Благодарю Вас за помощь в преодолении первого порога!

— Не за что. Иди, садись... Вы тоже, ребята. Кто-нибудь хочет продемонстрировать нашему уникаму мастерство контроля?

— Пусть спаситель покажет свои фокусы, — тут же подал голос Сёма, один из первых, спрятавшихся у задних парт.

— Тебе недостаточно демонстрации? — огрызнулся я.

— Не стесняйся, расскажи нам. Чему ещё обучают в тайных подвалах имения Ароновых?

— О каких подвалах ты ведёшь речь, друг? Что-то не припомню, чтобы ты достаивался приглашения в наше имение.

— Ой, да брось... Все знают, что дружина твоего отца — самая сильная в империи. Чтс за фокусы вы с ними проворачиваете? Они все так умеют?

— У нашей семьи нет никаких секретных фокусов.

Остальные недоверчиво захихикали. Конечно, это прозвучало глупо, но у меня не было

права ответить иначе. «Обрывай любые разговоры об обучении внутри рода», наставлял отец. Эта фраза огнём выжжена в моей памяти.

— Здесь же все свои! Вон Капустин не постеснялся продемонстрировать мощь, на которую он способен, — Семён поклонился приободрившемуся Василию. — Не стыдно тебе, лгать своим друзьям?

Все, и особенно Анна Игоревна, наблюдали за перепалкой с интересом. Самсонова даже подняла голову с рук, уставившись на меня поразительно большими глазами.

Неужели это и есть наказ Куропатова-старшего: дразнить меня при первой же возможности? Бред какой-то. И всё же, Семён поднял опасную тему. Всегда ненавидел стрелочников, но мне срочно нужно скрыться с радаров.

— Род Ароновых — не цирковые артисты. Мы призываем дар тогда, когда для того есть причина. Чего нельзя сказать про тебя.

— Ты на что намекаешь? — напрягся он.

— Ты так любишь лезть в драку, но может это из необходимости? А, Семён? Дополнительные тренировки от недостатка контроля?

— Брехня!

Со скрипом отодвинув стул, он гордо выпрямил осанку и проследовал к доске. Яркое свечение у плеча, взмах руки — и в его ладони материализовался сначала шест, а затем и ярко-лиловое лезвие секиры. Сделав пару взмахов, он картинно закинул её на плечо.

— Ну? Кто хочет потрогать?

— Не упускай шанса, — нарочито громко прошептала Люда, подталкивая Льва. Тот, растерянно встрепенувшись, тут же натянул неестественную улыбку на лицо.

Ещё один мой соперник поднялся и направился к Семёну. На демонстрацию способностей сразу двух, вызвавших меня на дуэль, ублюдков я и не рассчитывал.

Уже знакомым взмахом руки, Лев материализовал башенный щит, по обыкновению стукнув нижней частью об пол. Спавшие инстинкты пробудились. В детстве... В моём детстве, мне часто приходилось сталкиваться с противниками сильнее и выше меня ростом, и искать слабые места вошло в привычку.

Оба двигались медленно. Лев ограничен в перемещениях громоздкостью своего дара, а Семёну требуется время для хорошего замаха. Единственное, что оставалось для меня загадкой — это последствия удара. Сможет ли Сёма меня разрубить при желании?

— Руби, — велел Лев, ещё раз стукнув щитом об пол.

Вытянув руку вперёд, на манер бейсболиста, Семён широким замахом обрушил лезвие секиры на щит. За столкновением двух разных энергетических объектов последовал фейерверк искр и слабая ударная волна, взъерошившая мне волосы. Да уж, сомнений нет. Под такой удар попадать нельзя...

Остальные одобрительно захлопали представлению, Анна Игоревна даже коснулась щита Льва, изучая его на предмет повреждений.

— Прекрасная демонстрация, юноши. Разумеется, мастера, ежедневно тренирующие владение даром, устраивают более зрелищные представления, — обратилась она к аудитории, — но записи репортёров вы и сами можете найти.

Красуясь перед одноклассниками, парочка направилась к своим местам, не забыв переброситься церемонными репликами.

— У тебя могучий удар, — кивнул Семёну Лев, — но чтобы пробить мой щит, нужно что-то посильнее.

— Без сомнений, — растянулся в улыбке Семён, позволяя секире развоплотиться. Заискивающе глядя в глаза партнёру по демонстрации, он протянул руку. — Надеюсь, когда-нибудь смогу предложить аргумент посерьёзней.

— У тебя есть все задатки, — со слащавой благодарностью, Лев ответил на рукопожатие.

До чего же противные оба... Один играет на публику, а второй лебезит перед ним, нисколько этого не стесняясь. Сомневаюсь, что когда придёт время для дуэлей, они будут столь же вежливы со мной. Впрочем, я и не беседовать с ними собираюсь.

— ...и если ты считаешь, что сможешь поглотить мою броню как термит, то я заверяю тебя, ничего не выйдет.

Прослушав начало фразы, я только сейчас понял, что Лев обращается ко мне.

— Что ты так волнуешься, будет как будет.

— Как инициатор Казерай, я несу ответственность не только за повреждения, которые тебе нанесу, но и за зрелищность боя! — попытался оправдаться Лев. — Потрудись вспомнить навыки владения оружием.

— Не волнуйся, зрелище будет отличное, — с усмешкой ответил я.

— Самодовольства тебе не занимать, Аронов, — фыркнула Люда, подталкивая Льва в спину. — Свысока больно падать.

Я лишь пожал плечами. Анна Игоревна вернула себе инициативу и продолжила занятие, погружившись в рассказы об известных сражениях одарённых, но я слушал в пол уха.

Мои мысли занимало распирающее чувство в ладони, так и не выветрившееся после касания пузыря. Я нервно тряс ногой, удерживая внимание на скопившейся внутри силе. Плохо понимая теорию, я, однако, чувствовал, что сосуд переполнен, и беспокоился, как бы случайно не выплеснулось наружу.

— Нервничаешь? — ехидно прошептала Самсонова, невольная жертва моего дара. — Не можешь придумать, что сказать отцу?

— Это не твоя забота...

— Я просто напомню, что не имею права ступить на чужую территорию без сопровождения отца. Сомневаюсь, что граф Аронов обрадуется визиту имперского инспектора.

От едкой желчи в её голосе хотелось завывать. Да какой ещё нахрен инспектор? На что я подписался?! Заметив перемену на моём лице, она гаденько захихикала и снова опустила голову на руки, продолжая наблюдать за мной.

Тысячу раз проклятье! Мне нужно научиться держать язык за зубами. На что я только что подписал нашу семью? Отец хоть и публичная личность, но ему есть что скрывать. Значит ли визит этой малышки, доскональную проверку дел рода? И ведь это ещё вчера я жаловался, что слишком много поводов для беспокойства...

Урок, тем временем, подошёл к концу. Ребята засуетились, покидая аудиторию, и я тоже стремился поскорее остаться наедине, попробовать выпустить свербевающую в ладони силу, но Анна Игоревна загородила мне путь.

— Аронов, останешься на минутку?

— Разумеется.

Присев на свой стол, преподавательница дожидалась, пока последний студент выйдет за двери.

— Хочу отблагодарить тебя за вмешательство, Фёдор, — начала она, — я обязана тебе

жизнью.

— Даже так? Думаете эффект от пузыря был бы столь фатален?

— Я не думаю, я это точно знаю. В моём распоряжении были некоторые отчёты об обучении, от их семейного тренера... — она рассеянно заправила локон за ухо. — Мне не давал покоя единственный не пробудившийся студент, но это меня не оправдывает. Я играла с огнём, понимаешь? И чуть не проиграла...

— Ну... Теперь то всё позади?

— Благодаря тебе. Ты очень смелый юноша... Знаешь, ты вдохновил и меня быть смелой сегодня... — опустив взгляд, она провела пальцем по моей груди. Неужели...? — Я обещала больше не поднимать эту тему, но всё же. Могу я надеяться, что ты изменишь своё решение?

Эмоции сексуально озабоченного подростка вскипели во мне, как вода в чайнике. Я прекрасно осознавал, как сильно Фёдор жаждал внимания этой женщины, и шедший нога в ногу страх, считал робостью, но...

— Я не могу запретить Вам надеяться, — я невнятно пожал плечами, — но и обещать ничего не стану.

— Ты извини за навязчивость, только другой возможности у меня не будет... — ненавязчиво расстегнув пуговицу на блузе, она горестно вздохнула, направив на меня горячее дыхание. — Я не прошу доскональных отчётов, медицинских справок, но даже Куропатовы прислали сочинение в свободной форме, а от вашей семьи ничего.

Так-так. Похоже не орлиный профиль Фёдора её привлекает. Охотница за чужими секретами?

— Это останется неизменно.

— Мне не нужны документы, я прошу всего лишь о паре частных занятий! — тут же запротестовала она. — Через меня прошло много студентов, и уникамы в том числе. У меня приличный багаж знаний, — принялась перечислять она, проводя ладонью по телу, — и опытные руки. Ты ни о чём не пожалеешь!

Знала бы она, как сильно мне нужны сейчас опытные руки... К несчастью, если мои подозрения верны, и я опять позаимствовал чужие способности, Анна Игоревна вцепится в эту аномалию как пиявка, и тогда свободы мне точно не светит.

— Мне понятно Ваше желание, Анна Игоревна, но мне не хочется становиться частью коллекции.

— Не подумай, я тебя ни к чему не обязываю, но...

— Я уважаю Вашу волю делать мне подобные предложения, но и Вы уважьте мою.

Сжав губы, она стиснула стол пальцами.

— Это принесёт выгоду нам обоим. Тебе бы тоже не помешало подучиться контролю!

— Не беспокойтесь, у нашей семьи прекрасные тренеры.

Приоткрыв губы, она хотела сказать что-то ещё, но так и не решилась. Я уже начал терять терпение.

— Поступим так. Я не буду говорить твёрдое "нет", но сегодня меня ждёт испытание ветрами, так что думать о факультативах нет ни сил, ни желания.

— Разумеется, я вовсе не настаивала, чтобы прямо сейчас...

— Я пойду. Мне нужно собраться с мыслями, окей?

— Конечно! — Анна Игоревна поднялась, отряхнула с моих плеч невидимые пылинки и лучезарно улыбнулась. — Успешного испытания, Фёдор. Пусть Фатум будет к тебе

благодарен!

Наконец-то отделившись от навязчивой женщины, я устремился прочь из лектория, и... Угодил в лапы другой, не менее навязчивой.

— Федя, беда! — вцепившись в руку, она Лера потащила меня в сторону лифта.

— Тормози, пастух, объяснись сначала.

Подозрительно покосившись на зевавшего студента, она наклонилась к самому моему уху и прошептала:

— Михайлов не вдавался в детали, но случилась какая-то страшная беда. Он велел сразу же вести тебя к нему, пока не поздно!

— И никаких комментариев?

— Ты же знаешь, — Лера потупила взгляд, — он мне совсем не доверяет.

Михайлова я и сам хотел посетить, но сейчас меня вела куда более острая нужда. Ладонь беспощадно чесалась, под ногтями возникло противное, распирающее чувство, и то, что визуально не было никаких проявлений, пугало меня ещё больше.

— Ладно, идём. Но по дороге, мне нужно оказаться в тихом безлюдном месте.

— Чего?

— Лера, не беси меня! Я сейчас не в том состоянии.

— Да я же просто... — нервно сглотнув, она склонила голову. — Извини, я провожу тебя в комнату.

Бодрым шагом, мы добрались до лифта и спустились на этаж с личными апартаментами, вот только коридор заняли мои одноклассники, шумно и весело что-то обсуждая. Едва встретившись взглядом с Семёном, я втянул Леру обратно в лифт, и вдавил кнопку административного этажа.

— Как, уже не нужно? Ой, молчу...

Нервно растирая ладонь, я медленно дышал, концентрируясь на назойливых симптомах. Растолкав плечами неторопливые лифтовые двери, я устремился вглубь вереницы коридоров, внимательно читая надписи на табличках. Имена, имена... О! Достав из кармана универсальную ключ-карту, я отпер дверь служебного туалета и жестом велел Лере ждать.

Помещение встретило меня запахом хлорки, потолочные лампы со стрёкотом замерцали, включаясь. Ворвавшись в кабинку, я направил руки в сторону унитаза, представил перед мысленным взором родовой символ и расслабился.

Шли секунды, но ничего не происходило. Стоял как дурак, не в силах облегчиться, и решительно не понимал, что делать дальше. Где-то я ошибаюсь... Как там говорила учительница? Можно попробовать представить что-то другое, да хоть тот же пузырь, и...

Плечо тут же свела судорога, обжигающая волна спустилась по руке, и с моих пальцев сорвалась бесформенная клякса. Она шлёпнулась на фарфоровое сиденье, и, с шипением, прожигала края, как кислота в фантастических фильмах.

Но как же мне стало хорошо! Тревогу сменило спокойствие, появилась ломота в мышцах, как после длительной тренировки, и всё было бы прекрасно, если бы не удивлённый голос позади...

— Зачем ты его сломал? — изумленно спросила Лера. — И как ты...

От иронии ситуации я потерял дар речи, только тонкий ручеек из разрушенного сливного бачка нарушал тишину.

— Тебе нормально за мужиками в туалете подглядывать?

— Я вовсе не подглядывала, просто... — она не спускала взгляда с расплавленного унитаза, беззвучно шевеля губами.

— Вот именно, всё очень просто, — проворчал я, отпихивая девушку и запирая кабинку. — Внутри меня сидят бесы, призывающие к разрушению. И с полной луной, я вынужден предаваться вандализму, на потребу своей черной душе. Ясно?

— Но сейчас же не полнолуние... — рассеянно бормотала она, позволив увлечь себя к выходу. — Федя, я не знала, что ты так умеешь! Ароновы же просто перенаправляют энергию, все это знают, а ты...

Вытолкав её за дверь, я оглянулся: в коридоре было пусто. Тысячекратная дьявольщина. Единственный исход, который я находил для случайного свидетеля — несчастный случай. Она простолюдинка, её не станут искать.

— Это особый трюк. Секрет фирмы.

— Какой ещё фирмы? — опомнившись, она потянулась к двери, желая осмотреть повреждения ещё раз, но я удержал её, подтолкнув прочь от опасной двери. — Ты использовал какое-то устройство? Или научился делать из эфира всякие штуки?

Сдутые воздушные шарик. Вот, что я научился делать. Только шарик этот не входит в горшочек, а прожигает его насквозь. И всё-таки, это чертовски похоже на дар Капустина. Уродливая версия могучего пузыря.

Нет, ну вот же любопытная зараза... И ведь даже она больше понимает, как мой дар должен работать "в норме". Станет ли держать язык за зубами? Я не забыл о её утреннем проникновении, у девушки есть определённые таланты. Может оказаться, что убить её будет очень непросто.

— Сойдёмся на том, что это просто эксперимент, — буркнул я. — Хотел опробовать то, чему научили на уроках.

— Не похоже на эксперимент... А чем это должно было быть? — продолжала любопытствовать девушка. — Или так и задумано? Ты как будто кинул на унитаз какой-то сгусток...

— Зачем вообще ты зашла за мной?

— В коридоре появились люди из надзора, — быстро отчеканила она. — Послушникам нельзя прохлаждаться на этом этаже, только сопровождать одарённых или с какой-то задачей...

— И лучше идей не нашла, чем подглядывать за мной в туалете?

— Ты не оставил мне выбора! — огрызнулась девушка, — я только к Александру Ефимовичу могла пойти, но если бы появилась у него без тебя, он бы точно от меня избавился.

Может ещё и избавится. Настало время посмотреть на навыки Михайлова в деле. И всё-таки, оставалась одна противная мыслишка в голове. А что, если она не станет болтать? У девочки тёмное прошлое, я могу пустить Михайлова по следу, надавить на рычаг...

— Я ведь не дура. Я понимаю, что ты хотел спрятать от всех эту магию, но я клянусь! Я не подглядывала специально! Мне было предназначено это увидеть.

— Что ты мелешь? Ничего я не прятал...

Нервно покусывая губы, она отстукивала ритм каблуками, собираясь с мыслями.

— Такие совпадения не случаются просто так, — робко произнесла Лера. — Ты не запер дверь, появились люди из надзора, и бежать мне было некуда... Это Фатум, понимаешь? Мне было предназначено тебя... застукать.

— И как Фатум велит тебе поступить?

— Не знаю... — понуриив голову, она тихо прошептала. — Я так запуталась...

— Я тебе помогу, но давай поговорим об этом позже? — предложил я, решив взять паузу на размышления. — Меня ведь ждёт Михайлов.

— Мы уже пришли, — она указала на табличку с его именем.

— Хорошо. Слушай, — я взял её за руки. — Ничего сверхъестественного не произошло, ты поймёшь это, когда я объясню. И сейчас, я хочу, чтобы ты не забивала голову всякой ерундой.

— Это не ерунда. Моя жизнь — служение Фатуму.

— Я не об этом, женщина! Мне нужна помощь, ясно? Куропатов неоднозначно намекал, что хочет повторить нападение, и бить он будет со спины. Ты же любишь следить, верно? — улыбнувшись, я погладил большим пальцем её щёку. — Поможешь мне?

— Помогу.

Вопреки моим ожиданиям, её лицо не осветилось концентрацией на новой задаче. Она по-прежнему витала далеко в своих мыслях, но я дал ей мотивацию ждать нашего разговора. Вряд ли она побежит докладывать обо мне прямо сейчас.

С тяжёлым сердцем, я зашёл в кабинет Михайлова. Он сразу же подскочил с кресла, хватая на ходу какой-то прямоугольный предмет.

— Проходи, садись.

Заперев дверь, он повесил на ручку какое-то устройство. Пара нажатий, и оно противно пискнуло, заморгав красной лампочкой.

— Что это?

— Глушилка. Чтобы девка не подслушивала.

— А ты не высокого мнения о Лере, — хмыкнул я, рухнув в кресло.

— Скорее наоборот. Выглядит простушкой, но иногда, у меня от неё мороз по коже... Она не донимает тебя? Не передумал поменять хвостик?

Невысказанное желание так и вертелось на языке, но... Нет. Не сейчас.

— Пусть останется. Я сообщу, если изменю решение.

Сегодня Михайлов выглядел более собранным, ни следа от похмелья. Рухнув в кресло, он подался вперёд на локтях, напоминая коршуна, склонившегося над добычей.

— Я должен спросить ещё раз, и прошу быть предельно честным. Ты связывался со своей семьёй?

— Нет.

— Никаких записок, весточек? Почтовых голубей?

— Тебе недостаточно моего слова? — вздёрнул бровь я.

— Не нужно оскорбляться, я лишь реагирую на слишком неудачные совпадения...

Михайлов потянулся к ящику, но, вопреки моим ожиданиям, достал свёрнутый лист бумаги и протянул мне.

— Что это?

— Очередное требование от твоего отца, — коротко пояснил он. — Он чрезвычайно настойчив, и это путает нам все карты.

Пробежав взглядом по исписанному размашистым почерком документу, я удивлённо проговорил:

— Он требует аудиенции, но даже не со мной. Это не против правил. Что не так?

— Беспокойство твоего отца логично и понятно, но его повышенное внимание тенью ложится на мою репутацию... — Михайлов в гневе стиснул кулак. — Я ведь именно этого должен был избежать, сработав с тобой тихо и быстро. Теперь, высший Магистерий в ярости, и, если мы не решим эту проблему, даже твоя протекция не защитит меня от увольнения.

— Даже так? — Я нахмурился, задумчиво постукивая по холодной коже на ручке кресла. — Как мне с ним связаться? Без обид, но переданному тобой письму он вряд ли поверит.

Довольно ухмыляясь, Михайлов достал планшет, и принялся щёлкать по нему пальцем.

— Есть вариант получше. Я организовал тебе встречу с... Марком Горяниным. Знакомое имя?

Разумеется, я сразу его вспомнил. Один из первых Наделённых, кого изменил отец. Фёдор испытывал к нему исключительно тёплые чувства и безоговорочно ему доверял. Наконец-то свой!

— Не томи уже!

— Я связался с ним и всё устроил, — торжественно объявил он. — Он на редкость недоверчивый тип, я едва уломал его следовать протоколу. Представляю его лицо, когда он узнает, что нам предстоит работать вместе... — Михайлов гаденько захихикал.

— Твоё злорадство неуместно. Привыкай чтить этого человека.

— Будь снисходителен, Фёдор. Он главный безопасник закрытого клана Ароновых! Да я бы портрет с ним прямо здесь повесил! — он указал большим пальцем себе за спину, — но ладно, времени у нас не много.

— Он скоро приедет?

— Он уже здесь. Только сначала, я объясню правила игры.

— Какой ещё игры?

— Ты же знаешь. Официально, встречи с семьёй настрого запрещены, поэтому тебе придётся следовать негласному этикету.

— Что конкретно?

— Магистерий безоговорочно подчиняется воле Фатума, так что случайные встречи запретить они не могут, — улыбаясь от уха до уха сообщил Михайлов. — Придёшь в архив, возьмёшь что-нибудь почитать, и тут оп-ля! Какая неожиданность, посетитель!

— Хитро, — одобрительно ухмыльнулся я. — И Марк в курсе?

— Разумеется. Он получил такие же инструкции.

Михайлов нравился мне всё больше. Изворотливый, сообразительный, но поддаётся ли он контролю? В прошлом, у меня были проблемы с такими ребятами, им очень тесно в ограниченных рамках, но в этом мире я оказался в уникальном для себя положении. Мою должность он физически неспособен занять.

— Сколько у нас будет времени?

— Не больше часа, потом у тебя встреча с магистром. Плотное расписание для студента,

с одним занятием в сутки, правда? — хохотнул он. — Только с магистром держи характер в узде, и не "тыкай". Высший магистерий на редкость обидчив, и в их силах учинить тебе неприятности.

— Не гладить против шерсти?

— Лучше вообще не трогать. Будь с ним предельно осторожен. И я сейчас не о своей репутации говорю, — нервно щёлкая пальцами, он раскачивался в кресле. — Я не привык докладывать одними слухами, всё равно что подать на обед хлебную корку...

— Выкладывай что есть.

— Ему что-то от тебя нужно. Они готовились к этой встрече, и сами хотели тебя вызвать, а нашу проблему просто использовали как предлог.

— Ладно, разберусь. — Поднявшись из удобного кресла, я кивнул Михайлову. — Ты проделал отличную работу, можешь свистнуть по своим каналам. С отцом я решу.

— Спасибо, Фёдор.

Уже протянув руку к дверной ручке, я замешкался. Поглядел на ладонь, сжал руку в кулак и решил.

— Что насчёт испытания ветров?

— А что с ними? — поднял голову Михайлов, уже уткнувшийся в экран.

— Какие-нибудь советы?

— Федь, — он отложил планшет. — Давай начистоту. Мы же оба понимаем, что вся эта суета вокруг Мессии, чушь собачья?

— Способ манипуляции, — кивнул я. — Но зачем давать Магистерию лишний повод за меня зацепиться?

— Ты же видел, как это происходит. Ничего особенного, — он раздражённо повёл плечом. — Просто не превышай семидесяти процентов, и всё будет в порядке. Поглядел бы я, как это у тебя получится...

Ну, хоть что-то. Дальнейшие расспросы только пробудят у него подозрения, так что выключив глушилку, я вышел к Лере. Девушка как будто бы даже позу не изменила.

— Ну как, придумала что-нибудь для меня?

— Если честно, то я совсем не об этом думала, — призналась девушка.

— Плохо, Лера. Время у тебя ещё будет, мне нужно в Архив.

— А что с вашей бедой?

— Решаем.

До Архива Фатума мы добрались в напряжённом молчании. И раз уж дела привели меня сюда, я собирался провести время с пользой. Под назойливым взглядом девушки, закачивал в планшет материалы по так называемому «Испытанию ветрами». Ничего похожего на научный разбор процедуры не нашлось, так что я ограничился парой статей и видео. Ну и немного развлекательного контента захватил — несколько записей Вихря.

Бега взглядом по залу, я искал знакомые лица, но Марка узнал по седому затылку с большой проплешиной. Как всегда ссутулившись, он что-то набирал на компьютерном терминале, то и дело бросая косые взгляды по сторонам. Его паранойя вошла в легенды, но не раз выручала отца из неприятных историй.

Он тоже меня заметил, но не подал вида. Так что заняв свободный стол, я, как ни в чём не бывало, воткнул планшет в зарядку и пролистал собранный материал. Из интересного — впечатления испытуемых. У кого-то проявлялись галлюцинации, кому-то просто становилось плохо, и оба случая ни о чём не говорят экспериментаторам.

На видео, незнакомого мне парня завели в прозрачную цистерну, похожую на стеклянную клетку. Поначалу ничего не происходило, я включил ускоренную перемотку, и пришлось резко затормозить, когда испытуемый принялся махать руками, будто дрался с воздухом, а потом и вовсе рухнул на колени, истошно крича. На электронном табло значилась цифра «41 %».

— Так это ты к испытанию готовился? — шепнула Лера, прижавшись к моему плечу. — Ну там, в туалете.

— Я не стану это комментировать.

— Ну и ладно... — засопев ноздрями, она, видимо, решила зайти с другой стороны. — Ты боишься набрать мало процентов?

Мысленно усмехнувшись, я не стал говорить, что боюсь набрать много.

— Просто хочу разобраться, как действовать лучшим образом.

— Значит ты всё же претендуешь на роль Мессии?

— Лера. Единственное, чего ты добьёшься, бомбардируя меня вопросами, это...

— Фёдор Игоревич, какая неожиданность! — послышался позади сердитый голос Марка. Тяжело опустив ладонь мне на плечо, он, кряхтя, сел рядом. — Встретить тебя здесь большой сюрприз, я так удивлён... Девочка, сходи погуляй.

— Кто Вы, господин? — тут же напряглась Лера.

— Это свой, — коротко пояснил я. — Не беспокойся, погуляй немного.

Поджав губы, она резко поднялась и демонстративно пересела за другой столик, в нескольких метрах от нас. Не могу её винить, всё-таки преследовать меня — её работа. Марк пристально поглядел на девчонку, оглянулся ещё раз и, уже спокойней, спросил:

— Ну как ты здесь, парень?

— Не буду врать, последние события совершенно выбили меня из колеи. Я чертовски рад тебя видеть, Марк.

Черты лица безопасника разгладились, на губах промелькнула тень улыбки. И всё-таки, непривычному человеку, его лицо показалось бы уродливым. Из-за травмы, он постоянно щурился на один глаз, а другой выпучивал, будто компенсируя недостаток.

— Я тоже, Федя. Хотел бы поболтать с тобой как раньше, но последние вести из Академии вынуждают меня сразу перейти к делу. Ты уже решил, как поступить с Куропатовым?

— Решил... — скривившись, я признался. — Из меня выдавили это решение. Вы в курсе, что Чтец меня допрашивал?

— В общих чертах.

— Чтец под давлением выудил у меня отказ от обвинений. Он нарисовал весьма неприятную картинку, вплоть до аннексии нашей территории. Я не решился сопротивляться, не зная мнение отца.

— Об этом нам было неизвестно... — на лбу Марка выступили морщины, он бегал взглядом, просчитывая варианты. — Ты что-нибудь подписывал?

— Нет.

— Пффф. В таком случае, это лишь объявление о намерениях, а не данное слово.

— Он был достаточно серьёзен, — заметил я.

— Если бы Чтец пожелал, он бы принудил к подписанию бумаги, у него есть такие полномочия.

Задумавшись об этих юридических тонкостях, я, невольно, вспомнил данное

Самсоновой обещание, о приглашении их с отцом в наше имение. Следуя мысли Марка, выходит, что я всё ещё могу отказаться, но... Слухи то пойдут. Официально никто не осудит, но ущерб репутации будет серьёзным.

— И всё же, я не хочу действовать против интересов семьи. Отцу и так нелегко.

— Послушай, Федь, мы поддержим тебя в любом решении. Спустить на тормозах оскорбление ещё можно, но покушение... Это серьёзный удар по репутации Рода. Если ты боишься...

— Дело не в смелости, Марк, — жестко оборвал я. — Я ищу вариант, сулящий наибольшие выгоды. Что нам даст война, если я убью Семёна? И что будет с моим обучением, если я сделаю это в стенах Академии?

На мгновение, седой безопасник застыл в немом изумлении. Он щурился, пытаясь что-то разглядеть во мне.

— Ты это серьёзно про убийство?

— Более чем. Я рассматривал разные варианты.

— Федь, я имел ввиду лишь публичную порку, не более!

Повисла неловкая пауза. Мне потребовалось некоторое время, чтобы подавить своё прошлое. Я ведь просто подросток, Фёдор Аронов, наследник именитого рода...

— Порка будет, мы условились о Казерай.

— Хороший вариант, но не идеальный. Были бы у меня здесь свои люди... — тяжело вздохнув, Марк снова пристально огляделся. — Послушай, Федь. Летальный исход, конечно, станет серьёзным вызовом, но всё же, если обстоятельства сложатся именно так — мы сдюжим, не переживай.

— И почему мне кажется, что ты подталкиваешь меня к этому решению?

Марк резко, словно филин, повернул голову и пристально уставился на меня. Под его сканирующим взглядом стало очень неудобно, но я напомнил себе, что этот человек служит мне, а не наоборот.

— Ты сильно изменился, Федя. Ещё год назад, ты бы сказал «да, дядя Марк», но... — он тяжело вздохнул. — Вряд ли бы довёл дело до конца.

— Не нужно этих сантиментов, Марк, — холодно процедил я. — Переходи к сути.

Продолжая оглядываться, он тихо, но чётко принялся декламировать.

— Отец хотел сам обсудить с тобой эту тему, но ему нельзя соваться в Академию. Вокруг рода Ароновых зреет заговор. Серьёзный, а не обычные закулисные игры. Мы пока не можем определить, кто главный зачинщик, и мы даже не знаем, каковы их цели, но есть мнение, что в заговоре замешаны и Куропатовы, и Магистерий.

— Почему известно так мало?

— Всё что я тебе сказал мы добыли из уст пары не особо важных шпионов.

— И их словам можно верить?

Марк недобро усмехнулся.

— У них не было возможности солгать. Искать другие источники приходится крайне осторожно, у нас связаны руки.

— Так вот зачем ты понукаешь меня дразнить Куропатова? — я не поверил своим ушам. — Хочешь создать повод, чтобы мы, в своём праве, ответили на агрессию?

— Такой вариант рассматривается, — неохотно признался Марк.

— А что дальше? Что, если в игру вступит Император?

— Промедление ещё хуже. И мы не можем утверждать, что Император уже не увяз в

заговоре.

Да, дела... А я-то думал, что мои проблемы ограничены стенами Академии. Оставаясь здесь, я медленно адаптировался к новой реальности, не задумываясь о том, насколько, на самом деле, огромен этот мир. Я наследник именитого рода, у меня есть власть и деньги, но цена за это становится всё больше.

— Куропатовы, император... Кто ещё? Ах да, Магистерий. Вырисовывается неприятная картинка, Марк.

— Я лишь сообщаю то, что нам известно.

— По крайней мере теперь ясно, почему Магистерий интересовался мной ещё до покушения...

— Что? — седой безопасник встрепенулся. — Что ты сказал?

— У меня есть сведения, что они интересовались моей фигурой.

— И ты уверен в этом? Кто источник?

— Продажный администратор. Или как их там... Страж второй категории.

Нервно протерев пальцем лоб, Марк уставился в одну точку, даже позабыв о контроле за периметром.

— Это всё меняет...

— Что?

— Цель заговора. Они метят в тебя, Федя.

Я бы солгал сам себе, если бы сказал, что новость меня не напугала. Всегда неприятно, когда подозрения воплощаются в реальность. И всё же, рано впадать в панику. Сейчас мне доступно только две точки зрения, моя и Марка. Маловато для триангуляции.

— Ты уверен в своём человеке? — нарушил тишину Марк.

— Да, насколько можно быть уверенным в перебежчике. Это Михайлов, проверь его.

— Я уже это сделал.

— Проверь ещё раз. Цена его верности — работа в нашей семье.

Седой безопасник аж подскочил на стуле, скрипнув металлическими ножками.

— Недопустимо!

— Попросишь меня нарушить данное слово? — спросил я с угрозой.

Молчит. Глядя на Марка, я фиксировал как стремительно таят тёплые чувства к этому человеку. Пускай он знал лишь одного Фёдора, но глубоко внутри, привязанность Фёдора заменил мой здоровый прагматизм. Преодолевать сопротивление человека, призванного тебе служить, унижительно и неприятно. И даже поймав себя на этой мысли, я не могу до конца быть уверенным, что это не ребячество новой памяти. С каких вообще пор я стал обидчивым?

— Я могу поискать причины для отказа, если его репутации тебе недостаточно, — предложил Марк.

— Мы возьмём его. В мои личные телохранители, если потребуется.

— Хорошо, — тяжело вздохнул он. — Я похлопочу, раз ты настаиваешь.

Взглянув на часы, я отметил, что прошло всего двадцать минут, а казалось, что разговор длится вечность. И всё же, время не бесконечно.

— Значит меня попытаются убить?

— Вряд ли в стенах Академии, в этом нет политического смысла, — вслух размышлял Марк. — Я бы поставил на Вихрь.

— Что?

— Вы же под конец обучения едет к Башне Фатума, верно? Там рядом наши владения, больше причин для агрессии.

— И какую поддержку ты сможешь мне там оказать?

— Почти ничего, парень... На территории Магистерия мы бессильны. Любой неосторожный шаг осудит Ассамблея, и весь мир ополчится против Ароновых. Но если Магистерий отклонит новое требование графа, мы сможем требовать...

— Нет, — я резко его оборвал. — Передай отцу, чтобы отступил.

— Ты понимаешь, о чём просишь?

— Его вмешательство только вредит. Доверьтесь, я разберусь. Когда мне потребуется участие Рода, я дам знать.

— Ему это не понравится, — скривился Марк, но тут же кивнул. — Передам твою просьбу. Что ж... У меня есть пара ребят на земле Фатумцев. Как приедешь, разыщи лавку Горчакова, ему можно доверять. Большого я сделать не в силах.

Разговор с Марком напомнил мне о положении, которое теперь я занимаю в обществе. Вес моего слова имеет значение, и я не имею права не поставить их в известность, хоть и ужасно не хочется быть гонцом плохих вестей.

— Есть ещё одно дело. Я дал слово Анастасии Самсоновой, пригласить её в наши владения. Это может стать проблемой?

— Дочь того самого Самсонова?

— Инспектора, — кивнул я.

— Ерунда, — отмахнулся Марк. — В сравнении с остальным... Молодец, что сказал, мы подготовимся к визиту. По крайней мере твою мать порадуют эти хлопоты... Дату уже назначил?

— Назначу, когда буду знать, что всё в порядке.

— Горчаков доложит. Что-нибудь ещё?

События последних дней крутились в голове, я боялся что-нибудь упустить, но, кажется, тем для обсуждений не осталось.

— А как... Как в целом дела семьи сейчас?

— Всё как обычно. Баронат... — он нецензурно выругался. — Эти выродки бьются за снижение налогов. Утверждают, что без них мы потеряем контроль над «людьми ветра» и добыча эфира прекратится. При этом, отталкиваясь от указа императора, не допускают нас к добыче. Только... — скосив взгляд, он замолчал, не решившись упоминать брата.

— Только, если это не член рода. Я понимаю.

— Но если не брать в учёт нападения их юристов, всё идёт своим чередом. Они платят налоги, мы платим налоги...

— Собаки лают, а караван идёт, — задумчиво произнёс я, вызвав смешок Марка.

— Интересное выражение, надо запомнить... — взглянув на часы, он нехотя взялся за стол, для опоры. — Я оставлю канал связи, через этого Михайлова...

— Не доверяешь его компетенции?

— Доверяю, он толковый малый. Меня беспокоит лишь то, что у него нет границ. Совсем.

Поднявшись, Марк неторопливо поплыл через толпу, а я слепо уставился на экран, переваривая нашу беседу. Шум толпы помогал концентрироваться и, невольно, напоминал, где я нахожусь.

С одной стороны, в Академии я абсолютно незащищён, и могу полагаться только на себя, но в этом есть свои преимущества. Если даже Марк, Наделённый слуга нашего рода, пытается мной манипулировать, то не сложно представить клетку, которую бы мне построил отец. В воспоминаниях Фёдора — это всемогущий человек, но я пытался, и не находил ни единого случая, чтобы Фёдор действовал вопреки воле отца.

Здесь я предоставлен сам себе, и поступками выбью для себя самостоятельность. Ну а заговор... Без серьёзного вызова, я не смогу себя проявить, верно?

Когда Лера вернулась за стол, я уже разобрался в себе, свыкся с предстоящей борьбой. И не найдя ничего интересного о предстоящем «испытании ветрами», переключился на видеоролики с Вихрем.

— Ты же знаешь, что встречи с семьёй под строгим запретом? — обиженно спросила Лера.

— Конечно знаю. Просто нам повезло. Волей Фатума оказались здесь в одно и то же время, представляешь?

Пробубнив что-то нечленораздельное, она тоже уставилась в экран. Выглядит Вихрь, конечно, просто потрясающе... Гигантское торнадо, необъятное, шириной с целый микрорайон. Вихрь поднимался высоко в небо, но исчезал не в тучах, а в ярко-оранжевом

сиянии. Издалека казалось, что само небо горит.

— Завораживающее зрелище, да? — спросил я замолчавшую Леру.

— Пугающее.

Вид, конечно, устрашал, но торнадо не двигался, он замер на месте. На другом видео, с большей дистанции, чётко видно, что никаких разрушений рядом нет, скорее наоборот — окольцевав Вихрь, вокруг выстроился настоящий мегаполис, с крупными зданиями-заводами и жилыми постройками. И часть этого огромного города принадлежит мне...

Отдельного упоминания заслуживала высоченная башня, с символом Магистерия на вершине, и длинным "языком", вытянутым в сторону Вихря. Как Око Саурана, их символ будто бы наблюдал за городом. За всей империей.

— Ты видела Вихрь вживую?

— Видела, ещё в детстве... — после небольшой паузы, она добавила: — тогда как раз случилась очередная вспышка.

— О чём ты?

Подвинув мою руку, она включила другое видео, где от Вихря как будто отделился рукав, слизав строительные леса, вместе с несколькими десятками рабочих.

— Жесть... И это тоже воля Фатума?

— Когда-нибудь, ты примешь своё предназначение, и перестанешь насмехаться, — огрызнулась она.

— Всё может быть. И там, значит, — я указал пальцем на высокую башню, — восседает великий магистр?

— Верховный, — поправила она. — Да. Только у служащих башни есть шанс увидеть его...

Она уже не первый раз упоминает Даут Маррана, и мне пришла в голову любопытная мысль.

— Ты сказала, что боишься Вихря. У тебя теперь фобия, или что? Не развалишься, если я заставлю поехать со мной к башне?

— Чтооо? — она резко округлила глаза. — Ты хочешь меня заставить... Поехать в башню Фатума? Заставить?!

И тут случилось чудо: она рассмеялась! Наверное, впервые с нашего знакомства она выглядела естественной и свободной. Её искренний смех журчал как ручеёк, совершенно преображая угрюмую, саркастическую барышню, но с каждой секундой он искажался, приобретая театрально-злодейские нотки.

— Прекрати истерику!

— Это не истерика, я смеюсь! Ты хоть представляешь, насколько я хочу туда попасть?

— Вполне.

Замолчав, она пристально на меня поглядела.

— Мне придётся за это заплатить, да?

— Придётся, — согласно кивнул я. — Будешь прикрывать мою спину, когда я снова захочу разгромить какой-нибудь унитаз.

— Да хватит, ты же шутишь! — улыбнулась она, но улыбка быстро сменилась испугом. — Шутишь же, да?

— Полнолуние близко... — тихонько провыл я, поднимаясь.

Время уже поджигает, надо навестить этого Грибоедова. Пребывая в лёгкой растерянности, Лера стучала каблучками позади. Я всё пытался найти причину, по которой я

отказывался рассматривать "несчастный случай". Наверное, я человек привычки. Да и чертовски хочется узнать, что же таится в её тёмном прошлом. Если она воровка, очищенная светом новой веры, её навыкам я найду применение, даже вне стен Академии. Забавно, я как будто собираю багаж из людей...

— Расскажи-ка мне, Лера, что ты знаешь про магистра Грибоедова?

— Помнишь наш разговор о смешении людей разных сословий?

— Грязный эксперимент для проверки качеств одарённых? Это ты имеешь ввиду?

Кивнув, она угрюмо уставилась в одну точку.

— Магистр Грибоедов вполне мог придумать такой гнусный эксперимент.

— А я думал, что ты преклоняешься перед всей верхушкой Магистерия, — хмыкнул я. — Он так сильно выделяется из общей массы?

— Я преклоняюсь перед Фатумом, а не магистрами. Среди них достаточно подонков, но... Другого Магистерия у нас нет.

Вот так, наконец-то она облекла в слова мысли, о которых я лишь подозревал. Но я даже не удивился. Чего ещё ожидать от людей с такой властью? Даже одарённым приходится считаться с Магистерием, что уж говорить о простых людях.

Мы поднялись на последний этаж и очутились в роскоши, которой позавидовал бы президент любой компании. Здесь царили приятные ароматы с восточным оттенком, из замаскированных колонок доносилась красивая мелодия, смешиваясь с журчанием ручейка в фонтане.

Лифт разместился в широком зале, копирующем планировкой лекторий: коридоры здесь тоже расходились лучами от центра. Только в лектории, зал был утилитарным помещением, а это... Это настоящий дворец.

Вдоль стены выстроились музейные экспонаты, закрытые прочным стеклом, пол был устлан роскошным ковром с высоким ворсом, а стены украшали портреты различных представителей Магистерия. В основном, конечно, на них был изображён Даут Марран.

Портреты словно рассказывали его историю, от совсем юноши с горящими глазами, до седого старика, устало опирающегося на трость. Знаковая фигура. Правитель королевства внутри империи.

— Здорово, да? — тоном стрелянного воробья спросила Лера.

— Вкус у них есть, это точно. Но где охрана? — я оглядел пустые коридоры. — Любой может заявиться сюда и нарисовать Маррану усы на каждом портрете...

— Охрана здесь есть, они просто не попадают на глаза. Ну а если, волей Фатума, кому-то предназначено совершить этот акт вандализма... — она выдержала паузу, — на этот случай, на картинах стоит защитное стекло.

— Ого! Это ты набираешь очки, кощунствуя в святая святых Академии? — усмехнулся я. Девушка лишь смущённо улыбнулась.

Кабинет с нужной табличкой находился в самом конце бокового коридора. Степан Грибоедов, Магистр I степени. Едва переступив порог, Лера склонилась в глубоком поклоне.

— Прибыл Фёдор Аронов, по Вашему приглашению.

Хозяин кабинета занимал широкое помещение с шикарным видом на кампус. С драгоценным ожерельем из крупных бусин и в просторном одеянии, больше всего похожем на халат, он выглядел чудно, но всё-таки я чужеземец. Даже Даут Морран носит такие одеяния, и прекрасно себя чувствует. Вот хохма, если старик просто вышел к прессе после душа, а это вошло в моду...

— Спасибо, Валерия. Можешь быть свободна, — Грибоедов поднял руку, собрав пальцы в щепоть. — Пусть Фатум направит тебя.

— Пусть укажет путь, — ещё глубже склонилась Лера, и, пятясь, выскочила за дверь.

Грибоедов одним махом сгрёб в ящик какие-то безделушки, освобождая стол, и указал подбородком на кресло.

— Присаживайтесь, побеседуем.

Аромат благовоний в кабинете оказался настолько насыщенной, что в носу сразу зачесалось. Будто на индийский базар попал. Плюхнувшись в кресло, я внимательно изучал магистра.

С близкого расстояния, в глаза бросалась чрезмерная ухоженность этого человека. Щёки блестели от крема, а прилизанные волосы от воска. Холёные руки никогда не поднимали ничего тяжелее бокала. Однако слабость тела резко контрастировала с властностью в голосе и внимательным, ничего не упускающим взглядом.

— Вокруг Вас много внимания, господин Аронов. За эту неделю, мне приносят уже второй доклад про Вашу светлость... — постукивая пятернёй по столу, он пялился, будто искал во мне изъяны. — Магистерий занимается поиском даже не ответа, а пути, поэтому всё, что может указывать на исключительность личности, попадает в сферу наших интересов. Особенно, если эту исключительность проявляет действующий студент.

— Мне уже сообщили о необходимости пройти дополнительные проверки, — осторожно кивнул я.

— А мы ещё не получили Вашего согласия.

Магистр с напускной торжественностью извлёк из папки аккуратный лист, и положил его передо мной.

— Что это?

— Небольшая формальность, — Грибоедов многозначительно указывал на лежащую рядом ручку. — Магистерий желает зафиксировать Ваше желание участвовать в процедурах.

— Вы предлагаете это всем студентам?

Дёрнув глазом, магистр натянул фальшивую улыбку, принявшись барабанить по столу.

— Не поймите нас неправильно, господин Аронов. Ваше исцеление вызывает вопросы, это исключительный случай, мы хотели бы... — он осёкся. — Магистерий считает, что Ваше время в стенах Академии может быть сокращено. Не к каждому студенту лично приезжает имперский Чтец.

— Я был удивлён больше Вашего. И всё же, несмотря на то, что в стенах Академии я едва не лишился рассудка, я не отказываюсь от процедур. Это для Вас ничего не значит?

— Мы высоко ценим Вашу лояльность, но...

— Всё, чего я желаю — чтобы не ограничивали мою свободу.

— Вы почитайте договор, юноша, — он настойчиво подтолкнул лист в мою сторону. — Магистерий не заинтересован в конфликте с родом Ароновых, и мы не станем задерживать Вас больше необходимого... Кроме исключительного случая.

— И что это за случай?

— Если Вы окажетесь Мессией, — жеманно улыбнулся магистр. Он произнёс это если не с враждебностью, то уж точно с насмешкой.

— И что будет в этом случае?

— Ох... — магистр блаженно улыбнулся. — Это будет настоящий праздник! Для вас последует ритуал инициации, затем множество званых ужинов, пресса... Визит к

императору, разумеется... Однако, что это я размечтался... — коротко хохотнув, магистр пересел поудобней, ненавязчиво подталкивая договор ко мне. — До этого славного дня нужно ещё дожить.

— Меня беспокоит один нюанс, господин Грибоедов. Вы ведь можете зацепиться за какой-нибудь... параметр, и потребовать дополнительных проверок. Длительных, понимаете? В серой зоне очень легко манипулировать точкой зрения.

— Вы хотите в чём-то обвинить Магистерий? — его елеинный голос с трудом скрывал угрозу.

Осторожно. Нельзя переступать черту. Глубокий вдох, подавить язвительность...

— Как и любой другой представитель аристократии, я с детства воспитан в условиях постоянного напряжения, — издали начал я. — И даже попав в обитель Фатума, я не могу просто выключить свою паранойю.

— Недоверие неуместно, юноша. Вы плохо слушали курс истории?

— Можете считать это иррациональным страхом. Фобией, если угодно. В наше время, связать человека юридически намного проще, и пребывая в постоянном волнении я не уверен, что смогу проявить себя в полной мере. Постоянно размышляя о риске бесконечных проверок...

— Что вы, что вы! — облегчённо рассмеялся магистр. — Предварительные проверки нужны лишь для Вашей безопасности. Вихрь вершит волю Фатума.

— Вихрь...?

Достав из кармана жестяную баночку, магистр скрипнул крышкой и извлёк леденец.

— Угоститесь?

— Нет. Простите мою настойчивость, но не могли бы Вы пояснить, по поводу Вихря?

— Вам должны были рассказать об устройстве, в задачу которого входит проверка кандидатов на предельных уровнях погружения в Вихрь. И все предварительные проверки нужны для изучения особенностей организма кандидата... — задумчиво выковыривая леденцы, он забрасывал их в рот один за другим. — Диагностическая система требует тонкой настройки, чтобы вовремя подать сигнал тревоги.

— Звучит рискованно.

— Поэтому нам и требуется Ваше согласие, и Ваша лояльность. Мы должны довести работу до конца.

Взяв договор, я пробежал взглядом по тексту. Спустя пару минут, я указал на слово «испытания».

— Здесь не указано точное число процедур. Я не могу подписать такой документ.

— Но если Вы окажитесь Мессией...

— В таком случае, я буду связан с Магистерием публично, и подобный документ станет простой формальностью, но повторяюсь, если у вас появятся сомнения... — я вернул документ на стол. — Тогда, этот документ даст Вам право запереть меня на столько, насколько пожелаете.

— Ерунда! — резко взмахнув рукой, магистр просыпал несколько леденцов, и те с тихим тиканьем покатались по мраморному полу. — Это всего лишь юридическая недомолвка.

— Опасная недомолвка.

Мрачно изучая меня взглядом, магистр барабанил пальцами, пытаясь найти неиспользованные аргументы. Я же, запоздало вспомнил, зачем пришёл.

— Я предлагаю перенести этот разговор. Возможно страж, которого Вы приставили ко мне, сможет объяснить так, чтобы я не воспринимал договор враждебно?

— Мы собирались заменить его, — отмахнулся магистр.

— В таком случае, насчёт этого, — я подтолкнул договор обратно к Грибоедову, — мнения я не изменю.

Пристально глядя на меня исподлобья, Грибоедов закинул целую горсть леденцов, шумно их пережёвывая. Спустя долгую паузу, он обречённо вздохнул.

— Значит Михайлов? Что ж. Пускай остаётся. У этого человека грязная репутация, но он встал на верный путь, под флагом Фатума... Решено. Через два дня мы вернёмся к этой беседе, господин Аронов, и я очень надеюсь, что Михайлов найдёт для Вас нужные слова.

Магистр поднялся, протягивая руку, и когда я уже собрался ответить на рукопожатие, в памяти всплыли слова Чтеца, его голосом звеневшие в моём подсознании. Машинально вообразив на черном фоне единственное слово «Вспомни», я вцепился в руку Грибоедова.

Холод ударил в основание позвоночника, заставив руку покрыться гусиной кожей. И я увидел.

Всего один кадр — сгорбленный, кашляющий Куропатов-старший, тыкающий пальцем в лист бумаги, лежащий на столе магистра.

— Фёдор?

Осознав, что до сих пор цепляюсь за его руку, я отступил, откашлявшись.

— Прощу прощения, задумался.

Холод ещё не отступил, гусиной кожей отзываясь на руках, и увиденный кадр тоже будто бы застыл перед мысленным взором. Я не знал точно, что это за документ, но само наличие Грибоедова в кабинете магистра... Мог ли старый ублюдок настоять на этой бумаге?

— Похоже, наша беседа выбила Вас из колеи, юноша, — усмехнулся магистр, выступая из-за стола. — Пойдёмте, я провожу к лифту.

Поправив полы "халата", магистр вальжной походкой направился к двери. Нельзя... Я не могу делать выводы, основываясь на видениях, тем более столь краткосрочных. Нужно больше фактов, но всё-таки... Союз дворянства и Магистерия? Заговор, с целью прижать род Ароновых? Что Куропатов мог предложить фанатикам, чтобы те согласились на сотрудничество?

— Могу я задать вопрос, господин Грибоедов?

— Разумеется, юноша, — задержавшись у двери, он сложил руки за спиной, поворачиваясь ко мне.

— Почему Вы спустили на тормозах нападение Семёна Куропатова?

Магистр подобрался, внимательно на меня посмотрел.

— Разве это наш выбор? Александр Ефимович должен был донести, что мы всецело на вашей стороне.

— Но у вас была целая неделя, пока я был на реабилитации, — заметил я. — И ничего, даже банального дисциплинарного взыскания. Почему?

— Это сложная ситуация, преждевременные обвинения были бы...

— Почему?!

Гневно сморщив нос, магистр достал из кармана коробку с леденцами, но та была пуста. Раздражённо щёлкая крышкой, он медленно произнёс.

— Вы должны понимать, что поиск Мессии — крайне непростая задача. Мы действуем практически вслепую, прорабатываем сотни вариантов. Мы даже допускаем, что истинный Мессия не сможет без тренировок войти в центр Вихря. Представляете, какая неразбериха?

— И при чём здесь я?

— Этот инцидент... — убрав наконец коробочку, он подавил тень улыбки и гордо выпрямился. — Магистерий следует воле Фатума, юноша. Вам было predeterminedено подвергнуться нападению, и, как показывает практика, тяжёлая травма не помешала Вам вернуться в норму. Этот прецедент должен быть тщательно изучен.

— Значит вы ставите на мне эксперимент? — едко поинтересовался я.

— Вся деятельность академии — один большой эксперимент.

Ему понравился мой ответ, а вот мне его — не очень. Что, если нападение Семёна спровоцировано Магистерией? Дать мне по башке, вернуть в норму и поглядеть что будет. Видя моё замешательство, магистр решил успокоить меня, но лишь сильнее распалил пламя подозрений.

— Мы собираем анамнез с каждого одарённого, анализируем... Ваш отец, кстати, был

превосходным кандидатом. Особенность вашего родового дара, способность поглощать эфирную энергию, казалась ключом, однако... Существенные ограничения вынудили нас отказаться от этой теории.

— И вы надеетесь, что я лучше отца?

— Мы не надеемся, мы исследуем. Также, как и с Вашим отцом, эксперименты могут показать отрицательный результат, и тогда для волнений не останется причины. Вы вернётесь в родовое имение и вскоре забудете наш разговор.

— Это было бы прекрасно.

Довольный беседой, магистр открыл дверь, пропуская меня. Мы вышли в атриум, и он заметил, что я с любопытством разглядываю ансамбль из пяти постаментов, один из которых пустовал.

— Культурное наследие нашей империи. Каждая статуя символизирует виток в развитии, — он поочерёдно указывал на скульптуры, — сражение с Вихрем, восстановление государства, освоение эфира, и основание Магистерия.

— Пустой постамент приготовлен для Мессии?

— Верно! Рад, что Вы поняли. Возможно, факультативные занятия по истории изменят Ваше мнение. Магистерий не враждебен аристократии, мы просто инструмент на службе империи.

Церемонно попрощавшись возле лифта, магистр пялился на нас с Лерой, пока лифтовые двери не скрыли его фигуру. Инструмент, говорит... Сдаётся мне, они скорее считают себя кузнецами, этот инструмент выковывающими.

— Как всё прошло?

— Могло быть и хуже... Я ещё не опаздываю на испытания?

— Времени с запасом. До павильона недалеко, пятнадцать минут.

Спустившись на первый этаж, мы вышли из главного корпуса, и шурясь от солнечного света, я оглядывал территорию. Сегодня на редкость тепло и солнечно, солнце приятно согревало кожу, я даже закатал рукава, следуя за Лерой.

Редкие прохожие были слишком заняты своими делами, чтобы обращать внимание на двух подростков. Местные и не очень, они варились в жизни Академии, обслуживали её, жили ею. И ведь это только часть владений Магистерия.

Так кто же был инициатором, магистр или Куропатов-старший? Сомневаюсь, что какому-то графу, даже такому влиятельному, удалось собрать достаточно денег для подкупа такой внушительной организации, но и подчинение целого рода — задачка не из лёгких. Дьявольщина, от этих бессмысленных теорий, у меня только голова разболелась.

— Почти пришли, — Лера указала на крытый павильон без окон, издалика напоминавший здоровенную шайбу. — Как думаешь, сколько процентов выжмешь?

— Не больше семидесяти, — твёрдо решил я, вспоминая слова Михайлова.

Я не боялся боли, которую причинит испытание, я всерьёз опасался того, на что способен мой организм. Не хочу давать им даже малейшей надежды, что я — Мессия. Мне совершенно не по душе роль жертвенного животного. Если бы только я чётко понимал, что нужно сделать...

Когда мы подходили к черным, непрозрачным дверям, из них вышел мужчина странной наружности. Одетый совершенно не по погоде, будто полярник: толстая куртка с множеством карманов, замотанный до носа шарф и маска, поднятая сейчас на лоб. Его глаза застыли в вечном прищуре, и сейчас эти глаза смотрели на меня.

Мужчина ускорил шаг и, когда мы поравнялись, вытянул руку в толстой перчатке, собираясь схватить меня, но Лера опередила его, сильным шлепком отбросив руку незнакомца.

— Держи дистанцию, бес!

Он непонимающе уставился на неё, снова повернулся ко мне, окинув взглядом.

— Меня гонит Великий Шквал, — беззлобно сообщил незнакомец. — Ветер знает тебя, молодой Аронов, но он не пробовал твоей плоти.

Чудная фраза отозвалась в воспоминаниях Фёдора. Подобные речи я слышал от гостя отца, но так и не понял значения. И всё же, незнакомец чего-то ждал. Валерия оставалась напряжена, как струна, она видит в нём угрозу. Ну а что вижу я? Я лишь чую сильный запах воска и вишни, будто он ароматические свечи по карманам рассовал. Вспоминай... Что там отец ему отвечал?

— Шквал в моем сердце не утихает. Пусть не уймётся и в твоём, — церемонно произнёс я, протягивая руку.

Раскрыв глаза в удивлении, незнакомец стянул перчатку, и стало ясно, откуда запах — это мазь, которой он жирно намазал обмороженную руку. Сдавлив мою ладонь, незнакомец с жаром произнёс.

— Ты не брезгуешь печати Сеятеля! Об этом узнают, ветер разнесёт весть.

Оставив на моей ладони липкую жижу, он вернул перчатку на место и стремительно двинулся прочь.

— И что это было?

— Ты мне скажи, — повела плечиком Лера. — Отец обучал общаться с бесами?

— Я не об этом, — брезгливо вытирая ладонь о штаны, я указал на её руку. — Ты теперь мой телохранитель?

— А... Да я просто среагировала, думала он напасть хочет.

— С чего вдруг?

— Бесы ветра непредсказуемы, а ты мне ещё... — она осеклась, — ты слишком задумался, вот я и решила вступить.

— Физкультуру ты явно не пропускаешь...

Девушка лишь пожала плечами, открывая мне дверь. Её удар не был паническим жестом, она была со знанием дела. Пускай она меня защищала, но навыки рукопашного боя... Может всё-таки не воровка?

— А почему «бесы»? Их же обычными фанатиками называют, — поинтересовался я.

— Это имя выбрали они.

— И откуда скромная студентка об этом знает?

Лера невнятно пожала плечами. Опять секреты. Теперь всё, даже её походка казалась мне особенной, каждый шаг будто подготовка к прыжку, руки слегка разведены в стороны, чтобы не стеснять движений... Или я выдумываю? Кто знает, чему Магистерий обучает простолюдинов. Без магии, они же должны как-то за себя постоять?

— А вот и он! — громкий голос Михайлова вернул меня в реальность.

В небольшом коридоре с единственным проходом, заблокированным сканирующей аркой, стоял охранник в форме Магистерия и сам Михайлов, с папкой в руках. Свет в коридоре будто специально приглушили, для создания мрачной обстановки, так резко контрастирующей с освещённой белизной главного корпуса. И здесь было чертовски холодно.

— Я не опоздал?

— В самый раз. Убери это! — Михайлов рыкнул на охранника, и тот опустил сканер, позволяя нам беспрепятственно пройти внутрь.

Чем дальше мы погружались в коридор, тем холоднее становилось, но теперь я понимал, в чём дело. Эфир. Здесь его, должно быть, дохрена, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение испытания.

— Проблем не было?

— Столкнулись на входе с фанатиком, — ответила за меня Лера.

— Ох уж эти... Он привёз свежую партию, отказался ждать... Но я имел ввиду другое, — многозначительно произнёс он.

— В целом, нормально. Позже поговорим.

Коридор сменился широким залом, размером с футбольное поле. Высокие потолки, холодные серые стены и тот самый стеклянный загон посреди. От него протянулось множество проводов к центру управления, поднятому на толстых сваях, и там уже суетилось несколько техников.

С другой стороны собрались зрители, среди которых я узнал нескольких одноклассников. Семён был здесь, Люда и Капустин. Если присутствие первых я ещё понимал, жаждали лицезреть моё фиаско, но Вася то что здесь забыл? Однако, ещё одно знакомое лицо удивило меня куда больше.

— Господин! — улыбаясь от уха до уха, ко мне подбежала Ириша, разрываясь между желанием поклониться и чмокнуть в щёку.

— Какие люди! Отпросилась посмотреть на подопечного?

— Я ассистирую целителю! — гордо заявила она. — Буду рядом, на случай, если Вам станет очень плохо.

— Что ж. Надеюсь на твой целебный массаж, в случае чего.

Лера кашлянула, ненавязчиво подталкивая меня в спину.

— Федя, тебя ждут.

— Ещё поболтаем.

Кивнув девушке, я направился к пыточной камере. Михайлов поднялся в комнату управления, о чём-то ожесточённо споря с техниками, Ириша заняла место возле группы Магистерских представителей. Высокий мужчина с широким лбом и могучими руками пробудил во мне ужас. Не Фёдора, уже мой. Верховный целитель. Именно этот человек поставил меня на ноги, но КАК он это сделал... Бррр.

Лера проводила меня до стеклянных дверей, несильно сжав руку, выражая поддержку. Ладно, да начнётся рок'н'ролл. Ступив внутрь, я вышел в центр, с любопытством разглядывая стеклянную клетку изнутри. Множество датчиков, какие-то подвижные механизмы с раскрытыми соплами и жуткий, пробирающий до самых костей, холод.

За спинами зрителей загорелось табло, на нём значилось «0 %». Такое же табло висело над центром управления. Поёжившись, я растирал руки, пританцовывая на месте.

— Может начнём уже?

Михайлов успокаивающе поднял руку. К счастью, у меня имелся другой измеритель опасности — Лера. Девушка спокойно заняла место рядом с Иришей, несколько не высказывая волнения. Всё идёт своим чередом.

— Запись включена, — раздался голос из динамиков. — Процедура «Испытание ветрами». Испытуемый Аронов Фёдор Игоревич.

Продекламировав дату и время начала, голос дал команду начать, и окружавшие меня механизмы ожили.

Сопла повернулись в одну сторону так, будто собирались раскрутить клетку. Послышались щелчки, шипение, и температура вокруг начала резко понижаться. Запах вишни, следовавший за эфиром, стал вязким, я почувствовал на руках лёгкое дуновение морозного ветра.

— Один процент! — громко объявил голос.

Соответствующая цифра загорелась и на табло, на случай, если я не услышал, и постепенно начала увеличиваться.

Мне не выдали никаких инструкций, я замер как дурак, думая лишь о том, как бы не проторчать тут дольше положенного. Может уже сейчас начать кривляться? Нет, это будет подозрительно.

— Десять процентов! Не стойте, господин Аронов. Пробудите дар!

Легко сказать. Пока, мне удавалось "включить" его лишь при соприкосновении с другим человеком, но здесь? Я же не могу как Семён, достать джедайский меч и размахивать им, отбиваясь от ветра... И всё-таки я попытался.

Представив на чёрном фоне родовой символ, я привёл себя в состоянии готовности. Теперь единственный тёплый участок моего тела — плечо, где аккумуляровалась собранная сила. И теперь я увидел, что вокруг меня разгоняется не просто ветер.

Совсем крошечные сгустки энергии, вспыхивающие слабыми искрами, мерцали вокруг как фейерверки. Я попытался коснуться одного, но это всё равно что ловить комара, даже задеть не вышло.

На табло высветился новый порог, 30 %. Голос руководителя потонул в завывании ветра. Он ревел с такой мощью, что я даже собственного кашля не слышал. И в очередной попытке дотянуться до искорки, я ощутил резкую боль в локте, там, где эфирный сгусток меня коснулся.

Секунда, и эфир уколол меня в плечо и поясницу, я невольно встал в боевую стойку. Короткий взгляд на Леру — она оставалась спокойной. Все через это проходят? На табло цифра поднялась почти до сорока процентов, и я уже не пытался поймать сгустки эфира. Я пытался от них отбиваться.

Впервые встретив сгусток ударом, я почувствовал, как кровь замерзает в моих жилах. Холод поднимался по руке, впитываясь в кожу и кости. Ветер серьёзно усилился и кружение ярких вспышек становилось гипнотическим, они вычерчивали в воздухе сплошные линии, чья траектория неизбежно пересекалась с моим телом.

Сорок пять процентов.

Я начал серьёзно волноваться. Жуткий холод и вспышки боли по всему телу изматывали, но запас прочности ещё есть. Я же не могу просто картинно упасть, позволяя боли завершить работу? И тут у меня начались видения...

Я увидел плывущие вокруг силуэты, бесформенные фигуры с раскрытыми ртами, чьи конечности тянулись ко мне, как к спасителю. Их прикосновения обжигали так сильно, что я уже не задумывался о том, как выгляжу со стороны. Я крутился, пригибался и яростно отмахивался, поскольку только Дар защищал меня от боли.

Когда цифра перевалила за пятьдесят процентов, вокруг начал сгущаться густой туман. Табло исчезло, а вместе с ним и зрители. Я оказался посреди грозовой тучи, совершенно одинокий и беспомощный против силы природы. Поток ветра постоянно сбивал с ног,

позволяя большим сгусткам жалить моё тело.

Позабыв обо всём, я просто пытался выжить. Плевать на цифры, эта штука может убить меня! Или... Или она убьёт не меня?

Шальная мысль, закрываясь в подсознание, новая порция эфира, поглощённая моим даром, и окружающий мир резко преобразился. Сплошные линии снова стали отдельными частицами, плотно привязанные сотканными из дыма нитями. Эти нити уходили ввысь, пронизывали потолок стеклянной клетки и дальше, к небу.

Холод медленно отступал, возвращая ясность сознания. Вместе со скоростью ветра будто замедлилось время. Я вдруг обнаружил, что чётко знаю, как здесь выжить. Не нужно бороться с ветром. Нужно следовать за ним.

Я только попробовал, вобрал в себя огромную порцию эфира, пропуская его через себя и пустил дальше, по направлению ветра. И тогда меня накрыл ужас.

Этого нельзя делать. Это их заинтересует. Даже не осознавая, откуда пришло это знание, я резко перестроился, изменил позу и стал действовать наперекор идеальной стратегии.

Я принимал эфир и направлял его против ветра.

Дышать стало невозможно, в глазах поплыли фиолетовые круги. Я рухнул на колени, кричал от боли, но ветер не стихал. Туман вокруг становился гуще, и тени в нём всё назойливее тянули ко мне свои лапы. Этому невозможно сопротивляться. Когда же они уже выключат...?

Интерлюдия

Увидев цифру «60 %», Лера прикусила губу. Она не верила, что он столько выдержит, но Фёдор в очередной раз её удивил. Совершенно непредсказуемый юноша. Всего за день она прошла путь от ненависти до... интереса. Вопрос «почему он помогает» до сих пор её мучал.

Ещё два процента, и Федя упал на пол, сжался в комок. Со стороны, всегда комично наблюдать за испытуемыми, которые разыгрывают комедию одного актёра, дерутся с воздухом и всё такое, но Лера знала, как ему сейчас больно. Великий Фатум, почему процедуру не останавливают?

Послышался крик Михайлова, он материл техника, колотил по панели. Представители Магистерия занервничали, и только верховный целитель не спускал с Фёдора глаз.

На табло горело уже «63 %», и Фёдор не двигался. Да что же такое... Инцидент во дворе был последней каплей, она поклялась себе сидеть тихо, не высовываться. Нельзя вызывать подозрений. Место здесь стоило ей слишком дорого, она не должна... Нельзя светиться! Если они почувствуют её Дар, все усилия станут напрасны, но... Федя её лучший шанс добиться цели.

Ещё процент, а Фёдор по-прежнему не двигался. Михайлов, во главе с техниками, выскочил из рубки управления. Они дёргали провода, пытаясь вручную вырубить машину, кто-то из студентов побежал на подмогу. Нельзя рисковать, но они просто не успеют... Глядя на безжизненную фигурку, Лера тихо всхлипнула. Великий Фатум... Да они же убьют его!

Отступив в тень, Лера короткой перебежкой вышла в слепую зону, где камеры её не достанут, вцепилась ногтями в запертую крышку на корпусе генератора и, до боли напрягая

мышцы, сорвала замок. Теперь аккуратно...

Направив дар, она выпустила особую смесь на микросхемы, сжигая их напрочь. Чуть поодаль затрещал механизм, с громким хлопком лопнула труба, присоединённая к стеклянной клетке.

Когда техники перехватили контроль, остановив утечку эфира, Лера уже вернулась на место. Цифра на табло стремительно уменьшалась — снижалась концентрация внутри клетки, зато градус волнения в помещении возрос многократно. Такого ещё не случалось, а значит кто-то совершил диверсию.

Едва придя в себя, я с трудом подавил судорожный вдох. Лёгкие горели огнём, пришлось часто и мелко дышать, исторгая из себя "морозную свежесть". Кто-то прижал ладонь к грудной клетке и сильно надавил. По телу сразу же начало распространяться спасительное тепло, и проморгавшись я разглядел лицо верховного целителя, сгорбившегося надо мной. Сквозь звон в ушах прогремел его голос.

— Что ты увидел?

— Изыди, демон!

Вялая попытка отпихнуть его не возымела успеха, целитель лишь перехватил мою руку, и прокричал ещё громче:

— На пятидесяти пяти процентах, показатели начали зашкаливать. Что ты увидел!?

Пятьдесят пять? Вроде немного, это тогда я вырубился? Дьявольщина, сколько они меня здесь продержали? Проклятый туман, не дай бог я...

— Приди в себя! Отвечай!!

Лекарь сильно тряс меня за плечи, он ведь не отстанет. Ну что ему соврать?

— Брата. Я увидел призрак брата.

Застыв, лекарь грязно выругался, выпустил меня и резко поднялся, пропуская взволнованную Иришу. Опустившись на колени, девушка поднесла к моим губам термос с горячим сладким чаем. За одно это я был готов её расцеловать!

— Сколько, Ириша?

— Тише, господин, Вам нужно прийти в себя. Пейте.

Она поила меня ещё пару минут, и чувствительность вернулась даже к кончикам пальцев. Оставался лишь холодный, противный озноб. Отказавшись от помощи девушки, я сел, осмотрел одежду, руки. Там, где эфир меня ранил, не осталось никаких следов. Он будто задевал нервные окончания, минуя кожу. И только успокоившись насчёт ран, я огляделся и застыл.

Бардак. Все, и зрители, и магистерские чиновники столпились в одном месте, возле покрытой серебристой плёнкой трубы. Она была порвана, техник держал её на вытянутых руках, пока другой внимательно её изучал. Аккуратные панели под кабиной управления залиты пеной, из-под неё ещё проступал дым.

— Да выпустите же его, Фатум вас подери... — расталкивая остальных, в стеклянную клетку вошёл Михайлов, протягивая руку. — Живой?

— Живой. Сколько?

— Сложно сказать, — он отвёл взгляд. — Когда ты вырубился, было шестьдесят два.

— А когда машину выключили, уже шестьдесят шесть, — тихо произнесла Ириша. — Вам нужен отдых, господин. Пойдёмте, я сделаю Вам массаж.

— Что произошло? — прорычал я, не сдвинувшись с места, ища взглядом целителя. — Эй ты! Я хочу знать!

— Аппаратура дала сбой, не выключалась, — коротко доложил Михайлов. — Вырубил в ручную.

— Я вижу. Пусть он ответит!

Целитель, отняв телефон от уха, склонился к технику. Тот что-то шепнул ему и указал в мою сторону. Раздражённо скривившись, целитель убрал телефон и подошёл ближе. Его

массивная, высокая фигура целиком загородила дверь.

— У тебя есть вопросы, Аронов?

Сдержав просящееся оскорбление, я заставил голос звучать ровно.

— Доволен своим экспериментом?

— Нет. Мы ожидали, что ты зайдёшь дальше. Даже шестидесяти пяти не набрал.

— И поэтому решили угробить меня в этой адской машине? Подержать подольше?

— Как видишь, это незапланированное, но весьма удачное событие, — беззлобно ответил он.

— Удачное?

— Разумеется, мы получили новые данные для анализа. Остроэмоциональные видения уже встречались в экспериментах, но сразу за ними следовал обморок, а ты ещё немного продержался.

— Но вы могли убить меня!

— Не преувеличивай, ты в полном порядке. На этом всё.

Круто развернувшись, он зашагал к выходу, оставив меня вариться в бессильном раздражении. Незапланированное событие, значит. Так я и поверил. Найдя в толпе Семёна, я пригляделся: парень стоял скованно, ни один мускул на лице не дёргался. Он рассеянно смотрел на порванную трубу и размышлял. О чём же ты думаешь, ублюдок?

Выбравшись из стеклянной клетки, я всё ещё дрожал всем телом. Жуткий холод никак не хотел выветриваться, я будто льда наглотался. Заботливая Ириша накинула плед мне на плечи и начала обтирать, а я всё искал Леру в толпе. Девушка молча стояла в сторонке, застыв как каменное изваяние.

Один из техников подошёл ко мне, низко поклонился, и залепетал.

— Господин Аронов, приношу глубочайшие извинения, это непредсказуемый системный сбой, мы обязательно разберёмся, найдём причину, и...

— Вы могли меня прикончить! — рявкнул я, указывая на стеклянную клетку. — Я бы подох там, и всё из-за какой-то ошибки?

— У нас нет идей, как это могло произойти, мы тысячу раз проверяли, ни разу не было сбоев...

Он продолжал лепетать оправдания, но я слушал в пол уха. Одного взгляда на Михайлова хватило, чтобы понять. Это не случайность.

Но кто из присутствующих мог повредить аппаратуру? Очевидный ответ — Семён, но это не единственный вариант. Экспериментаторы из Магистерия, во главе с магистром Грибоедовым, или даже чудака с измазанной рукой, этот «бес ветра». Это ведь он доставил свежую порцию эфира...

— Федя, позволь на минуту.

Подошёл Капустин. Его трясло, но взгляд был твёрд. Он смотрел на меня с благоговением.

— Секунду, — отозвав Михайлова в сторону, я коротко прошептал: — собери имена техников, всех гостей и ублюдков из...

Он оборвал меня взмахом руки.

— Тихо, не здесь. Я уже занимаюсь.

— Если кто попытается сбежать, дёргай меня даже посреди ночи. — Вернувшись к Капустину, я раздражённо спросил: — Что такое?

— На твоём месте должен был быть я. Если бы ты задержался ещё на несколько минут,

меня бы запустили первым, — сухо проговорил он. — Ты вынес шестьдесят два процента, а я бы и половины не выдержал. Этот сбой... Он бы меня убил.

— Значит ты чертовски везучий, приятель. Расслабься, и оставь меня...

— Нет! Я тебе должен, Федя, — голос тощего очкарика не допускал возражений. — Ты принял удар, который мог обрушиться на мою голову. Ты волен просить меня о чём угодно.

Взвинченный, я едва не послал его к чёртовой бабушке, но вовремя себя одёрнул. Капустины — богатый род. Связанный долгом наследник может принести много выгоды. Дьявольщина, я всё никак не привыкну, что эти ребята совсем не обычные подростки.

— Мне сейчас не до того, дружище, — я ободряюще хлопнул его по плечу. — Позже обсудим, окей?

— Разумеется.

Потупив взгляд, Вася отступил в сторонку, и я оказался прямо перед Семёном. На секунду мне показалось, что Куропатов-младший глядит на меня с сочувствием, но его лицо быстро исказила характерная презрительная гримаса.

— Зря распинаешься, Вась. Его вело не благородство. Да, Аронов?

— Тебе об этом известно больше, Семён? — язвительно спросил я.

— Догадки, — отмахнулся он. — Такие люди как ты... Признайся, ты же сам сломал механизм, чтобы набрать побольше очков в гонке?

— Нет никакой гонки, Семён.

— Ну конечно нету!

— Тем не менее, — вмешался Капустин, — даже до сбоя он набрал больше тебя.

Семён побагровел, сжал кулак, но с места не сдвинулся. Просто молча сверлил меня ненавистным взглядом. Зато Люда, скрестив руки на груди и изящно виляя бёдрами, подошла ко мне, окинув многозначительным взглядом.

— Капустин прав, ты показал серьёзный результат для отстающего... — она пробежала пальцами по моей груди. — Тем ярче станет победа Лёвы на Казерай.

— Удивительно, сколько яда можно вложить в простой комплимент, — огрызнулся я, отпихивая её руку.

Надменно вздёрнув подбородок, она отступила назад.

— Это нисколько не повышает твои шансы. В боевом искусстве тебе с ним не сравнится!

— Девочка, ты правда думаешь, что мне сейчас не насрать на твоего львёнка?

— Какая я тебе...

Но я уже не слушал. Не мог поверить, что это единственное, что занимает мысли девчонки. Хотя, для доморощенной боярыни, подобный пофигизм простителен, вряд ли ей доводилось попадать в серьёзные передраги.

Выбросив Люду из головы, я вернулся мыслями к испытанию, и в который раз отметил любопытный факт. Осознание, что я гость в этом теле, приводит к неожиданным результатам. В один раз я смог сопротивляться Чтецу, в другой увидел нечто, что едва меня не погубило. Дьявольские нити, они и здесь были! Целитель о них спрашивал?

— Ты будешь выдвигать обвинение? — сбил меня с мысли Капустин. — Ассамблея рассмотрит прошение, свидетелей достаточно.

— Потом, всё потом...

Под пристальным вниманием невозможно сосредоточиться, пора убираться отсюда. Распихивая толпу, я поймал Лерин взгляд и махнул ей рукой. Девушка послушно

последовала за мной к выходу. Никто нас не останавливал. Техники по винтикам разбирали сгоревшие механизмы, гости шумно обсуждали происшествие, и только один человек, чьё мнение я хотел услышать, хранила молчание.

— Ну и чего ты притихла? — спросил я Леру, когда мы окунулись в темноту коридора.

— А что я должна сказать? Я радуюсь, что всё в порядке.

На её лице ни один мускул не дрогнул. Уставилась в одну точку и совершенно безразлично произносила ничего не значащие слова. Родившаяся глубоко внутри паранойя шептала: она ведь могла, точно могла. Маленькая лгунья с таинственным прошлым...

— И тебе не интересно КАК это произошло? Ты же у меня любительница следить, так давай. Поделись наблюдениями.

— Я ничего не видела. Совсем ничего удивительного.

Скопившееся раздражение требовало выхода, и я сорвался.

— Обычный день в Академии, да? Или ты опять хочешь сослаться на проклятый Фатум? Признайся, — я схватил Леру за руку и прижал к стене. — Ты считаешь, что мне было предопределено сгинуть в эфире? Поэтому недовольна? Потому, что воле Фатума помешали?

Она всё сгибалась и сгибалась под градом вопросов, и вместо язвительного замечания лишь тихо произнесла.

— Но ты не сгинул.

— Верно, мне повезло. Только я не верю в случайности.

Дар пробудился машинально, я жаждал увидеть её прошлое, найти зацепку, причину для обвинений, но в тот же момент, когда кадр из Лериной памяти начал всплывать в подсознании, что-то кольнуло меня в руку, и дар просто... Отключился.

Я не чувствовал уже привычного тепла в ладони, его сменила противная слабость, тёплым одеялом обволакивающая всё тело. Ноги подкосились, и Лера ловко подхватила меня, перекинув руку через плечо.

— Ты устал, тебе нужно отдохнуть. Я помогу.

Я пытался произнести хотя бы одно слово, но смог лишь выдавить из себя пару нечленораздельных звуков. Эта тварь отравила меня... Почуяла мой дар и вколола что-то! Гадина, предательница...

Я машинально переставлял ноги, но уже не видел, куда мы идём. Картинка поплыла, как будто глаза застлала слёзы. Я мог лишь дышать и медленно переставлять ноги. Одна, вторая... Одна, вторая...

— Ты не оставил мне выбора, — шепнула она, — не нужно было...

И у этой тоже проблемы с выбором, да что ж такое...

— Что с ним? — осведомился охранник, преградив путь.

— Аппаратура вышла из строя, там суматоха, — взволнованно произнесла Лера, протаскивая меня через сканирующую рамку. — Господина продержали без сознания почти до семидесяти процентов...

— Ого... Помощь не нужна?

— Справлюсь.

Ещё бы она не справилась. В таком тесном контакте, практически обнимаясь, я отметил силу и выносливость, не совпадающую с внешним видом. Зря я оставил её в покое, глупая ошибка. Надо было докопаться ещё утром. Как же я размяк в туше Фёдора...

— Не беспокойся, я обо всём позабочусь. Уже скоро придём...

Я ощущал на коже солнечное тепло, лёгкое дуновение ветра. Шаркая по гравию, я еле тащил ноги, спотыкался и судорожно повторял в голове спасительную мантру.

Я не только Фёдор Аронов. Я гость в этом теле. Мой дух не связан с этим миром, и яд отравляет лишь чужое тело. Я не только Фёдор Аронов...

Интерлюдия

Аркадий Куропатов нервно мерял шагами кабинет, то и дело срываясь на хриплый кашель. Солнце за окном уже клонится к закату, а от паршивца всё ещё нет вестей. Он уже собирался связаться с продажным фатумцем, когда тишину огласил противный звон входящего вызова.

Рухнув в кресло, Аркадий хлопнул по кнопке ответа, и на экране высветилось лицо его сына, Семёна. Затравленный взгляд уже сам по себе был ответом.

— В чём дело, почему так долго?

— Есть проблемы, отец...

Семён сбивчиво пересказывал события из зала испытания Фатума, и с каждым его словом, Аркадий мрачнел всё сильнее. Ему хотелось выдавить паршивцу глаза, задушить собственными руками. И когда тот закончил рассказ, несколько секунд Аркадий пытался совладать с яростью.

— И ты... — он зашёлся в кашле. — Ты потратил единственную возможность поговорить со мной только ради того, чтобы сообщить о своей неудаче?

— Ты велел связаться с тобой, я следовал приказу, — холодно ответил сын.

— Сообщить о триумфе, чтобы я предпринял следующий шаг! Жалкий отброс! — крикнул Аркадий. От нервов, боль в груди становилась невыносимой, но он себя уже не контролировал.

— Отец...

— Я дал тебе все ресурсы! Идеальную возможность запереть этого молокососа в академии!! Как ты смог облажаться?!

— Я следовал приказу! — прорычал Семён сквозь сжатые зубы.

— Один раз — случайность, но ты дважды меня опозорил! Довольно! — резко выдвинув ящик, Аркадий вытащил охапку бумаг, половину уронив на пол. Размашистым почерком, он поставил подпись на давно заготовленном документе. — С этой минуты ты сам по себе.

— Ты серьёзно? — Семён подался вперёд, пытаясь разглядеть документ. — Это не справедливо, ты не можешь!

— Ещё как могу. Ты даже корки хлеба со стола Куропатовых не получишь! Ты позор нашего Рода, Семён. Ты жалкий отброс!

Сдавлив ручку, Аркадий сломал её пополам. Пролившиеся чернила только пуще распалили его досаду. Пока он возился с салфеткой, Семён опустил голову, бегал взглядом из стороны в сторону.

— Я докажу... Докажу! Слышишь, отец?!

— Ничего не выйдет, — отмахнулся Аркадий. — Ты слаб и мерзок, только всё портишь. Я отправлю тебя на границу, подальше с моих глаз. Надеюсь ты сгинешь в Вихре.

— Это были Твои приказы, отец. Если бы ты дал мне волю... Я бы справился с ним!

— Справился? — Аркадий презрительно усмехнулся. — Ты нос то подотри, стратег доморощенный. Всё, на что ты способен, это проигрыш. Честное слово, лучше бы Фёдор

Аронов был моим сыном.

Семён не выдержал, прервал связь. Облегчённо выдохнув, Аркадий смял залитые чернилами бумаги и небрежно отшвырнул в сторону. Выпустив пар, он решил не откладывать неприятный разговор. Боль в груди становилась невыносимой, кашель практически не унимался.

Набрав номер, он нетерпеливо пялился в чёрный экран, пока перед ним не предстала скрытая тенью фигура.

— Всё плохо, — вместо приветствия сообщил он. — Дважды провал. Аронов не превысил семидесяти процентов, и, судя по наблюдениям моего источника, остался невредим.

— Не перекладывай ответственность, Аркадий, — холодно процедил собеседник. — Это твоя вина.

— Не отрицаю. Я выбирал исполнителя. Родная... — он зашлёлся в кашле, — родная кровь, но кажется, будто этого бездаря мне подкинули.

Собеседник, задумчиво пялясь в экран, сочувственно произнёс:

— Такими темпами, ты не доживёшь до раздела территорий. Нужно ускориться.

— Мы бы уже их делили, если бы не твоя охота за секретами. Далась тебе эти Аро... — очередной приступ продлился несколько секунд, Аркадий шумно, с усилием втягивал воздух.

— Жуткое зрелище, я пошлю целителя.

— Спокойно! — взмахом руки, Аркадий велел ждать, пока не восстановил дыхание. — У меня свои методы лечения. Держи дистанцию.

— Я не забываю о цене твоей верности, старик, — хмыкнул собеседник, — но и ты не забывай об условиях. Если выяснится, что эксперименты проводят на других людях, а не только на тебе...

— Я не придурочный Аронов, — раздражённо отмахнулся Аркадий. — И своих людей в Академии у тебя не меньше моего. Проследишь, если захочешь, но...

— Спокойно, — собеседник успокаивающе поднял руки. — Я дал Слово.

— Вот и молодец. Не лезь, пока я делаю за тебя грязную работу.

— Ну так СДЕЛАЙ ЕЁ!

Куропатов-старший нахмурился. Раньше, он не повышал голоса. Не смел. Похоже, не его одного преследуют неудачи. Быть может, затянувшаяся авантюра пойдёт на пользу роду Куропатовых?

— Я могу форсировать события. Придётся рискнуть ценной фигурой, но...

— Делай всё, что необходимо.

Экран моргнул и погас. Аркадий задумчиво уставился в окно. Перемену настроения нельзя оставлять без внимания, он бы не оказался на своём месте, если бы не умел подстраиваться под обстоятельства. Пожертвовать другой фигурой, освободить доску... Это скажется на его репутации, но чем дольше его партнёр будет связан обещанием, тем выше шанс, что он достигнет успеха. Мечтательно прикрыв глаза, Аркадий самодовольно усмехнулся.

Миновав вход в главный корпус, Лера тащила меня к приземистому зданию, больше всего похожему на барак. Спасительная мантра работала не так эффективно, как я себе представлял, но ко мне вернулось зрение, это уже что-то. Мне как будто не хватало энергии, чтобы побороть проклятое оцепенение.

— Здесь ступенька...

Лерин голос звучал виновато, да и информация эта мне бесполезна, сил поднять ногу у меня не было. Похоже, девушке просто неловко в тишине, наедине с собственными мыслями. Понять бы ещё, что творится в этой хорошенькой голове...

Толкнув плечом дверь, Лера втащила меня в чистый холл, гулко стуча каблуками по узорному камню. Тёмный коридор пустовал, в воздухе витали кухонные ароматы жаренного масла и дешёвых сосисок, где-то вдалеке шумел телевизор.

В потёмках, я разглядел на табличке расписание дежурств, с разнообразными подписями. Где-то там, должно быть, есть росчерк моей похитительницы. Всего лишь прислуга... Как же легко она меня обезвредила, уму непостижимо! Сослался бы на испытание, но нет. Я ошибся намного раньше, когда доверился этой суке.

Лера тащила меня к лестнице, но не стала волочить наверх. Чиркнула ключ-картой, и ловко отворила металлическую дверь. Из подвала повеяло натопленным жаром. Аккуратно спустив по лестнице, прекрасно ориентируясь в полной темноте, Лера усадила меня на мягкий диван и метнулась к двери, лязгнув запирающим механизмом.

— Ты не должен злиться, — начала она, щёлкнув выключателем и в тусклом свете потолочной лампы, как в шпионских боевиках, подтащила деревянный стул.

Устроив меня на диване словно куклу, она села напротив, скрестив ноги под сиденьем и сложив руки на коленях. В тесной камерке всё равно мало места: из мебели был только старый диван и матрас в углу. Личные вещи лежали в доверху набитой бельевой корзине, вместо обоев — голые стены и метровый котёл, источавший тепло.

— Я бы никогда этого не сделала, но ты меня заставил, ясно? — Пристально вглядываясь в мои глаза, она искала ответ, но лишь раздражённо прикусила губу. — Так не пойдёт, мне нужно знать... Я сниму оцепенение, но ты не кричи, хорошо?

Наклонившись ко мне, Лера взяла мою руку и вдавила ноготь в основание ладони. Её прикосновение отозвалось болезненным покалыванием во всём теле, но куда важнее, что я ощутил прилив сил. Она одарённая!

Родовой символ предстал перед мысленным взором сам собой, и я очень осторожно потянул из неё силы, самый минимум...

— Прекрати! — она одёрнула руку. — Я сама.

Почувствовала, зараза. И всё-таки, состояние стало лучше. Я всё ещё не мог подняться, даже рукой шевельнуть, но с лица спало оцепенение, я покрутил губами, сглатывая накопившуюся слюну.

— И какого дьявола ты со мной сделала?

В тесном помещении мой голос угрожающе звенел. Очень сложно в таком положении отстраниться от своего тела, меня ещё никогда не травил ядом. Не с чем сравнить. Ну и... Возможно, причина в том, что меня обуревало любопытство, я понятия не имел, что ей нужно.

— Ты не должен был щупать меня даром, — решительно сказала Лера, снова занимая любимую позу. — Ты узнал то, что не положено.

— Допустим. И это делает меня твоим врагом?

— Так я права? — стиснув кулаки, она подалась вперёд. — Ты почувствовал?!

— Сначала ответь на вопрос.

— Если ты узнал кто я, то ты... — она замешкалась. — Ты сможешь мне навредить.

— Сама за меня надумала, и совершила глупость. Я же просто разозлился! Почему ты не оттолкнула меня, как поступила бы любая другая девчонка?

— Не ври, ты щупал меня. Щупал своей грязной магией!

— Потому что считал, что ты пыталась меня убить. Признайся, это ты сломала машину?

— Дурак, конечно нет! — вспыхнула Лера. Не выдержав напряжения, она поднялась со стула и начала мерять шагами каморку, мелькая перед глазами. — Я её починила! Ну в смысле сломала... Великий Фатум, хватит меня путать!

— Успокойся, объяснись.

— Я спасла тебя, понял?! Рискнула своей целью! — Сжав кулачки, она вытянула руки вдоль тела. — Но я не хотела, потому что ты гадкий, и много скрываешь от меня!

— Кто бы говорил...

— Просто ты не заслужил смерти! Не от рук Фатумцев. И не от моих тоже...

— Это я уже понял, иначе мы бы не играли в «угадай, о чём она думает».

Нахмурившись, она огляделась по сторонам, будто в поисках подсказки, зачем-то передвинула стул подальше и снова села, закинув ногу на ногу. Хранить неподвижность Лера больше не могла, постоянно качая стопой.

— Ты набрал много процентов в испытании ветрами, — сухо сказала Лера. — И ты можешь делать штуки, которые не должен. Ароновы не умеют швырять сгустки энергии, это все знают, — отрезала она взмахом ладони. — Так что следуя воле Фатума, я не имею права лишать жизни того, кто... теоретически может быть Мессией.

Мессия. Увиденные ранее картинки всплыли в памяти, эти странные нити, ощущение "потока" в испытании... Не думаю, что они вкладывают правильный смысл в это слово, но осознание уникальности вернуло мне способность противостоять магии. И я шевельнул пальцем скрытой под диванной подушкой рукой.

— При таком раскладе, ты послужишь своему Фатуму, если сдашь меня Магистерию.

— Нет... — отчаянно качая ногой, она уставилась в одну точку. — Здесь ведётся грязная игра, и она мне не нравится.

Я готовился. Резкий удар в горло обезвредит её. Опасно, но лучше шанса я не дождусь, пока она не отсела ещё дальше.

— Я не доверяю Магистерии, Фатум для них ничего не значит! — продолжала пылать Лера, — и мне... Я должна найти Даут Маррана, поговорить с ним и объяснить, что происходит с его детищем, ясно?

— Твоя личная миссия? — осторожно уточнил я, незаметно изменив позу, открыв руку для удара.

— Моя. Эти свиньи... Из-за них погибла вся моя семья, а наши владения, вопреки закону, забрал Магистерий, — прекратив трясти ногой, она выправила осанку, холодно взглянув на меня. — Я последняя из своего Рода. Мать скрыла мой дар, но, как видишь, — Лера провела пальцами по руке, — кое чему научить успела.

Я замер. А ведь это ключ! Спокойно, дам ей ещё один шанс.

— Это все причины, по которым ты не будешь меня убивать?

— Я ещё не решила! И нет... — опустив взгляд, она уставилась на свои ладони. — Ты странный, я тебя не понимаю. Я видела, что ты мне не доверяешь, вела себя гадко, а когда я уже смирилась с потерей возможности, ты вернул меня и даже пообещал взять с собой к Башне Фатума... Ты совсем не похож на аристократов, к которым я привыкла, ты даже не пытаешься меня совратить!

— А тебе бы этого хотелось? — ухмыльнулся я.

— Федя! Я же серьёзно! — изобразив несчастное страдание на лице, она горестно вздохнула. — Я не понимаю, что тебе от меня нужно.

— Ты ищешь причины, которых нет. Это чутьё, Лера. Личный дар Фёдора Аронова, находить полезных людей и держать при себе.

— Так ты меня использовал?

Она так по-детски изумилась, что я едва не рассмеялся.

— Конечно! Ты же сама сказала, что спасла меня на испытании. Я тобой доволен, только... Мне не нравится эта "фатумская логика". Поступим проще. Ты вольный одарённый, а я наследник могущественного Рода. Я приму тебя в семью.

— Ты что! Я не могу! Я должна увидеть Маррана, а это и так почти невозможно из-за того, что мне приходится скрывать. Если я стану Ароновой... — она стыдливо отвела взгляд, щёки девушки покрыл лёгкий румянец.

— Речь шла о роли сводной сестрёлки, расслабься.

— И всё равно не могу. Сейчас всё шло просто отлично! Давай ты просто будешь делать всё как раньше? Возьмёшь меня с собой к башне Фатума!

— Так не пойдёт.

— Я тебя отравила и могу убить! — вспыхнула Лера. — Почему ты споришь?!

— Почему бы и нет?

Изменив позу, я помахал ей рукой. От неожиданности, девушка побледнела и наклонилась для броска, но нападать не решилась. Уже хорошо.

— Ты присягнёшь мне на верность. Я же вижу, клятва для тебя не просто слова.

— У меня уже есть клятва!

— Будет ещё одна. Я, в свою очередь, дам тебе слово не мешать, а наоборот, помочь в выполнении цели.

— А что потом?

— Куда ты так разбежалась? Давай, для начала, доживём до этого момента. Ты же видишь, меня кто-то хочет прикончить, и мне нужен человек, который будет прикрывать спину. — Наблюдая за Лерой, я заметил, как она изменила позу. Уже не готовилась к нападению, но всё ещё сомневалась. — Лера, ты уже служишь мне. Мы всего лишь обсуждаем формальности.

— Ладно! Я присягну, но не буду делать всё, что ты захочешь! — сложив руки на груди, она гордо вздёрнула подбородок. — Я воительница, а не прислуга!

— Если я прикажу убить того, кто мне угрожает, ты с меня доклад будешь требовать? — я вздёрнул бровь.

— Нет... Да... Я не знаю...

Совсем расслабившись, она сникла, уставившись на свои ладони. Я протянул руку, и она взялась за меня, послушно села рядом, на диван. Повернувшись боком, я гладил пальцем ладонь девушки, как можно мягче объясняя:

— Нам нужно решить всё здесь и сейчас. Доверья мне, Лера. Я много повидал таких как ты, и самое тяжёлое зрелище — человек, отступивший от цели из-за сомнений. Если мы не договоримся, кто-то из нас умрёт, и ты навсегда потеряешь возможность втереться в доверие к Магистерии. Со мной, можешь быть уверена: я сдержу слово, и сделаю всё, чтобы ты встретила с Марраном и при этом не была его пленником. Я твой лучший шанс.

Всё ещё сомневается. Нервно кусая губы, Лера бегала взглядом из стороны в сторону, но я уже знал, что она ответит.

— Хорошо... — тихо произнесла девушка, отняв руку и пересев ко мне лицом. Выпрямилась, стиснула губы и торжественно произнесла: — Я, Валерия Белова, последняя из Рода Беловых, клянусь тебе в верности, и обещаю служить верой и правдой!

— Пока смерть не разлучит нас.

— Да!

Вот и поженились, мысленно усмехнулся я. Все эти клятвы по-прежнему оставались для меня анахронизмом, но память Фёдора многому меня научила. Для них это не просто слова.

— Полегчало? — я обнял её за плечи, и Лера не стала отстраняться, наоборот, растаяла в моих объятьях.

— Немножко. Теперь мне не придётся выбирать между тобой и целью.

— Вот и чудно. А теперь рассказывай. Ты уникал, верно? В чём особенность твоего дара?

— Мы выделяем разные яды. Паралитические, летальные, разъедающие... Без учителя, я учусь очень медленно, а практиковаться очень опасно...

Дьявольщина! Каждое её прикосновение могло стать последним! Даже сейчас, я всё равно что обнимал ядовитую змею, но... Теперь эта змея служит мне.

Ободряюще глядя по плечу, я заставил Леру пересказать события на испытании, но занятая своими мыслями, она совсем не следила за Семёном. Даже если это его рук дело, он наверняка всё сделал заранее, но выражение лица, мимика, могли сказать о многом.

Взамен, я частично ввёл Леру в курс дела, рассказал о Семёне, и угрозе, которая нависла над моим Родом. Она отнеслась к моим словам со всей серьёзностью, но это не напрягало её, наоборот. С каждой минутой, каменная броня рушилась, я становился для неё понятным и... Вероятно, она видела во мне собрата по несчастью.

Эта идиллия продолжалась бы ещё долго, я почти развёл её на историю о своём детстве, но в сон клонило нещадно, да и Михайлов прислал короткое сообщение: «Одного техника не досчитались, он пропал. Его ищут, но ты не ночуй в своей комнате, а лучше, вообще не спи».

— Александр Ефимович тебе докладывает? — удивилась Лера, заглядывая через плечо.

— Тебя разве не учили, что читать чужие сообщения невежливо?

— Так ты сам показываешь!

Похмурившись на девушку, я погасил экран планшета.

— Об этом не стоит распространяться, но Саша тоже присягнул мне на верность.

— Но как? Он же такой... — она помедлила, подбирая слово. — Такой гадкий...

— Потому что не доверяет тебе? — рассмеялся я.

— Он один из тех продажных фатумцев, которых я ненавижу, — честно призналась Лера. Тяжело вдохнув, она спросила: — Значит мне придётся с ним работать?

— На благо господина, всё верно. По любым вопросам можешь обращаться к нему. Ссылаясь на меня, разумеется.

— Может найдём другого?

— Так, хватит. Пора спать, завтра у меня спортивные занятия, и я не хочу быть сонной развалиной.

— Как? — вырвавшись из моих объятий, Лера отстранилась. — Ты собираешься спать со мной?

— У тебя, — поправил я. — Матрас выглядит соблазнительно.

— А, матрас...

Пряча смущение за суетой, она пыталась найти в ворохе вещей постельное бельё, но я не дождался, рухнул на матрас, устало вытянув ноги. Совершенно растерянная, она пыталась уговорить меня лечь на диван, мол, ей привычно на жёстком, предлагала вторую подушку и даже порывалась помочь разуться, но стотысячного «нет» оказалось достаточно, она успокоилась.

Лера погасила свет, скрипнула пружинами дивана, и уже через секунду раздался её взволнованный шёпот.

— А что ты видел на испытании?

— Завтра расскажу. Спи.

— Просто я тоже хочу попробовать, но здесь мне нельзя... Я и в Вихрь попробовала бы зайти, но родители не пускали, а теперь к границе вообще не пробиться. Союз баронов только своих пускает, а...

— Лера! Ты обязательно попробуешь, расслабься. А сейчас...

Она наконец-то заткнулась, и я в полной мере насладился долгожданной тишиной, только диван периодически скрипел, когда Лера ворочалась. Странное, но полезное приобретение, дьявольски рискованная сделка. И всё же, я хотел убрать её, но сдержался, и теперь получил в своё распоряжение личную воительницу, выделявшую яд из пальцев. Такими темпами и я поверю в Фатум.

Спал я плохо. То и дело просыпаясь от тяжёлой головной боли, я тяжело дышал, пока боль не отступит, и под сладкое Лерино сопение снова проваливался в сон.

Головная боль не отпустила меня и утром. Раздражённый, из-за того, что в Лерином подвале невозможно сварить кофе, я ворчал всю дорогу до главного корпуса, и только умывшись в пустых апартаментах, и получив от Леры вожденную кружку, почувствовал себя человеком.

За завтраком, головная боль притупилась, я решил не спешить с походом к целителю. Ни к чему лишний раз давать повод щупать себя магией. И только решил, что дела пошли на лад, как за наш стол уселась другая головная боль.

— Федя, приветик!

Широко улыбаясь, Лайза перекинула ногу через скамью. Она была в юбке до колен, но девушка даже не пыталась свести ноги вместе. Стянутый на поясе пиджак, расстёгнутые верхние пуговицы... Лайза пришла во всеоружии.

— Ты мне сегодня приснился, представляешь? — ненавязчиво задевая меня коленкой, она обиженно сжала губы, не дождавшись реакции. — Будто мы снова стали маленькими, и ты приехал в гости, чтобы подарить свежие цветы...

— Ты это к чему сейчас?

— Да просто, вспомнила... — поправив причёску, она тяжело вздохнула. — Жаль, что все такие занятые, никто никуда не приглашает...

— Действительно, — буркнул я, разделявая яичницу.

— Ой, ты такой дурак!

Лера провожала стремительный уход Лайзы довольным хихиканьем, но за спиной подруги детства я разглядел Семёна и Лёшу, крепыша с заплывшим глазом. Семён протянул ему руку, но Алёша грубо отпихнул его и ушёл в другой конец столовой, а Семён... Он увидел меня. Зрительный контакт длился всего секунду, но я заметил, как парень закипает от гнева.

— Следи за Семёном Куропатовым, — шепнул я Лере.

Толку от этого, правда, было немного. После завтрака, Лера проводила меня до дверей лектория, дальше ей нельзя. Я не знал, чего ждать, но был уверен, что Семён попытается устроить какую-нибудь пакость. Вопрос лишь в том, насколько эта пакость окажется смертельной.

Возле спортивного зала собрались ребята, я кивнул знакомым, подарил улыбку Самсоновой, и уже направился в сторону раздевалки, когда увидел Семёна, как статуя застывшего посреди спортивного зала.

— Аронов! Я объявляю Казерай! Мы будем драться прямо сейчас!

Всё внимание было приковано ко мне, все ждали моего ответа. Я прекрасно осознавал, что только сильнее спровоцирую его, если одержу верх, но спрогнозировать последствия отказа не удавалось.

Не он, так его отец — дьявольски хитрый засранец. У них было время подготовиться, и они не стали бы рисковать повторным вызовом, не подготовив какую-нибудь пакость на случай моего отказа. Да и зачем, собственно, тянуть? Я всё равно хотел набить ему морду, а на глазах у стольких свидетелей этот подонок не сможет ударить в спину.

— Я принимаю вызов.

Семён продолжал сверлить меня взглядом, а я с любопытством осматривал помещение. Это ведь то самое место! Зал, где я впервые сделал вдох в этом мире. Ну, почти тот же самый.

Яркие линии на деревянном полу создавали геометрический узор, возле широкой стены стопкой свалены чистые спортивные маты. Другую стену занимал стенд с дубинками разной длины, от совсем коротких, с локоть, до двухметровых посохов. Совсем под потолком примостились крошечные окна, через которые пробивался солнечный свет.

— Ты можешь отказаться, никто не осудит, — послышался голос Никитина.

Он уже переделся в спортивный костюм, с вышитой на груди птицей — знаком его Рода. Как и в прошлый раз, в его голосе проскальзывала неприязнь, но он держался в рамках сухого официоза.

— Нет, покончим с этим.

— Тогда переодевайся. Я буду судействовать на Казерай, и, Аронов... — он преградил мне путь. — Если ты выйдешь за рамки правил, я ни секунды не буду колебаться.

— Надеюсь, Куропатову ты сказал тоже самое.

Отпихнув Никитина плечом, я направился в раздевалку. Похоже, я снова опоздал, потому что в тесном помещении со множеством шкафчиков остался только Капустин. Встрепенувшись, он поднялся мне навстречу.

— Ты в порядке, Федь? Семён не имел права призывать тебя к ответу сейчас, он же видел, что было на испытании!

— Хватит уже, я здоров!

Капустин скованно кивнул, собрался уходить, но я передумал, окликнул его.

— Что?

— Извини, нервы не к чёрту. Я не против твоей компании. Напомнишь пока правила?

Найдя свою фамилию на ящике, я чиркнул ключ картой. Внутри, помимо одежды, я нашёл смотанный клубок ремешков с металлическими бляшками. На каждой красовалась витиеватая буква «Б».

— Вы будете биться по общим правилам, до вылета из круга, — начал Капустин, сев на деревянную скамью. — Либо, до критического заполнения эфирометра, разумеется.

— Эфирометр? — переспросил я, напяливая штаны.

— Вот, смотри. — Он подошёл, взял связку ремней и продемонстрировал мне шкалу на самом крупном металлическом фрагменте. — Если ты пропустишь слишком много ударов Куропатова, казер-броня потеряет защитные свойства. Эфира там хватит ударов на пять-шесть. Хотя, если он будет лупить со всей силы...

— Как она работает, вообще?

Натянув кофту, я протёр лицо ладонями, концентрируюсь на сбивчивом рассказе Капустина. Проклятая головная боль никуда не делась, но, хотя бы, не мешала думать.

Казер-броню изготавливал союз Баронов, насыщая её очищенным эфиром. Это позволяет сдерживать атаку одарённых, и даже мощный Дар не сможет сходу пробить эту штуку. Эта, учебная модель, всё ещё пропускала обычные удары, неподкреплённые магией, так что сразу возник вопрос. Могу ли я, со своей способностью к поглощению энергии, атаковать Семёна, или сначала я должен обесточить эту Казер-броню?

— Ты можешь попробовать, если он близко тебя подпустит, но... Я видел, как дерётся Семён. Он будет напирать со всей жестокостью. Я бы не подставлялся просто ради эксперимента.

— Твоя правда...

Казер-броня выглядела крайне ненадёжно. Ремень на грудь, повязка на голову, и что-то вроде наколенников-налокотников. По словам Капустина, эта штука будет генерировать магический барьер, но что, если она даст сбой? И что, если Семён так и задумывал...?

У него ведь было время здесь. Универсальная ключ-карта могла достаться и этому ублюдку. Испортить броню, отрубить мне голову и сослаться на несчастный случай. Просто и красиво.

— Ты же мне должен, верно?

— А? — Вася удивлённо обернулся. — Конечно, я дал слово!

— Дай мне свою Казер-броню.

— А с твоей что не так? — осмотрев ремешки, он удивлённо поднял на меня взгляд. — Подожди, ты же не думаешь...

— Именно об этом я и думаю.

— Семён бы не посмел. Грязная игра опозорит его Род!

— Давай отложим дискуссию, у меня есть причины ждать подвоха. Ты выдержишь слово?

Вместо ответа, Вася потянулся к своему ящичку. Я мог бы прогнать его, использовать универсальный ключ и взять любую, но в случае чего, лишний свидетель не помешает. Я настойчиво протягивал ремешки Капустину.

— Убери к себе, я потом заберу.

— Хочешь провести анализ? — спросил он, протягивая мне свой комплект.

— Вроде того, дружище.

Напялить Казер-броню оказалось несложно, создатели постарались на славу. Интуитивно понятные замочки, ремешки. Обтянутый ремнями, я чувствовал себя неудобно, но это лишь психологическое неудобство. Казер-броня несколько не стесняла движений.

— Помнишь, как активировать? — Вася указал на рычажок. — Попробуй. В режиме ожидания, расход эфира незначителен.

Щёлкнув тумблером, я успел заметить лишь яркую вспышку перед глазами, мир преобразился, приобретя оранжевый окрас. Поводив руками, я увидел слабое свечение вокруг тела. При резких движениях, в воздухе оставалось слабое мерцание, и только едва различимый гул напоминал, что источником свечения является броня, а не моя магия.

— Класс.

— Только не забывай, что удары по Казер-бронне причиняют боль. Не такую, как по незащищённому телу, без фатальных последствий, но это больно, — тихо закончил он. — Очень больно.

Выключив броню, я поднялся, покрутил шей, и головная боль тут же вернулась, пульсируя в затылке резкими вспышками. Зажмурившись, я мысленно сосчитал до десяти, медленным дыханием пытаюсь отогнать непрошенный симптом.

— Всё в порядке?

— Да. Иди, я догоню.

Оставшись один, я размялся, сделал пару пробных ударов. Слишком лёгкое тело, всё ещё непривычное. По крайней мере, мне больше не приходилось соперничать с мышечной памятью за контроль. Те нелепые движения, в первой драке с Семёном, явно были обусловлены желанием использовать дар. Теперь я понимал, и этот инструмент я тоже использую, если будет возможность. Только закрывать глаза и медитировать на Родовой символ во время драки — так себе затея.

Умыв лицо холодной водой, я почувствовал себя намного лучше. В конечном счёте, он всего лишь доморощенный подросток. Тренера могли научить его приёмам, но только опыт подскажет, как их использовать.

Позади хлопнула дверь. Я думал Капустин вернулся, но с изумлением обнаружил в мужской раздевалке Людмилу. Спортивный костюм выгодно подчёркивал её фигуру, а что до демонстрации — её походке можно только позавидовать, в каждом движении непринуждённая раскованность. Улыбаясь, как хищница на охоте, она оглядела меня снизу-вверх.

— Как ты быстро справился, а я хотела помочь...

Поддерживая зрительный контакт, она шла прямо ко мне, но я жестом велел ей остановиться.

— Вернись в зал.

— Неужели я хуже Капустина? — обиженно надув губу, она покрутилась, демонстрируя себя. — Давай я проверю, все ли ремешки затянул?

— Обойдусь.

Люда упрямо подходила всё ближе, и у меня начали слезиться глаза, будто она облила себя ядрёным парфюмом, но никакого запаха не было. Шагнул в сторону, и она повторила моё движение, ещё шире улыбаясь. Дьявольщина, ну не бить же её?

— Не зарывайся, Люда. Вернись в зал!

— Ну же, Аронов, — прижав меня к стене, она положила ладонь мне на живот. — Не стесняйся.

По спине пробежал холодок, рот забился слюной. Нервно сглотнув, я отстранил девушку, но она ловко перехватила мою руку, другой заползая в штаны. Её горячее дыхание заставляло жмуриться, губы были так близко... Меня обволакивала слабость и... страх.

Точно такой же неконтролируемый ужас, какой я испытывал перед Львом. Подсознание умоляло меня провалиться сквозь землю, раствориться, исчезнуть, сбежать, но... С Фёдором она могла справиться, но со мной, у бедняги нет шансов.

Схватив Люду, я выкрутил руку ей за спину и машинально призвал перед мысленным взором Родовой символ. Обжигающее тепло на ладони, и слабый холодок, текущий по жилам от пальцев к плечу.

— Отпусти! Не смей!

Надавив ещё сильнее, я продолжал тянуть силы из Люды, и с каждой секундой головная боль отступала, а с ней и тошнотворный ужас, подброшенный этой стервой. Окончательно подавив её влияние, я толкнул её в спину и указал на дверь.

— Пошла вон.

— Ты ответишь за это... — тяжело дыша, Люда попятилась к двери. От очарования не осталось и следа, её лицо искажала ненависть. — Ты посмел касаться меня даром, ты... Грязный...

— Никто не узнает, — самодовольно усмехнулся я. — Ты же не станешь рассказывать, как помогаешь однокурсникам настроиться на Казерай, верно?

Сморщив носик, она резко отвернулась и стремительно покинула раздевалку. Телесник, значит. Глядя на ладонь, я пытался разглядеть растворяющуюся под кожей украденную магию, но кроме ненавязчивого жжения следов не осталось.

Дуэль ещё не началась, а сражение уже ведётся. Очень любопытно, по чьей указке она пришла меня одурманить. И затея с заменой Казер-брони уже не казалась глупой паранойей. Что ещё припрятал в рукаве подлый Куропатов? А может, в деле замешан не только он?

Я уже и забыл о позорном инциденте в столовой, когда из-за "подброшенного" ужаса едва не сбежал от Льва, с его быдлярским наездом. Вот, значит, кто этому поспособствовал! И если Люда не действовала по своей инициативе, это значит одно. Они меня боятся.

Когда я вышел в зал, шумно переговаривающиеся студенты замолчали. Они столпились вокруг квадратной площадки, по краям которой сияли оранжевые полосы. В центре стояли Никитин с Куропатовым. Семён уставился в одну точку, настраивал себя на поединок. Казер-броня уже заняла своё место, но в состоянии покоя, оставалась незримой.

— Аронов, выбирай оружие!

Окрик Никитина застал меня врасплох, я совсем забыл о такой возможности. Взгляды собравшихся сконцентрировались на стенде с дубинками разного размера. Подойдя, я прикинул, что будет лучше. Фехтованию меня не обучали, но в своё время я изрядно поработал ломиком.

— Бери подлиннее, — тут же взялся советовать однокурсник. — С ним лучше сохранять дистанцию!

— Тогда он не сможет применить Дар. Только я бы взял две дубинки.

— А Дар тогда как использовать?

Игнорируя советчиков, я взвесил дубинку в руке. Не слишком тяжёлая, но не цельный кусок металла, и то хорошо. На рукояти имелись удобные насечки, чтобы дубинка не скользила в руке, а на нижнем конце располагалась кнопка. Всё верно, сдержать удар родовой секиры обычная железяка не сможет.

Протолкавшись через толпу, я вышел в центр площадки и активировал сначала дубинку, а затем Казер-броню. Сделал пару пробных замахов и кивнул Никитину.

— Готов.

— Расступитесь, — велел он зрителям. — Ещё дальше!

Ребята попятились. Здесь собрались не только наши одноклассники, многие лица мне незнакомы, но возвышавшийся над парой низкорослых девиц Лев, вместе с Людой, Лайзой и Настей Самсоновой стояли бок о бок. Группа поддержки, вопрос только на чьей они стороне.

— Повторять правила не вижу смысла, деритесь честно, — строго велел Никитин. — Моё свидетельство будет беспристрастным.

— Проваливай уже! — прорычал Семён.

— Если увижу необходимость, я вмешаюсь. Начали!

Резкой перебежкой покинув площадку, Никитин опустил на корточки у самой кромки

и коснулся ладонью оранжевой полосы. Линия вспыхнула вверх, изобразив что-то вроде дымчатой ограды.

Семён взмахнул рукой, запалив родовой Дар, и секира материализовалась в его руке. В очередной раз отметив массивность оружия, я, было, пожалел, что не прислушался к советам, но с непривычным оружием я лишь сильнее бы себя сковал. В топку.

Мы кружили по импровизированной арене, не спуская друг с друга глаз. Секира Семёна ярко мерцала, словно детская игрушка, пародирующая знаменитые джедайские мечи, однако я нисколько не сомневался в поражающей способности этого оружия. Скорее наоборот, переживал за свою Казер-броню. Вокруг его секиры и моей дубинки дрожал воздух, тишину нарушал лишь гул защитного барьера и шаркающие шаги Семёна.

Он сделал выпад, попытался разрубить меня с размаху, но я не рискнул заблокировать, кувыркнулся в сторону, крепко стискивая холодный прут в руке. Я всё ещё не привык к весу оружия, и лишь шершавая рукоять не позволяла дубинке выскользнуть из пальцев.

— Дерись, трус!

Размашистым ударом, Семён атаковал сбоку, и в этот раз я выставил блок, приняв лезвие секиры на дубинку. Та ярко сверкнула рыжим, будто взорвавшись искрами. Кисть заныла от напряжения. Я ударил ногой, отпихнув Семёна, и уже сам перешёл в атаку, нанося серию быстрых ударов. Большую часть он заблокировал, но последнюю отбил мощным ударом, едва не вырвав дубинку из моих рук.

Отступив на два шага, я бросил взгляд на оружие — в некоторых местах проявились сколы, из которых слабым дымом сочился оранжевый эфир. Дьявольщина, долго эта палка не выдержит.

Снова бросившись в атаку, я не щадил дубинку, провоцировал Семёна на ответный удар, и когда тот снова ударил с замаха, пригнулся под лезвием и вцепился в массивную рукоять, возле его руки, концентрируясь на своём Даре. Ладонь обожгло, будто я за горячую сковороду схватился, но чем сильнее я стискивал пальцы, тем проще было терпеть боль.

— Ублюдок, отпусти!

Семён пнул меня по колену, ещё раз, и с третьей попытки он вырвал топор, только... Тот начал прерывисто мерцать, словно фонарик с севшими батарейками. Семён тоже это заметил, напряг мускулы, будто это могло восстановить потерянный Дар, но поздно.

Морщась от боли, я обрушивал на него дубинку, и теперь уже от его оружия отваливались куски, будто секира была из пенопласта. Он пропустил очередной удар, я огрел его по уху и мощно, в стиле трёхсот спартанцев, пнул в грудь, выбрасывая прочь с арены. Вот только он удержался.

Быстро сориентировавшись, Семён вогнал лезвие секиры в пол, и рухнул мешком у самой кромки арены. Не хватило каких-то сантиметров... Дьявольщина!

— Давай, Федя, дави его! — закричала Лайза.

Будто опомнившись, остальные заголосили, выкрикивая имена своего фаворита. Голоса поделились примерно поровну. Тяжело дыша, я выжидал, не рисковал нападать у края арены. Одно неудачное движение станет фатальным.

Поднявшись, Семён заставил остатки секиры развоплотиться и появиться вновь, снова целой. Чиркнул лезвием по полу и рванул в мою сторону. Отведя руку в сторону, он махнул в мою сторону, и... долбанная секира полетела мне прямо в голову.

Резко пригнувшись, я избежал удара, но не успел сориентироваться — подонок схватил меня за ремни Казер-брони и дёрнул изо всех сил. Вот только ремни выдержали. Как же он

обалдел в этот момент! Наверняка, Семён что-то сделал с застёжками, и теперь, секундное замешательство стоило ему боя.

Я врезал ему по челюсти, подсёк ногу и обрушил дубинку на затылок. Казер-броня остановила удар, яркой вспышкой осветив защитный барьер, но парень уже поплыл. Я ударил ещё дважды, и только собрался оставить дубинку, чтобы силком выбросить Семёна с арены, как спина взорвалась болью.

С резким криком я повалился на него, барьер перед глазами стал почти материальным, мешая обзору. Откатившись в сторону, я встал на колени и увидел, как Семён вытянул руку, и рукоять секиры легла ему в ладонь, будто примагнитившись.

— Он швырять умеет, вот это да!

— А ведь всего вторая ступень...

Спину будто ножом резанули, я коснулся пальцами — крови нет, только жуткое жжение. Ко всему прочему, надсадная головная боль вернулась. Да что со мной, чёрт подери?!

Семён с короткого замаха швырнул в меня секиру, я едва успел кувыркнуться в сторону и, спотыкаясь, сорвался на бег. Пора заканчивать, иначе я прямо здесь хлопнусь в обморок. Рывок в сторону, я избежал возвратного полёта секиры и вцепился в неё, со всей дури врезав Семёну под колено.

Родовой дар мгновенно отозвался, я изо всех сил стискивал слабо мерцающую рукоять, пока та не обломилась посередине. Только останавливаться на этом я не собирался.

Меня переполняла ярость, этот подонок испортил мою броню, подослал Люду с колдовскими чарами, и всё ради грязной победы. Он мог убить меня, мог сломить, и только чужеродная природа спасла от неминуемой гибели.

Пыхтя от усталости, я лупил Семёна по Казер-бронне, пока уже моя дубинка не сломалась надвое. Вцепившись ему в горло, я хотел задушить ублюдка, и страх в его глазах лишь распалял жажду смерти, но громкий крик Никитина вернул меня в чувство.

— Хватит, ты победил!

Замахнувшись, я до боли напрягал руку, сдерживаясь от удара, и Никитин спешно оттащил меня в сторону. Жмурясь от головной боли, я смотрел на поверженного противника и медленными вдохами возвращал себе хладнокровие.

— Поздравляю, Аронов, — Никитин хлопнул меня по плечу. — Достойная победа.

Все, даже те, кто болели за Семёна, шумно поздравляли меня, и только Лев пришибленно молчал, глядя на поверженного противника. Бойся, ублюдок, ты следующий.

К несчастью, я не чувствовал радости победы, её омрачала жуткая головная боль. Вырубив зудящую Казер-броню, кое как кивая в ответ на поздравления, я проталкивался к раздевалке. Забрать планшет, написать Михайлову. Он поможет найти решение, долго я не выдержу. Возможно сон, или...

— Берегись!

Резкий окрик заставил меня обернуться, и я увидел слабо мерцающую секиру Семёна, на полной скорости летящую мне в голову.

Я пропустил момент, когда Семён поднялся, моя ошибка. Я должен был ждать подвоха, несмотря ни на что. В любом состоянии быть собранным. Мысленный выговор промелькнул в моей голове за долю секунды, и времени думать о спасении не осталось. Я не успею увернуться.

Снова смерть? Тело Фёдора погибнет, но что будет со мной? Я снова усну, теперь на вечно? Или...

Неведомая сила выдернула меня из плена плоти, так же, как в драке с Алёшей. Я видел, как близко лезвие к его... к моему телу, но в изменённом состоянии, скорость полёта казалась совсем незначительной.

Я снова увидел нити, связывающие каждого присутствующего с чем-то далёким отсюда. Застывшую в воздухе секиру тоже связывала нить, и в эту секунду, ко мне пришло понимание.

Сокрушительное родовое оружие Семёна питается эфиром точно также, как сгустки на испытании ветров. Его секира может ранить, наверняка может убить, но это всего лишь сгусток эфира, которому одарённый придал форму.

Я должен повторить фокус, с испытания ветров. Не сопротивляться, а следовать за потоком.

Я послал мысленную команду руке, но через мгновение снова смотрел на мир глазами Фёдора. Я успел коснуться пальцем смертельного лезвия, одновременно вытягивая другую руку в сторону, как сёрфер.

Холод сковал позвоночник, ладони обжигало ледяное касание, а ноготь вытянутого пальца будто вырывали с корнем, но... Дальше моего пальца лезвие не продвинулось. Секира таяла как ледяная фигура, брошенная в солнце, чужой дар проникал в мою кисть, скользил по руке через сердце и высвобождался из пальцев другой руки, ярко-рыжим фонтаном оплавливая дверь раздевалки.

Всё закончилось за доли секунды, оглушительная тишина сменилась шумными выкриками. Лишившись сил, я рухнул на колени.

— ...недостойно...держи его...Ассамблея будут судить...

Приглушённые возгласы Никитина и остальных звучали будто за закрытой дверью, и мост с реальностью выстроила сокрушительная головная боль. Тяжестью в плечах, шее, холодным потом мир снова обретал краски.

— Отвали Никитин, у тебя нет права меня судить!

— Зато у него есть!

Дьявольщина, она ждут моего слова. Хотят услышать вердикт человека, второй раз пережившего покушение Куропатова-младшего. Вот только сейчас, я хотел лишь оказаться подальше отсюда, рядом с кем-нибудь, кто избавит меня от этой боли.

Из последних сил я поднялся, выпрямил ноющие плечи и обернулся. Лев запалил родовой дар, щитом преграждая меня от повторного нападения, а за его массивной фигурой, на полу распластался Семён. Возле его шеи сверкала рапира Никитина.

— Убирайся в бездну, Никитин, погаси дар! — Семён злился, но не двигался с места. Казер-броня погасла, он был беззащитен перед остриём чужого дара.

Медленными вдохами восстанавливая ритм дыхания, я направился в его сторону,

покончить с этим. Хлопнул Льва по плечу и одобрительно кивнул.

— Всё в порядке, здоровяк, он больше не нападёт. Да, Семён?

Остановившись над ним, я отслеживал мимику, искал в его взгляде решимость, но она испарилась, осталась только горечь поражения. На долю секунды, мне даже стало его жалко.

— Если ты решишь обвинить его перед Ассамблеей, мы будем свидетелями, — решительно заявил Никитин. — Вершить суд следует по закону.

— Ты правда надеялся меня достать? — язвительно спросил я Семёна, игнорируя Никитина.

— Тебе просто повезло.

— Ну да, ну да... — сев на корточки, я дёрнул большим пальцем за ремень Казер-брони. — И это тоже была просто перестраховка?

— Я не понимаю о чём ты.

— Прекрасно понимаешь. Ещё до боя ты знал, что я лучше тебя, вот только ты не предусмотрел, что я лучше тебя ВО ВСЕМ!

После моего выкрика взволнованный шёпот собравшихся стих. Даже Люда, которая, как я считал, работала вместе с ним, глядела на Семёна с презрением.

— Говори что хочешь, мне плевать. Я ни о чём не жалею!

— Жалеешь, и ещё как. Только что, ты навсегда потерял возможность убить меня, сохранив в безопасности свою шкуру. Слово каждого присутствующего здесь станет гвоздём, забитым в крышку твоего гроба.

Семён стиснул кулаки, сильно нахмурился, пытаюсь сохранить зрительный контакт, но всё же сломался, отвёл взгляд. Он сломлен, опозорен, но мне этого уже мало.

— Знаешь, Семён. Спросил бы кто меня пару месяцев назад, я бы сказал, что Куропатов-младший — достойный аристократ, но ты уничтожил свою репутацию. Ты крыса, которая грязно играет и кусает в спину, но даже в этом ты плох. Ты беззубая крыса.

Он молча сопел, глядя в сторону. Желваки играли на скулах, пальцы то и дело складывались в кулак, но тут же обессиленно расцеплялись. И всё же, ещё недостаточно. Он должен понять, что своим позором обязан отцу, а не мне. Кукловоду, вынудившему рисковать.

— Так ты подашь заявление в Ассамблею? — поинтересовался Никитин.

— Нет. Не стану опускаться до возни с беззубой крысой. Ты посмотри, — я пнул Семёна по голени. — Его репутация разбита в щепки. Больше не существует младшего графа Куропатова. В нём не осталось ни силы, ни достоинства. Пустое место. И всё ради чего, Семён?

Так и не дождавшись ответа, я хлопнул Никитина по плечу, кивнул остальным, и медленно пошёл в сторону раздевалки. Меня провожали гробовым молчанием.

Вторая попытка добраться до планшета оказалась успешной. Я стянул с себя Казер-броню, сгрёб личные вещи в охапку и едва вышел за дверь, рухнул на колени от новой вспышки головной боли, выронив все вещи.

— Тебе больно, Федя?

Голос Лайзы только распалаял начавшийся звон в ушах, но девушка не ждала ответа. Сев на корточки, она собрала вещи и навязчиво пихала их мне.

— Хочешь, я провожу тебя?

— Не нужно.

Вырвав свои шмотки, я сильно жмурился, отгоняя болевые вспышки. Не хотел быть с

ней грубой, но Лайза так неудобно встала передо мной, преградив путь... Пускай она не специально, но сейчас мне было плевать. Мягко отпихнув девушку, я процедил:

— Оставь меня в покое.

И только оказавшись в коридоре-луче лектория, мне стало немного легче. Колокол всё ещё звенел у меня в голове, но это можно терпеть. Осталось найти лекарство.

Ещё в раздевалке, я думал спросить кого-то из ребят, но я никому из них не доверял. Разве что Капустину, но тот сам едва пробудил свой дар. Что он может знать о таких симптомах? В том, что источник боли связан с даром я не сомневался ни секунды.

Мне становилось легче, когда я действовал, пускал его в ход, но возвращаясь, боль становилась сильнее. Это не решение. Всё равно что нагревать щёку с больным зубом. Адекватных решений было всего два, и оба мне не нравились. Верховному целителю я не доверял, а Ириша наверняка потащит к нему. Анне Игоревне я тоже не доверял, но... Её мотивация, по крайней мере, была мне понятна.

Планшет завибрировал новым сообщением, я глянул — Михайлов написал «есть проблема». Пришлось пялиться на экран, пока не высветилось разъяснение.

«Похоже, наш техник сбежал. На границе территории вырубил патруль, часть ограды расплавлена. Он явно работал не один. Есть версия, приходи если можешь, обсудим».

«Не могу. Мне нужна Анна Игоревна. Она у себя?»

«Сейчас гляну» ... «Занятий нет, наверное, в личных покоях. Сейчас найду номер комнаты. Ты уверен, что сейчас подходящий момент?»

«Это критическая необходимость. Приходи туда»

«Принято. Только будь осторожен. Не нравится мне всё это»

Не нравится ему... Дождавшись номера апартаментов, я убрал планшет в задний карман и стремительным шагом направился прочь из лектория. Лера, моя ручная ядовитая змея, сидела на корточках возле стены, сложив руки на коленях. Как же я рад её увидеть!

— Ты всё это время меня ждала?

— А? — встрепенувшись, девушка поднялась. — Александр Ефимович освободил меня от занятий, я попросила его.

— Какие вы у меня молодцы... — оступившись, я схватился за голову, пытаюсь свободной рукой сдавить себе лоб, выдрать источник боли.

— Всё в порядке?

— Нихрена не в порядке.

Упорно двигаясь в сторону лифта, я коротко пересказал Лере, что со мной произошло, особое внимание уделив головной боли. Дослушав, девушка сочувственно сжала моё плечо.

— Ты прав, боль связана с Даром. Я тоже это проходила...

— И как справилась? Есть какие-нибудь... пилюли?

— В тот раз я едва не умерла, — утешила меня Лера, — но мне повезло. Каким-то образом я смогла пробудиться.

— Пробудиться? Я ведь уже владею магией, какого дьявола!?

— Да нет же... Тебе нужно перейти на следующую ступень! Это... — она замялась, пытаюсь подобрать объяснение. — Внутри тебя скопилось много силы, но тебе не хватает осознания, чтобы с ней совладать. Наверняка это после боя, у меня началось примерно также, когда я...

— Лера! Давай обойдёмся без экскурса в историю, ладно? Ты лучше скажи, преподаватель дароведения сможет помочь?

— Да, но... — войдя в лифт, девушка нервно прикусывала губы, растерянно глядя на кнопки. — Она ведь тоже одарённая. Ты готов ей открыться?

— Есть другие идеи?

— Нет, но... Про неё всякое рассказывают, она мне не нравится.

— Значит едем.

Вдавлив нужную кнопку, я устало прислонился к стене. От пульсации в голове заболели глаза, я с трудом фокусировал взгляд на Лериной фигуре. Только сейчас я заметил, что она успела переодеться, заменив строгие юбку и пиджак на обтягивающие стройные ножки леггинсы и кофту, в такой же чёрной расцветке. Значит всё же куда-то отлучалась.

— Среди преподавателей академии, очень немного тех, кто следует истинному замыслу Фатума. Как и Грибоедов, она ведёт свою игру. Грязную.

— Пусть так. Убьём её, если потребуется, но сначала она должна меня вылечить. Ещё немного, и голова просто взорвётся...

Меня прервал резкий толчок, лифт замер. Свет погас, его сменило слабое мерцание резервных лампочек. Где-то за стенами запищал механизм, что-то защёлкало. Лера мгновенно подобралась, пощёлкала лифтовыми кнопками, попробовала подцепить двери, но только беспомощно выругалась.

— Какие же тяжёлые...

— Погоди, ты чего задумала?

Не слушая меня, Лера добела напрягла пальцы и приоткрыла двери ровно настолько, чтобы увидеть тёмную стену.

— Заперты.

Обессиленно рухнув на пол, я обхватил голову руками. Михайлов предупреждал, наверняка у этого сбоя есть причина. Вот только кто бы за этим не стоял, я могу не дожить до ответов. Холодная Лерина ладошка на лбу подействовала отрезвляюще.

— Сильно болит?

— Лучше не спрашивай.

Нервно прикусывая губы, она задумчиво смотрела в одну точку, как будто бы сквозь меня, и через несколько секунд решилась.

— Ты говорил, что чужой дар облегчает страдания. Ты можешь... коснуться меня даром.

— Продлить агонию? Смотри, я потом извиняться не буду.

— Не нужно.

Взяв мою руку, Лера положила её себе на бедро. Я не спрашивал зачем именно так, не то состояние. Позволив родовому символу всплыть в воображении, я потянул из неё силы, но... Я не хотел копаться в Лерином прошлом, только не сейчас. Не после того, как она мне доверилась.

И всё-таки, я увидел. Всего один кадр из недр её памяти, но такой чувственный, объёмный!

Я оказался совсем крошечным и смотрел в спины двум взрослым, экипированным в чудную броню, прятавшую тело. Они шли по направлению к Вихрю, прямо в сердце ужасающей стихии. Оглушающий гул и сладкий запах вишни проникал прямо в ноздри...

— Федя!

Лера встряхнула меня за плечи, я встрепенулся, отгоняя видение. Лера внимательно смотрела на меня, пытаюсь понять, помогло ли. Она даже не подозревает, что я увидел.

Дьявольщина, как же стыдно...

И всё же, крохи её дара спасли меня, головная боль отступила. Я держался в напряжении, но по инерции, ещё не привыкнув к безболезненному состоянию.

— Спасибо, Лера.

Хотелось задать ей много вопросов, узнать, что это за люди, но не мог же я признаться, что умею читать прошлое? Она и так подозревает во мне Мессию, а после таких фокусов, сомнений у девушки не останется.

Сев рядом, она сложила руки на коленях, уставилась в одну точку.

— Не могу понять, почему я тебе доверяю... — буркнула она.

— Потому что я не дал поводов к обратному.

— Что-то в тебе заставляет меня верить. Я уже четыре года живу во лжи, и стоило тебя повстречать... — обернувшись, она посмотрела на меня с мольбой. — Всего пара дней, и ты стал для меня... Чем-то особенным.

— Ты тоже, милая, — улыбнувшись, я обнял её за плечи. — Моя чудесная воительница.

Стыд никуда не делся, но его придётся задавить. Нет у меня времени разбираться с Лерой по совести. Головная боль скоро вернётся, и это только начало. Если Семён и выбыл из игры, его папаша вряд ли отступит. Мне нужна Лера, и нужна именно такой. Верной и послушной.

Лифт тронулся через пятнадцать минут, мы подскочили одновременно. Не дожидаясь, пока лифтовые двери раскроются до конца, выскользнули в коридор и бегом помчались к нужной комнате. Меня подгонял страх, что Анна Игоревна могла уйти, но удача оказалась на моей стороне.

Чиркнув универсальной ключ-картой, я ворвался в чужие апартаменты, застав преподавательницу в кухне-гостиной. Закинув босые ноги на стол, она читала книжку. Полы пижамного халата тянулись к полу, открывая соблазнительные бёдра...

— Кто...? — резко обернувшись, она сдёрнула ноги со стола, вскрикнув: — Аронов! Что это значит?!

— Нет времени объяснять. Мне нужен частный урок.

Изумление на её лице медленно сменилось пониманием и многообещающей улыбкой. Однако, когда в комнату вошла Лера, улыбка исчезла с её лица. Моя спутница стыдливо отводила взгляд от полуобнажённой женщины, а Анна Игоревна хмурилась на Леру, как на... соперницу.

— Я работаю тет-а-тет.

— Она останется. Выслушайте меня, — заперев дверь, я сел на соседний стул. — Меня мучают страшные головные боли, это...

— ...проблема пробуждения, поняла, — закончила за меня Анна Игоревна.

Пересев поудобней, она прижала ладонь к моему лбу, другой подтянула мою руку, положив себе на колени. Сжав губы в полоску, женщина сосредоточилась, и её глаза медленно начали белеть, пока от зрачков не осталось и следа.

Я не чувствовал её "зондирования", или чего-нибудь в этом духе. Я вообще ничего не чувствовал. Ситуация и так непростая, лучше не проявлять инициативу, тем более что головная боль уже сигнализировала о своём возвращении.

— Всё ясно, — наконец произнесла Анна Игоревна. Зрачки вернулись на место, но мою руку она отпускать не спешила.

— Вы сможете помочь?

— Ты набрал много энергии, Фёдор, и... — замешкавшись, она пересела поближе ко мне. — Не понимаю, как это возможно, но она разного... происхождения.

— Качества?

— Нет. У тебя нет времени на длинную лекцию, так что постараюсь коротко, — начала она, и мысленно, я завыл в предвкушении часового экскурса в историю. — Эфир аккумулируется внутри нас, приобретая особенные черты, характер. Позже, он формируется и выражается в виде родового дара, но в твоём случае... Это так странно!

— Что?

— Выходной канал заблокирован, ты принял слишком большую порцию... — шептала она. — Я думала, что блок возможен лишь на принятие энергии, не на выход...

— То есть магический запор?

— Примитивное сравнение, но да, похоже. Если бы я могла найти взаимосвязь, между...

— Пожалуйста, Анна! Ответьте на простой вопрос: Вы можете помочь?

— Я могу попробовать, — осторожно сказала она. — Для начала, тебе нужно освободиться от излишков, иначе, очень скоро ты станешь терять сознание. Затем, тебе нужно научить свой дар различать разные, кхм, сорта энергии, и своевременно от неё избавляться. Понимаешь?

— Не очень.

— Честно говоря, я тоже, — призналась Анна Игоревна, расплываясь в улыбке. Подтянув мою руку выше, чуть ли не зажимая бёдрами, она проникновенно произнесла. — Это так интересно...

— Действуйте. Боль возвращается.

— Только пусть твоя подруга уйдёт. Оставь нас, девочка.

Лера, сложив руки на груди, даже не шелохнулась.

— Она останется, — повторил я. — И Лера, следи, чтобы Анна Игоревна вела себя пристойно. Не превышала свои... Полномочия.

— Ну зачем ты так, Фёдор! — взмолилась преподавательница, сместившись ещё ближе. Её колени уже касались моих бёдер, горячее дыхание обдувало лицо с каждым произносимым словом. — Воля Фатума направила тебя ко мне, и я хочу помочь! Мой энтузиазм лишь побочная неизбежность, интерес исследователя перед новым открытием! Прошу тебя...

Её тёплые, мягкие бёдра, томный голос и мерно вздымавшаяся грудь пробуждала чувства Фёдора. Он бы охотно ей подчинился, но я не только Фёдор.

— Может я всё же выйду за дверь? — подала голос Лера.

— Стой и наблюдай.

— Такое я наблюдать не люблю... — буркнула она.

— Приступайте, — велел я Анне Игоревне. — Вы так просили о частном уроке, и вот он, Ваш шанс. Другого не будет.

Смерив Леру ненавистным взглядом, она зажмурилась, борясь между принципами и интересом. Наконец смирившись, преподавательница кивнула.

— Я буду помогать, направлять твой дар. Просто освободить не получится, нам придётся... подтолкнуть затор. — Оставив мою руку у себя на бёдрах, она коснулась свободной моего плеча. — Так что будь готов взять меня.

Лера кашлянула, и Анна Игоревна поправилась.

— Взять мою энергию. Не сдерживайся, Фёдор, иначе ничего не получится.

Она вернулась к работе и глаза снова побелели. Массируя мою руку от плеча до кисти, она двигала тазом в такт этим движениям, аккомпанируя слабыми стонами. И это сработало!

Уже подступавшая головная боль просто исчезла, я почувствовал движение силы внутри своего тела. Острой, режущей болью она двигалась по руке, от плеча, вслед за массирующими движениями Анны Игоревны, и следуя её наказу, я вообразил в подсознании родовой символ, вцепившись другой рукой в её ногу.

Одна энергия вымещала другую, и когда зуд добрался до пальцев, я почувал подвох. Резко отёрнул руку в сторону, и на моих глазах, между пальцев формировалась... сияющая рукоять.

Ужас сменился удивлением, когда сгусток энергии стал менять форму. Я был готов увидеть древко секиры, но оружие в моих руках приобретало форму рукояти с гардой, и неотвратимо разрасталось широким лезвием меча.

Прикрыв глаза, Анна Игоревна самодовольно улыбнулась, довольная результатом, но едва вернув нормальный взгляд, и увидев оружие в моей руке, она резко изменилась в лице. Округлила глаза, отстранилась от меня, как от прокажённого, с грохотом повалив стул.

— Что это? Как...?

Эфирное оружие было невесомым, я лишь домысливал его тяжесть. Удерживая на вытянутой руке, я осторожно провёл мечом по воздуху, изумив преподавательницу ещё сильнее. Вот ведь... Фёдор так хотел показать ей свою шпагу, но в результате, Анна Игоревна увидела другое оружие.

Не теряя возможность для исследования, я коротким ударом коснулся уголка стола, и срезанный кусок пластика рухнул на пол, заставив преподавательницу вздрогнуть.

— Это невозможно... Ты не можешь! — не в силах отвести взгляд, она пятилась, едва шевеля губами, подбирая объяснение невозможному. И пятилась она в сторону выхода.

— Лера! Не пускай её!

Девушка тоже была в шоке, но приказ вернул ей собранность. Метнувшись к двери, она хотела прислониться к ней спиной, но запертая дверь поддалась, толкнув и уронив на спину подглядывавшего Ивана Пяткина.

Паренёк попятился, в ужасе глядя на Леру. Анна Игоревна продолжала несвязно бормотать, кося взглядом на открытую дверь, и даже Лера в растерянности застыла на пороге.

— Что это...?

Шёпот Ивана Пяткина громко прозвучал в повисшей тишине. Прятать меч уже поздно, он видел его, и теперь не спускал с него глаз. Свидетель, мать его. Нужно схватить и прикончить парня, но и Анну Игоревну нельзя оставлять одну. Ко всему прочему, она ещё и заверещала.

— Лера, выруби её!

Встряхнув рукой, я побежал в сторону незваного шпиона, только меч и не думал исчезать. Он будто прилип к ладони, став продолжением конечности. Некогда разбираться... Дьяволщина!

На ходу срывая пиджак, я попытался прикрыть оружие, но магическое лезвие с лёгкостью распорол ткань. Пяткин, опомнившись, подскочил на четвереньки и сорвался с места как спринтер, и я рванул следом, судорожно тряся ошмётками пиджака.

Свет снова погас, я едва не упустил засранца. Свернув в боковой коридор, я вогнал меч в стену и дёрнул изо всех сил. И наконец-то это сработало! Сначала, в моей руке осталась лишь рукоять, а затем погасла и она.

В слабом свете резервных ламп, я ускорился, не спуская глаз с мельтешившей вдалеке фигуры. Пяткин бежал к лифту, и первый заметил, что двери застыли в полуоткрытом состоянии. Подвывая, он растерянно огляделся и трясущимися руками прижал ключ к ридеру на ближайшей двери.

Когда я добежал, дверь уже захлопнулась, а универсальный ключ остался где-то далеко позади, если я и его не разрубил пробудившимся даром. Миллион раз дьявольщина!

Так, я же сделал это один раз, значит смогу ещё. Машинально прикрыв глаза, я представил перед мысленным взором лицо Капустина, сменил его надувавшимся пузырьём, и даже фарфоровый трон на секунду взял в фокус внимания.

Дождавшись жжения на кончиках пальцев, я позволил ему стать сильнее, сжал кулаки и швыряющим жестом махнул в сторону дверного замка. С шипением, бесформенный сгусток оплавил дверь, и я тут же выбил её плечом. Пяткин застыл, машинально бегая пальцем по экрану планшета.

Он ведь отправит в любую секунду, я не могу... Не должен шадить незнакомого выродка. Никогда раньше я вообще об этом не задумался бы, но сейчас, подавив пробудившуюся совесть, длинным выпадом я пнул его ногой по рёбрам. Парнишка полетел с лестницы, и короткий полёт завершился глухим ударом головой о каменную стену. Скатившись на пол, он больше не шевелился.

Позади слышались торопливые шаги, я обернулся, готовый убрать ещё одного свидетеля, но с изумлением уставился на Михайлова. А тот, на обмякшего бедолагу Ивана. Цокнув, он выглянул в коридор и, снова уставившись на тело, тихо выругался.

— Стену испачкал, ублюдок... Что он сделал?

— Увидел то, что не следует, — сдержанно ответил я. — Откуда ты здесь взялся?

— Разминулись. Валерия указала направление, ничего не объяснила. Может хоть ты

шепнёшь пару слов? — отдельно сосредоточив внимание на оплавленной двери, Михайлов изумлённо вздёрнул брови.

— Всё позже. Тело нужно спрятать.

— Этим я займусь, — раздражённо отмахнулся он. — Лучше скажи, что с Анютой? Вид у неё был крайне болезненный, а когда я хотел подойти ближе, Валерия зашипела на меня словно кошка!

— Жива.

Надеюсь, что жива. Лера как угодно могла истолковать мой приказ, особенно сейчас, после того, что увидела. Эти двое — самые опасные люди во всей Академии, в их руках ключ от лаборатории, где меня запрут люди из Магистерия. Ладно ещё Лера, её связывает клятва, но что делать с преподавательницей я вообще не представляю.

— Что происходит? — не выдержал Михайлов. — Я не прошу полного отчёта, хотя и не отказался бы, но я должен понимать ситуацию, чтобы принимать адекватные меры.

— Проблемы происходят, — буркнул я, шагнув на ступеньку. — Можешь считать, что меня застукали за непотребствами. Подробности расскажу, когда избавимся от улики.

— Резонно. Если бы не перебои с электричеством, эта штука... — он ловко забрался на перила, и потянулся к металлическому шарiku на потолке. Вырвав его с корнем, он грузно спрыгнул. — Просто чудо, что вас никто не снимал.

Подобрав планшет возле мёртвого тела, я прочитал недописанное сообщение. Пяткин докладывал безымянному абоненту, что «Аронов наколдовал меч». Стёр сообщение, показал номер Михайлову. Тот лишь покачал головой.

— Одноразовый, но я почти не сомневаюсь, что Пяткин служит Грибоедову. У этого напыщенного ублюдка не хватает рук, он не первый раз подбирает крошки с моего стола.

— Хватится пропажи?

— Обязательно, но Пяткина я хорошо спрячу...

— И кстати об этом... Анну Игоревну тоже нужно спрятать.

— Её то зачем?! — Михайлов истерически засмеялся.

— Ещё один свидетель. — Припомнив, как ловко преподавательница разрешила мою проблему с головной болью, я добавил: — Но её убивать нельзя.

— Уж надеюсь! И куда мне спрятать одарённого преподавателя Магистерской, мать её, Академии?!

— Я говорю что делать, а не придумываю за тебя решения! Это твоя территория. Думай!

— Сожри их всех Вихрь...

Свет моргнул, лампочки загорелись, но всего через несколько секунд снова погрузили нас в полумрак.

— Что со светом?

— Большая суматоха, — раздражённо скривился Михайлов, набирая сообщение на планшете. — Насколько я знаю, чужаков на территории нет, так что с электричеством балуется кто-то из местных. И сдаётся мне, пропавший техник с этим тесно связан.

— Ловят его?

— На кого-то охотятся, но я, скорее, поставил бы на птицу поважнее. Есть у них для этого повод? — он вопросительно поглядел на меня исподлобья.

— Если этого никто не видел, — я махнул рукой в сторону тела, — то нет.

— Ладно, тащите её сюда. И прошу тебя, Федя, не оставляй следов!

У меня не было причин недоверять Михайлову, и в талантах бывшего безопасника я не

сомневался. Он же мастер по «неординарным методам решения», вот пусть и проявляет себя.

Пробежав по коридору, я замедлился возле стены, где остался глубокий след от моего эфирного меча. Как будто Росомаха одним пальцем махнул. Продолжив забег, я всё ломал голову, почему именно меч? Не секира, ни даже сраный топор! Я ведь больше никого не трогал, почему дар деформировался? и сможет ли Анна Игоревна ответить на этот вопрос...

Вбежав в её комнату, я едва не напоролся на Леру. Девушка схватила меня на кофту и прижала указательный палец к шее.

— Ты и мой дар украл?!

Дьявольщина, об этом я совершенно забыл. Только недоверия ручной воительницы мне не хватало!

— Успокойся, я понятия не имею, как это работает.

— Ты вор даров!

Её ноготь сильнее впился мне в кожу. Нельзя забывать, насколько опасна эта девушка. А вот ей стоит напомнить, кому она угрожает.

— Ты ведь уже догадывалась, кто я. Верно? — В ответ лишь напряжённое сопение. — В лифте ты сделала то, что необходимо. Ты следовала клятве и рискнула. Ты спасла меня, Лера!

— Я не поэтому спасла!

— И тем не менее, ты это сделала, потому что в глубине души, ты понимаешь, насколько я ценен.

Давление ногтя ослабло, она отступила. Потрясённо глядя на меня, тихо прошептала.

— Ты Мессия...

— Точно мы этого не знаем, но мой дар многократно превосходит дар Рода Ароновых, это факт.

— Но... Ты должен...?

— Не должен, — оборвал я девушку. — Мне напомнить, как ты отзывалась о Магистерии?

— Нет. Клянусь, никто не узнает!

Решительно выпрямила осанку, стиснула кулачки, и в её взгляде я прочитал восхищение, которого раньше не было. Фанатик, повстречавший своего бога.

— Твоим словам я верю, а вот её... — сочувственно окинув взглядом лежащую на диване женщину, я кивнул на неё. — Она коллекционер, и за возможность изучить мой дар душу продаст, но я не знаю, насколько велико её чувство долга перед Магистерией.

— Убить? — Лера охотно шагнула в сторону Анны Игоревны.

— Нет! Она мне нужна. Ты же слышала, моё лечение состоит из двух этапов, мы его не закончили. Ты ведь не...?

— Да жива она, я просто её усыпила, — буркнула Лера.

Обхватив женщину за талию, я с трудом её поднял. Фёдор не частый гость в качалке, но и хиляком его не назовёшь, и всё же на руках я её далеко не унесу. Особенно учитывая то, что помогать мне Анна Игоревна не собиралась.

— Может я?

— У тебя другая задача, — прошипел я, закидывая женщину на плечо.

Мы едва не рухнули, Лера вовремя придержала её, и, нервно кусая губы, неохотно посмотрела на дверь.

— Может тут останемся?

— Шуруй. Будешь идти впереди, и усыплять всех свидетелей этого... — крикнув от тяжести, я с трудом выговорил, — ...цирка.

Лера метнулась к двери, а я, сопровождая шествие тяжёлым дыханием, ковылял сзади. Впервые увидел, как Лера бежит. Грაციозным, кошачьим шагом она быстро добралась до ближайшей развилки и махнула мне рукой. Я неспешно тащил Анну следом.

Сейчас совершенно не хотелось планировать, что я ей скажу, но варианты против воли лезли в голову. Пригрозить? Подкупить? Отбросив очевидное, меня вдруг осенило. Использовать их оружие. Усмехнувшись, я перехватил женщину поудобней и прибавил скорости.

За поворотом ждала неприятность, два студента, растерянно разглядывавшие заблокированную из-за отсутствия питания дверь. Лера метнулась к ним, завершила длинный нырок кувырком и надавила пальцами на шею. Пара секунд — и оба парня повалились без чувств.

Я упорно тащил Анну Игоревну дальше. Проходя мимо студентов, я всё не мог избавиться от мысли, что оставляю за собой слишком много тел. Эти хотя бы живые, да и меня увидеть не успели, но след слишком явный. Кто бы не охотился в стенах Академии, я добровольно повесил на спину мишень.

— Скорее! — окликнул нас Михайлов, едва я пересёк последнюю развилку.

Задумчиво поглядев на крадущуюся Леру, он открыл дверь, и, придерживая её ногой, перехватил у меня обездвиженную женщину. Плечо тут же заныло. Кажется, я себя переоценил.

— А где...?

Растерянно пялясь на чистую лестницу, без единой капли крови, я вопросительно обернулся к Михайлову.

— Я же сказал, что займусь. И Фёдор, — он понизил голос до сердитого шёпота. — Это стоило мне ОЧЕНЬ дорого.

— Всё возьму. Лера, торопись!

Прикрыв дверь, она растерянно смотрела на расплавленный кусок, скользнула по мне взглядом и округлила глаза. Вспомнила, наконец. Благо, от комментариев Лера воздержалась, и молча замыкала нашу странную процессию.

— Периметр охраны усилен, — пропыхтел Михайлов, грузно спускаясь по лестнице, — и я не понимаю почему. Всех подняли на уши.

— Из-за прорыва стены?

— Нет, здесь явно что-то ещё... Я не нахожу логики в экстренных мерах.

Лестницы длинные, но всего пять этажей. На втором, Анна Игоревна зашевелилась дыхание стало прерывистым и Лера, чудесная моя воительница, тоже это заметила.

— Давай-ка я, отдохни.

Пока я перехватывал у него тело, Лера прижала палец к её шее, продлевая сладкий сон, а Михайлов, свешиваясь с парапета, прислушивался.

— Вроде никого.

— Где мы её спрячем?

— Есть тут у меня одно подвальное помещение... Я хотел спрятать там тело, но увы.

Продолжив спуск, мы добрались до первого этажа, и Михайлов наклонился к металлическим своркам, расположенным под таким же углом, как и лестница. Он долго

возился с замком, у меня уже руки начали дрожать от тяжести, но двери наконец поддались и перед нами открылась чернота подвала.

— Там хоть крыс нету? — осторожно переставляя ноги, я медленно спускался за ним. В качестве фонарика, Михайлов использовал экран планшета.

— Здесь чисто и сухо, — отмахнулся он. — Не гостевые апартаменты, но за пару дней с Анютой ничего не станет.

Мне не нравилось то, как он её называет. Если их что-то связывает, это может повлиять на решение моего подопечного. Надо будет ещё раз разъяснить, что я не собираюсь причинять Анне вреда. По крайней мере пока.

Низкие потолки, голый камень на полу и стенах. Здесь пахло пылью и запустением, но хотя бы, было сухо и тепло. Широкая комната разделялась на ветви коридоров, соединявших полупустые помещения. Как будто. Этот этаж просто не достроили. Михайлов принципиально не включал свет, он и без этого прекрасно здесь ориентировался.

— Сюда.

Снова перехватив у меня преподавательницу, он понёс её на руках в небольшую комнату, одну стену которой занимали дверцы стиральных машин. Цифровые панели безжизненно отражали свет импровизированного фонаря, выдернутые из розетки провода неаккуратно валялись рядом на полу.

— Посвети в угол, — попросил он. Я направил планшет, и увидел скатанный матрас, прислонённый к стене. — Быстрее Федя, я не железный!

Лера, заинтересованно оглядываясь, помогла раскатать матрас. Внутри даже небольшая подушка нашлась, так что Анна Игоревна наконец-то устроилась с комфортом. Женщина медленно дышала, на лице безмятежность. Не похоже, чтобы ей было больно, или что-то в этом духе.

Михайлов достал из барабана ближайшей машины покрывало и лампу на батарейках, пощёлкал тумблером, наконец-то нормально осветив помещение, заботливо накрыл преподавательницу и повернулся ко мне.

— Отойдём на минуту?

— Разумеется. Лера, посиди с ней пожалуйста.

Глядя в спину Михайлова, я пытался предугадать тему для разговора. Я ведь не проверил его как следует, сразу нагрузил своими проблемами. Но это кризис, непредсказуемый. Чтобы избежать плена в Магистерии, я пойду на что угодно.

Через несколько поворотов, мой проводник зашёл в пустое помещение с маленьким слуховым окошком. Сюда пробивался свет закатного солнца. Дьявольщина, я совсем потерял счёт времени.

— Здесь нормально, — шепнул он, остановившись перед окном. Свет бил сзади, окружая сияющим ореолом голову Михайлова и скрывая его лицо в тени. — Я сдержал своё слово, оба свидетеля спрятаны. Теперь ты сдержи своё.

Прислонившись к стене, я сложил руки на груди. Он прав, частью информации придётся поделиться.

— Сегодня у меня был Казерай, и он принёс неожиданные последствия, — начал я, прогоняя дальнейшую фразу в голове.

— Ты победил?

— Да, но важно не это. Мой дар... Я не хочу вдаваться в детали, это секрет нашего Рода, но они стали свидетелями некоторого визуального проявления...

— Валерия тоже?

— Да.

— И её ты не стал убивать? Я ведь предупреждал о её тёмном прошлом. Почему Ей ты доверился?

— За это не беспокойся, она присягнула мне, как и ты. Я доверяю вам обоим.

— Тоже возьмёшь в семью? — усмехнулся он.

— Нет, цена её верности в другом. Не важно. С Пяткиным всё конечно, а Анна Игоревна... Я не собираюсь ей вредить, но и отпускать пока нельзя. Я должен донести до неё важность сохранности увиденного в секрете.

— Что же такого страшного они увидели? Я ведь тоже твой человек, Федя.

— Не сейчас. Я всё объясню, когда выберусь из Академии. В моём Родовом имении, за кружкой... — я невнятно махнул рукой, — чего бы ты там не пожелал.

Из-за тени, я не видел его лица, и позу Михайлов не менял. Понять бы, насколько после сегодняшнего выросло недоверие, но мне просто не с чего считывать информацию. И пока я формировал вопрос, он задал свой:

— Ты мог светануть чем-нибудь эдаким на Казерай?

Восстанавливая в памяти поединок, я вспоминал каждую деталь, но нет. Даже перехват летящей секиры не выходил за рамки того, что я слышал про дар нашего Рода. Разве что инцидент с Людой, но даже если там и есть скрытые камеры, мы были больше похожи на поссорившихся любовников, чем на дерущихся одарённых.

— Нет. Почти в этом уверен.

— Тогда я тем более не понимаю. Вся эта суматоха, — Михайлов махнул рукой в сторону выхода, — сильно вредит репутации Академии. Они не стали бы рисковать, без веского...

Нас прервал тихий «вжж» в его кармане. Быстро достав Планшет, он тихо выругался.

— Что там?

— Новости подоспели. И одна лучше другой.

— Ну? В чём дело?

— Куропатов-младший пропал, и... — он нервно хихикнул, — ...тебя объявили в розыск.

Холодок пробежал по позвоночнику. В розыск объявили, значит. Я допускал сразу несколько вариантов, кто мог этому поспособствовать, и в каждом фигурировал Куропатов. Две новости связаны друг с другом, в этом я почти не сомневался.

— Есть подробности?

— Лишь сухая сводка. Это, — он потыкал пальцем в экран, — общий Магистерский канал, Федя. Не только высший состав.

— Значит меня будет искать каждая собака?

— Именно. И чем дольше ты скрываешься, тем хуже будет.

— Предлагаешь сдать? — с нажимом спросил я. — Так не пойдёт.

Раздражённо взявшись мерять шагами комнату, Михайлов размышлял вслух.

— Подобные меры не принимаются просто так. Или они что-то нашли, или... готовят подставу. О ваших расправах с Куропатовым знает вся Академия.

— Дьявольщина...

— Ты можешь держаться рядом с кем-нибудь из официальных лиц, чтобы выйти в нужный момент, но...

Получив новое сообщение, Михайлов оборвал фразу, уставившись в экран. Чтобы не стояло за провокацией, это покушение на мою жизнь. Так или иначе. Настало ли время повышать ставки? Всё-таки я наследник Рода Ароновых. У нашей семьи есть власть и мощные бойцы, но я вынужден действовать с дьявольской осторожностью. Марк предупреждал о заговоре, и это могли быть его отголоски.

— По частному каналу прошла информация, что тебя видели вместе с Куропатовым-младшим, — встревоженно проговорил Михайлов. — Кто-то из студентов. Пишут, что вы оба были в ярости.

— Последний раз я видел его в спортивном зале. При десятках свидетелей!

— Да, но сейчас он пропал. И если парня кончили, его смерть могут повесить на тебя, Федя.

— ЕСЛИ его убили. Мы не знаем точно.

Задумчиво глядя на тёмную фигуру бывшего безопасника, я пытался предугадать. Стоит ли рисковать? Если нас уличат во лжи, он лишится своего места, если вообще останется в живых. И всё же...

— На последние пару часов я пропал с их радаров, это нехорошо. Ты сделаешь мне алиби.

— Как?!

— Очень просто. Твоё слово против их. Рискнёшь местом.

Бормоча проклятья, он решительным шагом вышел из комнаты. Двигаясь следом, я в очередной раз удивлялся тому, насколько этот человек хочет вернуться в «большую игру». Он готов поставить на кон всё, лишь бы снова работать на аристократию. Что же тобой движет, Александр?

Когда мы вернулись к барышням, Анна Игоревна по-прежнему спала, а Лера сторожила её, сидя рядом на полу. Устало опустив голову на руки, она молча провожала меня взглядом. Не хотелось оставлять её, но это лучший вариант.

— Лера, я поручаю тебе непростую задачу.

— Сидеть и сторожить, я поняла...

— Не просто. Приведи её в чувство, когда мы уйдём. Поговори, попробуй объяснить... — я замялся, подбирая слова, — ...кто я такой, и почему меня нужно защищать.

— А кто ты, Федя? — тут же заинтересовался Михайлов, но я лишь отмахнулся.

— Поняла? Справишься?

— Да я же просто послушница, я в таком ничего не понимаю! — в её голубых глазах застыла растерянность, она как ребёнок, получивший сложное домашнее задание.

— Понимать и не нужно. Просто поделись с Анной своими мыслями. Относительно всего.

Стрельнув взглядом на Михайлова, она кивнула. Вот и чудно.

— Я найду попозже, принесу ей... вам необходимое, — добавил Михайлов, следуя за мной к выходу.

Он с такой неохотой отводил взгляд от спящей Анны Игоревны, что мои подозрения многократно укрепились. Любовница или любовь? Очень разные по своей мощи рычаги. И всё же, он ни секунды не колебался. Подчинился приказу. Я в очередной раз поздравил себя с прекрасным приобретением.

— Стой, — шепнул он, когда мы подошли к двери. За ней послышались торопливые шаги, переходящие на бег. Сложно сориентироваться, сколько их, но явно больше двух.

— Сколько в Академии бойцов? — еле слышно прошептал я. Отступив подальше от двери, Михайлов коротко отчитался:

— Около пятнадцати Наделённых, может меньше. Ну и толпа обычных болванов на границе территории, но ребят с оружием на тебя не пошлют, — скривился он. — Начнут выцеливать аристократов из пушек, и Император камня на камне здесь не оставит.

— Пятнадцать Наделённых? Я ни одного не видел.

Наделённый боец представлялся мне кем-то, вроде мутировавшего человека. Халк с эфирными мышцами. Такую махину не спрячешь. В памяти Фёдора находились лишь смутные образы, отец не держал дружину возле себя, вечно отправляя «в работу». Куда конкретно, Фёдору никто не сообщал.

— Они не разговорчивы, — тихо пробурчал Михайлов. — Странные ребята. Сидят у себя в бараках и медитируют круглые сутки. И я не преувеличиваю! Они даже между собой не болтают.

— Наделённые сильно отличаются от нас?

— Одарённых?

— Просто людей. Я имею ввиду внешний вид.

Подозрительно оглянувшись, Михайлов словно убедился, что я не прикалываюсь.

— Глупый вопрос, парень. Разница в подготовке, особенности, так сказать, начинки...

— Меня интересуют только местные, — уточнил я.

— Магистерские наделённые звёзд с неба не хватают, всё-таки за этой организацией Император наблюдает особо внимательно. Ну, ты понимаешь...

— Боятся напугать переворотом?

— Именно!

— Но что, если зарвавшийся студент начнёт крошить всех направо и налево? Разве они не должны иметь достаточно сил для сопротивления?

— Для этого здесь и базируется несколько отрядов вооружённых бойцов, — усмехнулся Михайлов. — Ты забываешь о главной задаче Наделённых. Это больше престиж, чем

серьёзная сила. Да, они незаменимы на границе с Вихрем, поскольку теней одолеть обычным оружием невозможно. Магистерий самостоятельно добывает для себя Эфир, и большинство изменённых работает в две смены, а здесь... Мне кажется, в Академии их держат как лабораторных крыс. Ну и для престижа, разумеется.

— И всё же, я повторю вопрос. Что с их внешностью?

— Да обычные парни. Разве что остаточное искажение. Ну знаешь, — он помахал пальцами перед лицом, — этот раздражающий туман из глаз... Ах да! Ещё экипировка.

— А с ней что?

— Магистерий закупил им лучшие игрушки из Бароната. Самые сливки. Так что не дрейфь, с обычным охранником не перепутаешь.

Шаги за дверью стихли. Михайлов осторожно высунулся и махнул рукой. Мы перебежали через пустой коридор в другую дверь, за которой была ещё одна тёмная лестница. Лампы раздражённо потрескивали, даже аварийное освещение работало с перебоями.

Михайлов провёл меня на второй этаж, снова в коридор. Окончательно потерявшись, я доверил выбор маршрута проводнику, следуя за ним как крыса к центру лабиринта. Утилитарный дизайн коридоров вызывал ассоциацию именно с лабиринтом, Магистерий не трудился над приданием Академии стильного лоска. Вместо живописных картина в коридорах — схемы эвакуации, вместо пышных ковров — серый линолеум.

На развилке, он резко подался назад, приложив палец к губам. На мой вопросительный взгляд он сделал страшные глаза и продолжил пятиться. Осторожно выглянув из-за угла, я оценивающе оглядел две высокие фигуры, стоящие к нам спиной.

Короткостриженные, оба в простых штанах и водолазке, поверх которой болтались ремни Казер-брони и два серебристых прута, выгодно отличавшихся от примитивной дубинки, которую я использовал в бою. Наделённые методично осматривали комнаты, хлопая дверьми, но вторжению в частные владения препятствовал заспанный парнишка, похоже, эту дверь забаррикадировавший.

Михайлов дёрнул меня за руку, мы двинулись в другую сторону и нырнули в очередную дверь, беззвучно защёлкивая замок. Помещение напоминало обычный офис, благо что пустующий. Минувя письменные столы, я запнулся о металлическую урну, но успел удержать её от падения. Михайлов страдальчески поднял взгляд в потолок.

Снова на лестницу, снова на первый этаж. Михайлов замешкался, что-то читая в планшете, а я попробовал дверь — она оказалась не заперта. Сделал шаг, увидел пустой коридор и открытую дверь на улицу, и уж подумал, что удача наконец-то мне улыбнулась, но это была ошибка.

Из-за угла, бесшумным шагом, выплыла парочка короткостриженных бойцов. Вперившись в меня взглядом, оба потянулись к отливающим серебром дубинкам.

Михайлов тоже собирался выйти, но я грубо отпихнул его ногой и захлопнул дверь, вытягиваясь в полный рост. Наделённые кривились одинаковой, будто выпущенной на конвейере гримасой, а из глаз, практически синхронно, тонкой струйкой сочился ярко-оранжевый дым.

— Какие-то проблемы, парни? — громко спросил я.

— Пойдёшь с нами, — холодно приказал боец, сделав шаг в мою сторону.

— Или что?

Встав в пол оборота, я машинально принял боевую стойку, и всерьёз прикинул: а не

плюнуть ли на всё, убить ублюдков и обратиться подальше от Академии к чёртовой бабушке? Я бесконечно устал отбиваться, я жаждал действовать, но... Голос позади на корню пресёк эту идею.

— Не усложняй, Аронов.

Никитин зашёл с улицы, отрезая путь к отступлению. Если убийство Наделённых я ещё могу как-то оправдать, то наследника Рода Никитиных убивать никак нельзя.

— А ты тут как тут, да? Нравится прислуживать Академии?

— Я следую букве закона, — сухо ответил он, отставляя руку в сторону. Однако Родовой дар призывать не стал. Пока.

— Меня оболгали, Никитин, и, если ты пошевелишь мозгами, ты поймёшь это.

— Кому как не тебе хотелось стереть Куропатова с лица земли? — надменно хмыкнул он.

Решительно направившись в его сторону, я развёл руки в стороны. Машинально отступив, удерживая дистанцию, Никитин пропустил меня вперёд. Бойтся, сволочь.

Улица встречала вечерними сумерками, прохладный ветерок заставил пожалеть о разорванном пиджаке. Никитин указал направление — впереди, возле главного входа, столпилась целая толпа, человек пятьдесят. Позади нас грузно топали Наделённые, сохраняя гробовое молчание.

— Какие у них доказательства? — нарушил я тишину.

— Слово свидетеля и следы присутствия твоих слуг здесь, на территории Академии.

— Свидетеля? — я не удержался от усмешки.

— Лайза видела вас двоих.

— Лайза! — я расхохотался, — да она видела меня с девчонкой и заревновала. Отвергнутая сука.

— Следи за языком, — насупился он.

— А ты за своими мозгами. Ты правда пришёл за мной, доверившись слову влюблённой в меня барышни?

— Суд Ассамблеи вынесет вердикт, у Магистра есть доказательства, — отрезал он.

Поглядеть бы ещё на эти доказательства. Чем бы ни занимался сейчас Михайлов, очень надеюсь, что он в курсе про улики и сделает с этим что-нибудь. Потому что чем ближе я подходил, тем больше опасался, что Грибоедов тянуть не станет.

Он стоял в окружении ещё четверых Наделённых, полы «домашнего халата» развевались на слабом ветру. Среди столпившихся рядом зрителей я разглядел Лайзу и Льва, остальные были мне не знакомы. Студенты академии, одарённые или нет, они выглядели так, будто их вытащили на улицу в добровольно-принудительном порядке.

— Смотрите, он идёт!

Все как один повернулись в мою сторону. Грибоедов сделал знак Наделённым, и те сорвались в мою сторону. Яркое-рыжее сияние, дымом исходившие из их глаз, красиво выделялось в вечерних сумерках. Мои сокурсники неодобрительно смотрели на Наделённых, им явно не нравилось то, что происходит, но никто не проронил ни слова. Они ждали развязки.

Окружив кольцом, они подвели меня к Грибоедову и застыли, словно каменные изваяния.

— Фёдор Аронов! Именем Магистерия, я собираюсь заключить Вас под стражу, по подозрению в убийстве Семёна Куропатова, — громко объявил магистр. — Убийстве, с

проникновением на территорию...

— Убийство с проникновением это из другой оперы, — усмехнулся я, но Грибоедов шутки не оценил.

— Ваши люди здесь, на земле Магистерия! Это вопиющее нарушение законов империи! — смерив меня презрительным взглядом, он добавил. — Могли бы справиться своими руками, раз кровавая месть так сильно ударила Вам в голову.

— Мог, например, на сегодняшнем Казерай, но я не стал. И у меня есть как минимум двое свидетелей. Да, Лайза?

Услышав своё имя, девушка вздрогнула, но продолжала молча сверлить меня ненавистным взглядом. Как же больно ударил по ней отказ. Будет мне уроком. В каких бы суровых условиях я не оказался, нельзя забывать о простой человечности. Стоящие позади неё девчонки поддерживающе обняли девушку, что-то зашептали на ухо, но Лайза отмахнулась от них, как от жужжащих комаров. Она ловила каждое моё слово, каждый жест.

— Вы будете содержаться под стражей до прибытия Чтеца, — продолжал Грибоедов. — Его уже пригласили, так что у Вас совсем немного времени, чтобы подумать о добровольном признании.

Где-то вдали послышались крики, шум. Обернувшись, я заметил суматоху возле испытательного центра, где меня пытали «ветрами». Грибоедов, раздражённо скривившись, проворчал:

— Ну что там ещё...

От здания двигалась целая процессия, и они кого-то несли на носилках. Ещё одного парня местный охранник вёл под прицелом винтовки. Когда они приблизились, я узнал форму технической службы.

— Что происходит?! — окликнул их Грибоедов.

От процессии отделился один парень, трусцой подбежав к магистру. Что-то прошептав, он указал себе за спину. Они шли как раз мимо нас, и в лежащем на носилках человеке я узнал знакомый острый подбородок.

— Вот же он, ваш потерянный Куропатов. Эй, он жив?

Удивлённые возгласы студентов вынудили докладывавшего парня повторить громче.

— Господин Куропатов жив, но в ужасном состоянии.

— Что он с ним сделал? — потребовал объяснений Никитин, выступив вперёд.

— Не он. Машина! — Техник махнул рукой за спину. — Под страхом смерти, заставил одного из наших инициировать для него «испытание ветрами» и запретил выключать.

Измумлению собравшихся не было предела. Посыпались вопросы.

— Что? Зачем?!

— Сколько он набрал?

— Когда мы обнаружили несанкционированный запуск, было шестьдесят три процента. Господин Куропатов уже был без сознания.

Странный способ самоубийства. И какого, спрашивается, дьявола он это сделал? Проводив взглядом носилки, направлявшиеся к лечебнице, я повернулся к Грибоедову. Тот побагровел от ярости.

— Это ничего не меняет! Техник тоже будет допрошен. Ещё большой вопрос, кто запретил ему выключать машину! Взять его!

Наделённые сомкнули ряды, только настроение собравшихся переменилось. Даже Никитин замешкался, сомневаясь теперь в законности действий магистра. И всё-таки, если я

нападу, их сомнениям придёт конец. Разделив ответственность, толпа одарённых аристократов от меня мокрого места не оставит. Повернувшись напоследок к ребятам, я громко произнёс:

— Я не стану сопротивляться, но запомните этот день. Когда произвол Магистерия перешёл дорогу истинным Одарённым. Вы можете быть следующими.

Один паренёк порывался было выступить, но приятель удержал его за руку. Несколько девчонок в первых рядах потупили взгляд. Не хотят наживать проблем, сталкиваясь с фанатиками. Труссы.

Грибоедов нещадно подгонял подчинённых, стремясь увести меня с чужих глаз. Если Михайлов не дурак, он воспользуется его промахом. У них нет ничего против меня. Своё свидетельство Лайза может запихнуть себе в задницу. Остаётся только проникновение «моих» людей на территорию. Ох, если это всё же отец...

Свет так и не починили. Просто поразительно, как легко вывести из строя энергосеть в таком большом здании. Под стрёкотом моргающих ламп, мы прошли по атриуму к лифтам, где Грибоедов раздражённо давил на кнопку.

— Проклятье... По лестнице. И следите за ним, он опасен!

Молчаливые стражи безропотно повиновались своему господину. В тесном окружении, я не сразу заметил фигурку, бегущую в нашу сторону.

— Куда его ведут? — оклик Михайлова заставил магистра тихо выругаться. Обернувшись, он взмахом руки велел подчинённому не приближаться. Вот только подчинялся Михайлов мне.

— Это не твоя забота, оставь нас.

— Мне поручено курировать юношу, я требую объяснений!

— Я дал тебе эту работу! — вспыхнул Грибоедов. — Знай своё место!

— Спокойно! — повысил голос я. — Всё в порядке, Александр Ефимович. Это всего лишь заключение под стражу. Они не станут превышать полномочия.

Я многозначительно посмотрел на моргающий светильник, и Михайлов резко изменился в лице, в глазах засветилось понимание. Кивнув, он молча провожал нас взглядом. Надеюсь успеет, потому что чутьё подсказывало, что заключение долго не продлится.

Гулкие шаги сопровождающих эхом отражались от стен лестничной клетки, и ровный ритм помогал сосредоточиться, планировать дальнейшие ходы. Возможно я совершил ошибку, и стоило затеять драку ещё на пороге Академии?

Следуя по коридору, я даже прикидывал план. Забрать оружие, вырубить двоих, на одного спустить дар...? Нет. Призвать дар Семёна? Тоже нет, прочности может не хватить. Я ведь понятия не имею о ресурсе эфирного оружия, оно может рассыпаться в труху уже после пары ударов.

Остановившись возле двери с красивым номером «333», магистр провёл ключ картой, жестом приглашая меня войти первым. Мне подготовили свободные апартаменты, копировавшие общий стиль кампуса. Пустая кухня-гостиная неприветливо встречала нас тёмным запустением.

Четверо наделённых остались за дверьми, двое сопровождали меня внутрь. Грибоедов, подойдя к столу жестом указал на стул.

— Присаживайтесь, побеседуем.

Закинув ногу на ногу, я нахально устался на магистра.

— И к чему была эта клоунада? — усмешкой начал я. — Мы же оба знаем, что на территории Академии слуг Ароновых нет.

— Доказательства в процессе сбора, — жестом отрезал он. — И поверьте, графская Ассамблея сочтёт их достаточно вескими для обвинения.

— Липовые картинки нарисуете?

— Оставьте пустую браваду, юноша. Я здесь не для того, чтобы выслушивать глупые оправдания.

Щёлкнув пальцами, он подозвал одного из наделённых. Тот молча протянул ему портфель, и Грибоедов извлёк из уже знакомой мне папки лист бумаги с ручкой. Положив их передо мной, он продолжил:

— Магистерий отзовёт обвинения, если Вы пойдёте навстречу. Нам по-прежнему необходимо Ваше содействие при исследовании, и даю слово: надолго это не затянется.

— Исследования, или моя жизнь? — усмехнулся я, отпихивая от себя бумагу. — Я ведь сыграл в вашу игру с ветрами, и чем это закончилось? Меня едва не убили!

— Это был сбой. Никакого отношения к Магистерию он не имеет, — скороговоркой проговорил Грибоедов. — Однако, он стал причиной, по которой Ваше недоверие многократно возросло. Нам нужно получить гарантии!

Снова придвинул лист ко мне.

— Вы строите липовое обвинение, так почему не поставите за меня закорючку? — нахмурился я. — Если уж фальсифицировать, то до конца.

— Магический след невозможно подделать, — на автомате ответил магистр.

Уже перестал строить из себя верного служителя Фатума, пошёл ва-банк. Барабанил пальцами по столешнице, я весело хмыкнул.

— Мне вот что интересно. Если бы Семёна не нашли, его бы считали мёртвым. И у Вас, — я ткнул ему пальцем в грудь, — были причины думать, что так оно и есть.

Наделённые шагнули вперёд, но магистр отмахнулся от них.

— Ты обвиняешь меня, щенок?

— Обвиняю. Все эти технические сбои, — я кивнул на стрекочущую лампу на потолке, — очень удобны для того, кто держит здесь власть. Вырубили лифты, ограничили перемещения, и камеры не работают...

— Я последний раз предлагаю Вам спасение, — прорычал Грибоедов, тыкая пальцем в договор. — Не заставляйте меня идти на крайние меры!

— Добровольно Вы от меня ничего не получите.

Смерив меня презрительным взглядом, магистр достал планшет, отстучал пальцами сообщение и, дождавшись ответа, тяжело выдохнул.

— Вы не оставили мне выбора, господин Аронов. Я доверяю Вашу судьбу Фатуму.

Поднявшись, он неспешно вышел из помещения, но щелчка замка не последовало. Один за другим, в комнату вошли оставшиеся четверо Наделённых. И они направились в мою сторону.

Когда столько Наделённых оказалось рядом, этот их эфирный конъюнктивит становился особенно эффективным. Тлеющие глаза казались чем-то потусторонним, демоническим, и, честно сказать, это сильно деморализовало.

Поднявшись, я отступил в сторону, взялся за спинку стула, шумно волоча его за собой.

— Не стоит, парни. Сдерживаться не буду, — предупредил я.

Ни один мускул на их лицах не дрогнул, они просто пропустили моё изречение мимо ушей. Двое обходили с боков, четверо пёрли прямо на меня. Шестеро похожих друг на друга короткостриженных бойцов. Шансы на выживание близились к минимальным, и всё же, я не собирался сдаваться. Вот только, мне придётся использовать весь доступный арсенал. Никаких искусственных ограничений.

Бросив стул на четвёрку, я рванул в бок, схватил отдельно стоящего Наделённого за руку, и спустил дар с поводка. На процедуру активации ушли доли секунды, но Наделённый успел коснуться активатора. Кисть обожгло энергетической бронёй, ярко-рыжее сияние Казер-брони покрыло тело бойца, но я не ослабил хватки.

Я черпал из него энергию, подгонял дар волевым усилием, многократно ускоряя поток. Руку сводила судорога, кисть обжигало со страшной силой, но, когда двое других приблизились, я сумел поднять свободную руку и точно также, как в спортивном зале, направил на них поток чистой энергии.

Оба резко отступили. Один успел активировать сияющую Казер-броню, но второй затрясся от болевых спазмов и рухнул на мою «батарею».

В тусклом свете моргающих ламп, засияла энергетическая броня и начинённые эфиром дубинки. Даже защищённые бронёй, теперь они не спешили, выгадывая момент для атаки. Один сделал выпад, я поймал оружие ладонями, и даже сумел вырвать дубинку, но другой врезался в меня плечом, отбрасывая к стене.

Глухой удар выбил из ритма, я представил перед мысленным взором Капустина с его пузырьём, швырнул энергию в уже заносившего ногу Наделённого, и повреждения действительно были серьёзными! Казер-броня погасла с яркой вспышкой, вот только оказалось, что это лишь подстраховка.

Глаза вспыхнули, Наделённый шумно втянул воздух ноздрями, и броня материализовалась снова. Ремни безвольно болтались, и похоже, что они больше не принимают участия в процессе. Наделённый генерировал барьер своими силами.

Прилетело несколько ударов по ногам, плечам. Подпустив подбитого Наделённого ближе, я вонзил пальцы в барьер, одновременно призывая Родовой дар, и сквозь жуткую боль смог пробиться, вцепиться в шею подонка. Болевые вспышки по всему телу мешали сосредоточению, я черпал силу из парня, используя его как живой щит, но долго это не протянулось. Особо сильный удар по виску полностью дезориентировал.

Слова спасительной мантры воспроизводились без моего участия. Я не только Фёдор Аронов, наследник именитого рода. Я чужак в этом мире, и боль причиняет страдания всего лишь физической оболочке.

Я снова отстранился от тела, видя всю картину как в замедленном действии. И только сейчас я осознал, что Наделённые не пытаются меня убить, лишь забить, запугать. Им не нужна моя смерть, им нужно заставить меня подписать договор. И после него всё, даже это

постыдное избиение можно будет подвести под «испытания». Всё ради проклятого Фатума.

И всё же, град ударов начинённых эфиром дубинок не очень полезен для здоровья. Пусть живым, но я выберусь отсюда серьёзно покалеченным. Я даже допускал, что уже не смогу вернуться в тело Фёдора, так и оставшись навсегда витающим над ним духом. Нет. Я должен зайти дальше.

Активация дара в отстранённом состоянии подействовала ошеломительно: сияющие нити заполнили пустое пространство, густым лесом загородив от меня собственное тело. Всё было связано нитями, от тел Наделённых, до Казер-брони и дубинок.

Каждое движение отзывалось слабым дрожанием нити, и когда один из них медленно занёс дубинку, слабый импульс спустился из неведомой дали по нити к плечу Наделённого. Ещё один импульс по другой нити, когда дубинка коснулась моего плеча.

Я пытался вытянуть руку, оборвать эти проклятые нити, но в текущем состоянии у меня не было физического тела, я лишь почувствовал сильный энергетический всплеск, и в эту секунду вернулся обратно в своё тело.

Раскрытой ладонью я прижимался к груди округлившего глаза Наделённого, и его сила струилась по моим венам. Его Казер-броня уже не работала, а генерируемый своими силами барьер вспыхнул и погас. И когда другой боец прицелился с размаху врезать мне по голове, мир осветился ярко-рыжим. Точно такой же цвет я видел изнутри Казер-брони, только на мне не было ремней. Эта штука работала, питаясь моим даром. Моей нитью.

Наделённые застыли в замешательстве, вычерпанный до дна Наделённый безвольно рухнул на колени, смотря на меня пустыми глазами. Перекатившись в сторону, я поднялся на четвереньки, прислушивался к течению эфира внутри себя, но хаотичные потоки разного, как сказала Анна Игоревна, качества совершенно дезориентировали.

Нашарив шершавую рукоять выпавшей дубинки, я приготовился. Наделённые опомнились, бросились на меня всем скопом, и я успел отбить лишь один удар, но новая попытка вычерпать эфир из Казер-брони лишь ранила ладонь. Я пропустил ещё два удара.

Кто-то пнул меня в грудь, рёбра противно занули. Снова поднявшись, я отступил. Эти ублюдки теснили меня в угол, их всё ещё четверо. И только я решился использовать дар Куропатова, призвать острый клинок, лампы моргнули, и яркий свет осветил комнату.

Дьявольщина!

Сейчас не имело значения, кто поспособствовал возобновлённому электричеству. Важно лишь то, что камеры, если они здесь имелись, совершенно точно зафиксируют способность, которой я не должен владеть. Быть может, они этого и добивались? Но не позволить же им просто забить себя как скот!

Прижавшись спиной к холодной стене, я снова сконцентрировался на символе своего Рода, проговаривая про себя спасительную мантру. И я снова увидел нити, но в этот раз, видение стало расплывчатым, будто я смотрел через грязное стекло.

Мне просто нужно освободиться от лишнего эфира. Не важно, что их четверо, и броня их не имеет значения. Всё это лишь тлеющие сгустки эфира, от которых сигаретным дымом поднимались тонкие нити, дрожащие будто на ветру. И тут меня осенило...

Мысленный приказ вернул меня в тело, я тут же вздёрнул руку в сторону дубинки, отставляя другую назад. Нужно следовать потоку, стать не вместилищем, а проводником. Встретив удар ладонью, я впитывал в себя эфир, выпуская излишки в стену. Оставшийся без начинки пластик просто рассыпался, но я всего лишь его обезоружил.

Меня не хватало сразу на стольких противников, я не успевал перестраиваться, и как

итог — несколько мощных ударов, и полная потеря ориентации — кто-то крепко приложил меня затылком об стену.

Действуя вслепую, я встретил удар Наделённого, поймав ладонью его кулак. Другую руку я вскинул в сторону, цепляясь за ближайший кусок плоти. Эфир проходил сквозь меня, испаряясь из одного наделённого, и сжигая плечо другого, но я не успел закончить работу. Один удар по голове я сдержал барьером, но второй пробил его, едва не выбивая меня из сознания. И в это мгновение пришло спасение.

— Что здесь...?

Я узнал голос Никитина, но видел лишь смутные очертания фигуры за спиной избивавших меня бойцов. Я увидел сияние десятков рапир, будто мне на выручку собралась целая армия, но видел только одну фигуру, и слышал только его голос. А потом я почувствовал влажные брызги на лице. Брызги чужой крови.

Последними силами я оттолкнулся от стены, бросаясь на размытую фигуру. Я вцепился в шею Наделённого, спуская дар с поводка. Одновременно черпая его эфир и удушая, я мёртвой хваткой держался за тёплую плоть, до боли напрягал мускулы, и только со второй попытки услышал своё имя.

— Федя!

Голос Никитина едва пробивался сквозь звон в ушах. Расслабив мышцы, я бессильно рухнул на мёртвое тело. Пальцы дрожали, сгибаясь против воли, будто я продолжал душить Наделённого, меня пробрал жуткий озноб.

— Очнись! Ну же!

Он подхватил меня за руки, оттащил в сторону и усадил на стул, протягивая тёмную чашку. Почему это не кофе... Жадно глотая воду, я понемногу приходил в себя. Головокружение отступало, но теперь власть над телом взяла ноющая боль, особенно в плечах и шее. Им особенно досталось. Проведя ладонями по лицу, я поднёс их к глазам.

— Целый, лицо не тронули, — хмыкнул Никитин, коснувшись моего виска. Зашипев, я отбросил его руку.

Взгляд наконец удалось сфокусировать. Все шестеро Наделённых лежали без движения. Трёх уложил Никитин, троих я. Невольно осмотрев потолок, я заметил маленький чёрный шарик в углу, мигающий красной точкой. Вроде бы, я не исполнял на камеру ничего сверхъестественного, никаких вылетающих из рук мечей или взрывающихся пузырей. Ничего, что они могли бы использовать против меня.

— Пришёл в себя?

Никитин стоял рядом, скрестив руки на груди. Он даже не запыхался, подоспел к самому концу представления, и всё же парень был сильно напряжен.

— Немного. У меня двоилось в глазах, или твоих рапир было...?

— Много, да.

Дополнять ответ он не стал.

— Ладно, чёрт с тобой... Как ты здесь оказался?

— Решил поглядеть, в каких условиях тебя будут содержать, но это... — он обвёл взглядом комнату. — Такого я не ожидал.

— Грибоедова видел? Нужно найти этого ублюдка...

Безбожно крихтя, я поднялся, держась за отбитые рёбра. Никитин предложил плечо, но я отмахнулся, ковыляя к выходу.

— Нужно кого-то вызвать сюда, убрать этот беспорядок.

— Оставь. Всевидящее око всё видит, — я махнул рукой в сторону камеры. — Скажу честно, Никитин. Тебя я меньше всего ожидал здесь увидеть.

— Я вмешался не из добрых побуждений. Всего лишь поступаю так, как велит мне честь.

Постепенно расхаживаясь, я ускорил темп, двигаясь к лестнице. Лифтам в этом здании я больше не доверял. Никитин молча следовал сзади, и от чего-то, его присутствие сильно меня раздражало.

— Расстроился, небось, что всё так обернулось?

— Ты о чём?

— Ты выглядел довольным, содействуя моему аресту, — напомнил я. — Несовершенная месть, должно быть, больно давит?

— Мне не за что мстить ТЕБЕ, — огрызнулся он, заходя за мной на лестничную клетку. — Мой гнев направлен скорее на твоего отца. Ты лишь отражение этого человека.

— Выговорись, полегчает. Нам тут... — я глянул вверх, — пять этажей ковылять, а под чужую болтовню мне проще абстрагироваться от боли. Что, по-твоему, я отражаю?

Он ответил не сразу. Шаги гулко отражались от стен лестничной клетки, холодный металл перил неприятно резал ладонь. Внешних повреждений не было, но я пропустил через себя гигантскую порцию эфира, это не могло пройти бесследно.

— Вспомни, как ты поступил с Семёном на Казерай, — наконец произнёс Никитин. — Ты не просто побил его, ты прилюдно унизил и раздавил его. И к чему это привело?

— Я не толкал его на самоубийство.

— Ты мог поступить по чести, и протянуть руку поверженному врагу.

— Который пытался меня прикончить? — благочестивые рассказы Никитина вконец меня допекли. — Ты хоть знаешь, что он испортил мою Казер-броню? Он собирался убить меня, списав это на несчастный случай, а ты обвиняешь меня за пару брошенных оскорблений?

— Я лишь напоминаю, что подобное поведение характерно для вашего Рода. Твой отец мог просто осудить моих родителей, потребовать откупа, но он не остановился, пока они не упокоились в земле.

Он говорил спокойно, без эмоций. Очевидно, что парень давно уже пережил потерю, но всё равно воцарившееся молчание неприятно давило, добавляя страданий избитому телу. Что бы между ними не произошло — это не моё дело. Если Никитин не собирается устраивать личную вендетту, тем лучше.

Победив, наконец, проклятую лестницу, мы вышли в ослепляющий роскошью холл. Никитин держался впереди, готовясь использовать дар, если потребуется, но нас никто не встретил. Здесь вообще было подозрительно пусто, и Грибоедова, разумеется, в его кабинете не оказалось. Гневно ударив по двери, я выругался.

— Сбежал, крысёныш...

— Как?

— Я слышал, что периметр безопасности прорван, — неохотно вспомнил я. — Он мог заранее готовить себе путь для отхода.

— И куда ему бежать? — нахмурился Никитин. — После покушения на аристократа, ни один благородный не пустит его на свои земли.

Об этом я тоже думал. Преступивших закон простолюдинов могли казнить прямо на месте, Ассамблея вручила благородным такие права. И всё же, оставалась ещё башня

Фатума, если он сможет туда добраться.

Без планшета, я не мог связаться с Михайловым, но произошедший инцидент вручал мне права использовать другой инструмент. Загнать эту крысу большими силами. На мою просьбу написать одноклассникам, Никитин усмехнулся.

— Устроим большую охоту?

— Есть другие идеи?

Он связался с ними на ходу, быстро шагаты я всё равно не мог. И когда мы добрались до холла, там уже собралось десять ребят. Я узнал только Льва и Васю Капустина. Последний округлил глаза, заметив в каком я состоянии.

Остальные, шестеро парней и двое девчонок, застыли в напряжении, нетерпеливо поглядывая на выход. Зелёно-синее сочетание их формы, вместе с вышитыми символами Рода на груди, создавало впечатление, что это две команды собрались поиграть в местную альтернативу поло. Или во что там играли аристократы из Англии.

— Никитин ввёл вас в курс дела? — спросил я ребят. В ответ согласные кивки. — Магистр может зайти дальше, им до смерти хочется заполучить мою шкуру.

Лев скрестил руки на груди, смерив меня раздражённым взглядом.

— Ты только нос не задирай Аронов. Уверен, вся эта суматоха вокруг тебя всего лишь...

— Замолкни! — От приказного тона Лев опешил. — Меня пытались прикончить, а тебя беспокоит игра в "кто-кого-круче"?

— Я лишь...

— Не круче, Лев. Здесь нет Люды, некому подогреть жертву. Ну, и как ты поступишь?

Отведя взгляд, он пристыженно замолчал. Дьявольщина, зачем я это устроил? Сейчас меня душат проблемы посерьёзней буллинга от одноклассника, но нервы и так ни к чёрту. Ладно, глубокий вдох...

— И всё же я согласен со Львом, — продолжил я. — Вы все, — я обвёл взглядом собравшихся, — знаете меня как самого обычного одарённого. Я никогда не выделялся ничем особенным, и от того очевидней, что последние события не что иное, как политический заказ.

— Но с Куропатовым ты хорошо дрался, — заметил Капустин. — И на испытании ветров долго продержался.

За неуместную сейчас похвалу, мне захотелось придушить Васю. Весь настрой мне сбил!

— Я не сделал ничего большего, чем сделал бы отец в моём возрасте. И также, как и он, я наотрез отказался заключить договор с Магистерией, потому что знаю: моё заключение в Академии кому-то выгодно, и я не собираюсь плясать под чужую дудку.

Спорить они не стали. В конечном счёте, все мы, дети благородных Родов, в одной лодке. Они наверняка примерили на себя мою участь. Даже первокурсники, ещё не успевшие как следуют унюхать запашок Фатума. И всё же, такая толпа одарённых представляла собой грозную силу, с которой Магистерию придётся считаться.

— Рассредоточимся. Будем искать ублюдка на территории, если он ещё не...

— Не придётся, — окликнул Никитин, выглядывая на улицу. — Он уже ждёт нас.

Я быстро пересёк холл, чтобы понять о чём речь. За дверьми центрального входа царилась ночь, и посреди ближайшей лужайки ярким сиянием выделялся дым из глаз Наделённых. Их было с десятков, ещё двадцать обычных бойцов с оружием, и все они плотным кольцом окружали магистра в этом нелепом, домашнем халате.

Из нашей группы, только Капустин попятился назад, но остальные наоборот воодушевились, предвкушая славную драку. Лев выступил вперёд, собираясь запалить Родовой дар. Грибоедов же, выглядел спокойным. Неужели он не понимает, что против десяти Одарённых у его небольшой армии нет шансов?

— Фёдор Аронов! — окликнул он, когда мы вышли на улицу. — Именем Магистерия Фатума, я обвиняю тебя в организации мятежа!

Я громко расхохотался. Ребята, однако, моего веселья не разделяли. Громкое обвинение заставило большинство сбиться с шага, и только Никитин даже побагровел от ярости.

— Что в следующий раз придумаешь?

— Не усложняй своё положение, — с лёгкой ухмылкой ответил Грибоедов, окинув взглядом собравшихся. — И вы тоже.

И только когда послышался шум моторов, я понял, почему магистр так спокоен. По территории кампуса, в нашу сторону ехало пять черных джипов. И на борту каждого автомобиля красовался императорский герб.

Интерлюдия

Когда Куропатов-старший зашёлся в кашле, Чтец недовольно поморщился. Болезнь этого человека не была заразной, но он с трудом сдерживал желание задержать дыхание и прикрыть нос. Сегодня, Чтец ненавидел Аркадия ещё сильнее, потому что его выдернули из омута наслаждений, в котором он пребывал последние дни. Вызвали, как жалкую прислугу! И всё ради чего?

Единственное утешение — с каждым днём, обещанный куш становился всё ближе. Когда цесаревич закончит играть с Ароновыми в эти игры, ему достанется жирный кусок их территорий. Неофициально, но доход, выраженный в чистейшем эфире, надолго обеспечит досуг Чтеца. Как же он ненавидит ждать...

— Что ты хмуришься? — с едкой ухмылкой поинтересовался Аркадий. — Тебе даже не придётся марать об него свой дар. Достаточно одного твоего присутствия, чтобы придать легитимности нашей маленькой сценке.

— Ему есть что терять. Почему ты так уверен, что он добровольно примет обвинения?

— У него не будет возможности проанализировать ситуацию. Когда с ним покончат, парень будет просто безвольным овощем, как мы и планировали.

И всё равно Чтец не мог избавиться от беспокойства. Раздражённо кутаясь в просторный плащ, он поинтересовался:

— Ты слишком самоуверен Аркадий. Откуда такая уверенность, что Грибоедов не пойдёт против нас, изблотив эту маленькую... авантюру?

— На то есть причины, — недобро хохотнул Куропатов-старший. — Поверь, я крепко держу этого засранца за яйца.

— Избавь меня от подробностей ваших взаимоотношений, — скривился Чтец. — Ты просишь меня лжесвидетельствовать. Рискнуть репутацией! Я должен быть уверен.

— Я предусмотрел все варианты, — отмахнулся Аркадий.

С каждым днём, лицо Куропатова приобретало всё более болезненный вид. Глаза покрылись красными трещинками, кожа на щеках шелушилась. Он наотрез отказывался от лучших лекарей и выглядел человеком, уверенном в своём плане. К сожалению, в распоряжении Чтеца были всего лишь слухи, про забытую практику насыщения тела

Эфиром. Что-то, выходящее за грань превращения человека в Наделённого.

Опасный прецедент для империи. Цесаревич играет с огнём, позволяя Куропатову играть в эти игры. Мало империи Аронова, дразнящего Императора силой своих Наделённых... Если Аркадий задумал создание личной армии, император вмешается и пойдёт до конца. Он не успокоится, пока все заговорщики, включая его наследника, не упокоятся в земле.

— Ты должен подчистить все хвосты, — высказал беспокойство Чтец. — Даже если ручной магистр играет роль в этом твоём...

— Заткнись, — вздёрнул руку Аркадий, побагровев от ярости. — Не забывайся, Чтец! Мы не обсуждаем мои дела.

— И всё же?

Куропатов-старший недовольно хмурился, глядя в окно. Здание Академии уже показалось на горизонте.

— Я готов заплатить эту цену. Одна фигура — несущественная плата за шанс угодить нашему общему знакомому. Мы должны сыграть в его игру, прежде чем начнётся делёжка территорий. И ты заплатишь свою, — добавил Аркадий, пригвоздив Чтеца взглядом.

— Я уже пытался, — неохотно напомнил Чтец. — На всём, что связано с тренировкой наделённых, стоит мощный блок.

— Расслабься, у тебя будет полно времени и эфира. Когда с ним закончат, Фёдор станет твоей личной лабораторной крысой, — недобро усмехнулся Куропатов.

Звонок телефона прервал их беседу. Куропатов поднял трубку и с каждой секундой всё сильнее мрачнел. Отняв телефон от уха, он коротко сказал.

— Планы меняются.

— Что? В последний момент?

— Да. И тебе это не понравится.

Массивные джипы не щадили аккуратную лужайку, припарковались как попало. Хлопнув дверьми, в нашу сторону выдвинулась группа невооружённых людей. В их походках и манерах угадывалась привычная вседозволенность. Двое Наделённых подчёркнуто оглядывали периметр, ярко-рыжая дымка из глаз дрожала на ветру. Четверо других, в военных мундирах со знаками императорского дома, неспешным шагом направились в нашу сторону.

Магистр Грибоедов встречал их улыбкой, но, когда один из гостей, высокий мужчина с густой бородой, положил руку ему на плечо, встревоженно изменился в лице.

— Пройдёмте, Магистр. Нужно поговорить.

— Но... Аронов...?

— Это уже не Ваша забота, — подчёркнуто агрессивно процедил он.

Наделённые ушли с бородачом, а ко мне подошёл сутулый очкарик, на котором мундир смотрелся нелепо. Будто младший брат надел форму старшего. Поправив очки, он слегка поклонился.

— Господин Аронов. Мы получили сведения о произошедшем, и прибыли так быстро, как могли.

— Какого характера сведения?

— Записи с камер видеонаблюдения. Пройдёмся?

— Зачем? — я невольно оглянулся на однокурсников. При взгляде на символ императора, они резко поумерили пыл.

— Всё в порядке, с Ваших друзей лишь соберут свидетельства. Особенно, нас интересует Слово Антона Никитина.

Переглянувшись с Никитиным, я вопросительно поднял бровь. Тот ободряюще кивнул.

— Что ж, ведите.

Очкарик жестом пригласил следовать за собой. Сложив руки за спиной, он ссутулился ещё больше, наклоняясь вперёд, будто поддерживая равновесие неравномерного тела.

— Обсуждать формальности я не вижу смысла, так что начну с самого сложного. Вы планируете выдвигать обвинения против Магистерия?

— Разумеется. Меня дважды пытались прикончить в этом проклятом здании!

Пнув ботинком выпавших из почвы камушек, очкарик задумчиво поцокал.

— Безусловно, Вы имеете на это право. Однако я должен напомнить Вам о роли, которую исполняет магистерий Фатума. Поиск мессии — важнейшая...

— Погодите, — я остановился, потрясённо глядя на очкарика. — Вы собираетесь их оправдывать?

— Лишь объяснить мотивы магистра, изрядно превысившего свои полномочия, — вкрадчиво поправил очкарик. — Магистерий выполняет непростую работу, и мне, как главному императорскому инспектору, поручено донести до Вас мотивы поступка господина Грибоедова.

— Представитесь?

— Олег Самсонов, — слегка поклонился очкарик. Его лицо осветила улыбка, он заинтересованно посмотрел на меня исподлобья. — Дочка сообщила о Вашем интересе к её персоне, но моё личное отношение к делу не относится. Я говорю от имени Императора.

Однако, — он вздёрнул палец, — я весьма рад тому, что Настю заинтересовал человек из высших кругов, и мы охотно принимаем Ваше приглашение.

Дьявольщина! Уж не сватать ли дерзкую дочку он собирается? В памяти всплыли слова Марка, «мать будет довольна». Значит и моя родня воспринимает приглашение именно так? Теперь понятно, почему Настя сочлась злорадством. Рассчитывать, что она испытывает к Фёдору романтические чувства, не приходится, мне ещё предстоит разгадать, что за игру она затеяла.

— И всё-таки. Почему Вы их защищаете? — не унимался я. — Такими темпами магистры любого одарённого станут подвергать пыткам, чтобы получить над ним контроль.

— Не пыткам. Испытаниям, — поправил Самсонов. — Но Вы правы. Спускать не тормоза это дело никто не станет, мы пригласили Чтеца для разбирательства по этому вопросу. Я лишь хочу убедиться, что, если исход Вас устроит, Род Ароновых не станет пытаться нарушить текущее... — он пожевал губу, подбирая слово, — ...перемирие.

Значит между фанатиками и благородными всё же велась война. Пусть не явная, но даже очкарик этого не отрицает.

— Моя цена проста. Я хочу уехать отсюда. Подальше от Магистерия, с их проклятым Фатумом. Я смертельно устал от постоянного контроля и попыток привить мне незаслуженную роль Мессии.

— Понимаю.

— Я обычный человек, ясно? И меня не устраивает власть Магистерия, которые скорее запытают меня до смерти, чем признают это. Провалились с отцом, решили отыграться на мне. Это слова Грибоедова, кстати, — напомнил я.

— Вас не станут удерживать силой, — кивнул Самсонов. — Я лишь прошу дождаться вердикта Чтеца.

Он обозначил время, три часа. Это всяко лучше, чем две недели, так что я без промедлений дал своё согласие. Самсонов ещё пытался навязать разговор, но я спешил покинуть его общество. Головная боль возвращалась.

Нужно вернуться к Анне, закончить с пробуждением. Вся её помощь по освобождению моего тела от излишков чужого эфира пошла насмарку. После боя с Наделёнными, внутренний сосуд снова переполнился. Благодаря ей я научился идентифицировать ощущения, и чётко ощущал эти излишки, от которых так просто не избавиться.

Однако, когда я уже направился к зданию, сквозь ночную тьму в мою сторону побежала женская фигурка. Запыхавшись, Ириша наклонилась, опираясь на колени и умоляюще протягивая ко мне руку.

— Господин Фёдор... Пойдёмте со мной, пожалуйста...

— Что случилось?

— Семён Куропатов, — коротко выпалила она, делая глубокий вдох. — Он очень плох, постоянно проваливается в сон, но когда приходит в себя, умоляет позвать Вас. Я больше не могу слушать его мольбы, это... Так тяжело!

— Он не сказал, зачем я ему? — В ответ, Ириша лишь пожала плечами.

Посещение лечебницы не было в моих планах, там всё ещё заведовал верховный целитель, в чьих связях я тоже сомневался. Грибоедов не мог действовать один, и это может быть ловушкой. Даже сама беседа с Куропатовым может принести неприятности, если со мной не будет свидетеля.

Нужный человек нашёлся у входа в Академию. Михайлов, самодовольно ухмыляясь,

указал взглядом на имперских служащих.

— Быстро, а? Говорят, прибыли, как только получили от меня видео, но мы то знаем, что они и до этого момента направлялись в Академию. Хитрые ублюдки...

— Ты отлично сработал, я этого не забуду, — благодарно кивнув, я указал на нервно потирающую руки Иришу. — Последняя задача здесь. Утром я покину стены Академии.

Коротко обрисовав ему сообщение от Ириши, я попросил Михайлова обезопасить меня от возможных подстав, но тот успокаивающе улыбнулся.

— В присутствии Инспектора они не посмеют. Но я провожу, если тебе так будет спокойнее.

Морщась от головной боли, я вёл свою группу в сторону лечебницы. Меня терзали сомнения, относительно мотивации имперских представителей. Желание погасить инцидент мне понятно, но то, как быстро они сюда прибыли говорило об обратном. Они ехали обвинить меня.

— Пока я буду говорить с Семёном, свяжись с Марком. Хочу иметь возможность уехать отсюда, как только покончим с формальностями.

— Сделаю.

Холодная исполнительность Михайлова имела один недостаток. Я начинал к нему привыкать. И стоя на пороге «шага в большой мир», мне следует избавиться от иллюзий. Возможности стража в стенах Академии почти абсолютны, он здесь как рыба в воде, но неодарённый человек с плохой репутацией — так себе подспорье.

Усатый охранник на входе преградил нам путь, но увидев Михайлова, послушно сместился в сторону. Глядя на аккуратный сад, я невольно содрогнулся. Ещё свежи воспоминания о первых шагах в этом мире. Многого ли я добился с тех пор? То, что я остался жив — уже результат, но что касается развития дара — здесь стоило изрядно ускориться.

И речь даже не о таинственной способности поглощать чужие дары, я должен развить дар Рода, чтобы не зависеть от того, кто наблюдает за сражением. Мне нужна свобода действовать в полную силу.

— Сюда, — скомандовала Ириша, выбравшись вперёд.

Девушка торопливо переставляла ноги, ведя нас по лабиринту больничных коридоров. Здесь всегда были пациенты, сказывалась постоянная боевая практика одарённых. Даже сейчас, посреди ночи, нас провожал удивлённым взглядом студент с подбитым глазом и в больничном халате.

Палата Куропатова находилась в конце длинного коридора, в ней он лежал один. Внешне, я бы не сказал, что Семёну сильно досталось. Плохое состояние выдавала лишь дрожь в руке, которой он пытался поднести чашку к губам.

— Господин, давайте я помогу!

Ириша подскочила к пациенту, перехватывая чашку из его рук, но увидев меня, Семён отстранил её.

— Дай мне с ним поговорить. Наедине, — добавил он, стрельнув взглядом на Михайлова.

Кивнув стражу, я запер за ними дверь и подошёл к своему сопернику. Впервые я оказался с Семёном наедине.

— Зачем ты полез в испытание?

— Догадайся, — огрызнулся он.

— Хотел доказать, чего ты стоишь? — я усмехнулся, подтащив к себе табурет. — Тебя так задела мои слова?

— Не только твои.

Он напряжённо сверлил меня взглядом, желваки играли на скулах. Сжимая и разжимая кулаки, он медленно разгонял дыхание, набирался решимости.

— Я убью его, — просто сказал он. — И вряд ли останусь жив. Поэтому, я хотел, чтобы ты знал.

— Что?

— Это я надавил на техника. Я испортил аппаратуру. Из-за меня ты чуть не подох в этой клетке. Ясно?

— Гордишься своим поступком?

Стиснув кулаки, он хотел ответить оскорблением, но брань так и не сорвалась с его губ. Обессиленно обмякнув, он откинулся на подушку, уставившись в одну точку.

— Нет.

— И кого же ты собираешься убить? Грибоедова?

— Отца.

Огромных усилий мне стоило сдержать довольную ухмылку. Обернуть усилия невоздержанного исполнителя оказалось легче, чем я думал.

— Зря.

— Что?! — Семён возмущённо подался вперёд. — Ты хоть представляешь, что это за гнида в человеческом облики?

— Представляю. И всё же, так ты ничего не добьёшься. Посуди сам. Он умрёт быстрой смертью, пытать его ты не станешь, не та натура.

— Это мы ещё посмотрим, — огрызнулся Семён.

— Ты никак не накажешь его, а просто избавишь от мучений. Я уже молчу про вероятность того, что отец окажется тебе не по силам. Он ведь уже хотел тебя убить, ты в курсе?

— Когда?

— Проблемы с электричеством ты не застал, верно? — неудобно устроившись на табуретке, я закинул ногу на ногу, глядя на пациента сверху вниз. — Грибоедов был уверен, что ты мёртв, и хотел обвинить меня в твоей смерти. Просто чудо, что в твою дурную голову пришла идея испытать себя именно в этот момент.

— За языком то следи, Аронов...

— Если ты действительно хочешь доказать всему миру, что Куропатов-младший чего-то стоит, ты должен выжить. Прогнуться сейчас, чтобы ударить отца в уязвимое место тогда, когда он этого не ожидает. Переиграть кукловода в его же игре.

Снова напрягаясь, Семён обречённо уставился в одну точку.

— Это не мой уровень. Отец... Если я не убью его сейчас, то потом у меня не будет шанса. Он собирается лишить меня права наследования, исключить из Рода, как какого-то ублюдка!

— Спокойно, с этим я помогу. Есть у меня одна идея, но мне нужно, чтобы ты остался дееспособным. Когда с твоим отцом будет покончено, его земли перейдут тебе.

— А что взамен?

— Союз, — улыбнулся я. Слово «верность» было неуместным, оно бы только распалило уязвлённую гордость юного Куропатова.

Задумчиво уставившись в одну точку, он оценивал перспективы моего предложения.

— И что ты хочешь, чтобы я делал? В ноги ему упал, умолял не прогонять меня?

— Так ты только покажешь слабость. Нет. Он узнает, что я приходил к тебе, у него наверняка здесь везде глаза и уши. Более того. Позвать меня было благородной, но тупой затеей, — я сочувственно поглядел на Семёна. — Твои шансы на выживание стремятся к нулю.

— И что делать?

— Во-первых, скажешь, что я пришёл по собственной инициативе. Во-вторых, дай ему понять, что драку в спортзале я воспринимаю как соперничество между двумя наследниками. И твои шестьдесят три процента на «ветрах» только распалили мой гнев.

— Но ты же не дурак, — насупился он. — Любой бы понял, что к чему.

— Уязвлённый гордец, — поправил я. — Скажешь, что я потребовал повторения эксперимента. Наперегонки.

— Сдурел? — он аж глаза округлил. — Я в эту шутку больше не полезу!

Устало протерев виски, я набрался терпения.

— Ты не о том думаешь, Сём. Твой отец воспринимает людей как ресурс, и если потенциально, через тебя он получит хоть какой-нибудь рычаг давления на Аронова-младшего, зачем бы ему это не понадобилось, он позволит тебе остаться.

Замолчал, думает. Не уверен, что усилия окупятся, но терять потенциального человека в стане врага я очень не хотел. Тем более такого. Злость Семёна будет только распалется со временем, и если Куропатов не прочитает мотивы своего сына, я смогу нанести удар в нужный момент и это ничего не будет мне стоить.

— И ты хочешь, чтобы я доверился тебе? После того, как пытался тебя покалечить?

— Мы больше не враги, мы союзники, Сём, — добродушно улыбнулся я. — Тебя ведь удивило то, как Алексей резко стал к тебе холоден? Ну так я открою карты, — широким жестом разведя руки, я объявил: — я шантажировал его, чтобы обвинить тебя перед Ассамблеей.

— Ах ты...

— Тихо! Я сообщил эту информацию, чтобы донести одну простую мысль. В этом больше нет смысла. Мне не выгодно твоё обвинение, наоборот. Куропатов-младший должен наращивать репутацию, потому что терпеть тень твоего отца за спиной я не намерен. Мы в одной лодке, Сём.

Протянув руку, я почти не сомневался, что он согласится. Всё-таки Семён слишком долго подчинялся отцу и рисковал, потому что боялся его. Такой человек может обсуждать самоубийственную миссию, но, когда дойдёт до дела, он сдрейфит. Так что Семён с радостью вцепится в спасительную идею, и ответное рукопожатие подтвердило мою теорию.

— Значит союзники? — исподлобья глянул он. — Не думал, что всё так закончится.

— Стратегическое мышление — не сильная твоя сторона, — честно сказал я.

— Я следовал приказам отца. В точности!

— Теперь у тебя есть воля поступать так, как считаешь нужным.

А точнее, так, как считаю нужным я. Вслух этого говорить я, конечно, не стал.

— И когда ты хочешь устроить это... испытание?

— Я сообщу. Но это не всё, Сём. Остаться возле отца — всего лишь пол дела. Если ты хочешь его уничтожить, ты должен узнать, какова его цель. Зачем он так дотошно охотился

за моей шкурой... — склонив голову на бок, я усмехнулся. — Ты ведь не знаешь, да?

— Я... Я узнаю!

— Верю. Ты теперь свободен, Сём. Посмотрим, чего ты добьёшься, — кивнул я, поднимаясь.

Наскоро прикинув варианты, я предложил Семёну небольшие заготовки для речи. Ему предстоит выступить перед отцом. Пусть Куропатов-старший считает, что я проникся уважением к его бездарной попытке обойти меня на «испытании». Желание окончательно доказать своё превосходство вполне вписывается в характер Фёдора.

Выходя из палаты, я крепко зажмурился, переживая очередную вспышку головной боли. Слабость в ногах и головокружение становились навязчивей с каждой минутой. И всё же, я должен дождаться вердикта Инспектора. Пробуждение дара с Анной может растянуться на долго.

Михайлов коротко отчитался, что Марк уже в пути, остальное меня не интересовало. Заняв столик в буфете лечебницы, я заливал кофеином штормивший организм. Помогало это так себе, но хотя бы удовольствие получил.

Нас вызвали намного раньше, прошёл едва ли один час. В сопровождении Михайлова, я вяло переставлял ноги, пересекая залитый ночной тьмой сад. Не хотелось возвращаться в главный корпус, но к счастью, представление намечалось на подъездной дорожке к центральному входу. Опять.

Зрителей стало намного больше, почти две сотни студентов. Для инспектора соорудили деревянный помост, на котором стоял он, Грибоедов, Одарённый в имперском мундире и ещё один магистр в халате, мне не знакомый. Полную фигуру Чтеца я тоже заметил, но Чтец игнорировал присутствие студентов, безмятежно глядя на помост.

Заметив меня, Самсонов махнул наделённым, и те сопроводили меня сквозь толпу, поближе к деревянному помосту. Студенты неохотно расступались, провожая меня удивлённым шёпотом. Лишь убедившись, что я занял почётное место возле помоста, Инспектор кивнул и громко начал:

— Как вы все знаете, Магистерий является обособленной организацией, и его императорское величество не контролирует их деятельность. Однако, когда Магистерий ставит свои интересы выше желания императора, мы имеем право вмешаться. Сегодня, Грибоедов Степан Алексеевич, магистр первой степени Магистерия Фатума, вопиющим образом превысил свои полномочия. Его мотивы понятны, но методы недопустимы. Империя этого не простит.

Оглядев присутствующих, сутулый очкарик кивнул Грибоедову. Тот шагнул вперёд.

— Я полностью признаю свою вину, и делаю это в здравом уме и чистой памяти. Я организовал нападение на наследника рода Ароновых, молодого графа Фёдора Аронова. Я организовал неполадки в аппаратуре «испытания ветров», и обвинял юношу в том, в чём он невиновен. Как верного служителя Фатума, меня подстёгивало желание помочь ему раскрыть свои способности, доподлинно убедиться в том, действительно ли юноша не является Мессией, которого все мы здесь, — он развёл руки в стороны, — ждём уже долгие годы. Я потерпел неудачу, и готов понести наказание.

Застыв, я оторопело пялился на совершенно спокойного магистра. Он только что взял на себя чужую вину! Неужели Куропатов-старший решил заступиться за сына? Какова же его власть над этим человеком? Из кресла магистра в тюремную камеру... Дьявольщина, мне нужно с ним поговорить. Нужно вернуть украденный у Чтеца дар, заглянуть в его память,

и...

— Решение графской Ассамблеи принято заочно, — громко продолжил Инспектор. — За организацию нападения на Одарённого, магистр приговаривается к смерти.

Скользнув взглядом по толпе, Грибоедов увидел меня. В его взгляде не было ненависти, лишь спокойная безмятежность. Он даже улыбнулся, опускаясь на колени. И одарённый, шагнув к магистру, коротким взмахом руки запалил родовой Дар — двуручный меч неестественно огромных размеров. Быстрым, резким ударом, он отрубил голову Грибоедова.

Глядя на обезглавленное тело, я судорожно соображал, как это может мне аукнуться. И больше всего, меня беспокоила судьба только что завербованного Семёна. Если парень проговорится, не поймёт, что его вину взял на себя другой человек...

— Господин Аронов, на минуточку, — позвал Инспектор. За ним шёл незнакомый мне магистр.

— Не сейчас. Я не в том состоянии.

— Я лишь хотел познакомить Вас с новым куратором, и обсудить дальнейшую судьбу Вашего обучения.

— Не считите за оскорбление, господин инспектор, но я только что пережил тяжёлый бой, и едва держусь на ногах. Что уж говорить о способности трезво мыслить.

Незнакомый Магистр, уже нацепивший дружелюбную улыбку, смущённо застыл, вопросительно глядя в спину своему провожатому, но тот милостиво кивнул.

— Значит утром. Мы останемся в Академии ещё на восемь часов, привести в порядок последствия этого... инцидента.

Сил хватило лишь молча кивнуть. Сбивчивым шагом, я пробивался через толпу, игнорировал жужжание студентов, задававших мне вопросы. Картинка в глазах уже поплыла, я даже не был уверен, что иду к главному входу.

— Всё в порядке?

Голос Михайлова пробился через шум галдящей позади толпы. Я велел ему вести меня к Анне, и, опираясь на его руку, медленно ковлял следом.

Ночная прохлада помогала мне оставаться в сознании, и когда мы ступили в тёплые помещения, в сон стало клонить нещадно. Не разбирая дороги, я петлял по коридорам и лестницам, пока знакомый запах пыли не ударил в ноздри.

— Федя!

Лера сорвалась в мою сторону. Её голос звучал испугано. Ну конечно, видок у меня сейчас был тот ещё. Они помогли мне усесться на матрас. Ласковыми прикосновениями, Анна Игоревна ощупывала мою шею, лицо.

— Он совсем плох. Верни мне контроль, Лера, иначе я не смогу помочь.

— Контроль? — удивлённо произнёс Михайлов.

— Выйдите, Александр Ефимович. Это Вас не касается.

— Я никуда не уйду! Что ты сделала с Анютой?!

— Тихо... — прохрипел я. — Всё идёт своим чередом. Остайся, Саша. Мы все заодно.

С каждым словом сбивалось дыхание, но они меня слышали. Я полностью полагался на верность своих людей. Необычное чувство. В прошлой жизни, я доверял только отражению в зеркале, и то не всегда. Память Фёдора искадила мои привычки. Слово аристократа было для него нерушимым гарантом. И всё же, прежде чем расслабиться, я мысленно напомнил себе, чем я привязал к себе этих людей.

— Ты снова полон, Федя, я помогу, — шептала Анна, помогая мне вытянуть руку. — Вот так, выпусти из себя энергию. Почувствуй мой дар.

Следуя её голосу, я позволил чужому эфиру струиться по телу. Родовой символ сам собой всплыл перед мысленным взором. Болезненные судороги в руке заставляли совершить необдуманый поступок, но Анна крепко цеплялась за мою кисть, не позволяя согнуть руку.

В голову пришло дикое сравнение, она ведь как будто бы доит меня. Слабой усмешкой, я едва не потерял концентрацию, но уже спустя несколько секунд снова обрёл контроль. Так, как никогда ранее.

Тело Фёдора оказалось внизу, я парил над ним, изучая соединявшие нас нити. Только Михайлов оказался не связан ими. Нить, связывавшая Анну Игоревну слабо дрожала, как дым на ветру. Яркими комочками, по ней спускались сгустки эфира, питая моё тело через её руки.

Но всё это я уже видел. Это не давало мне понимания. Позволяя видению унести меня дальше, я перестал различать очертания тел, комнаты. Я видел лишь несколько ярких сгустков в темноте, привязанных к чему-то, что находилось далеко отсюда. И один сгусток был куда ярче и больше остальных. Это был я.

Яркая вспышка, и моё зрение приобрело немыслимую до этого момента фокусировку. Простая привязка обратилась спутанным клубком. Часть нитей связывала меня с Лерой и Анной. До этого момента я был уверен, что просто копировал чужой дар, но сейчас понял, что ошибался. Я забирал себе часть их Дара, часть канала, через которой к нему подступал эфир.

Связанная со мной нить ярко вспыхнула, стала толще. Она звала меня, приглашала проследовать за ней, также, как это было на уроке «дароведения», только в этот раз я не сопротивлялся и позволил течению унести меня вверх.

Чем выше я поднимался, тем больше видел нитей. От совсем тонких, до мощных каналов, они спутывались, переплетались и уносились далеко за горизонт. Туда, где ярко сиял огненный, ярко-рыжий столб. Продолжая течение, я уподобился ветру, следуя по направлению к сверхскоплению эфира. И тогда я увидел его.

Впервые я видел могучий Вихрь, поднимавшийся к самому небу. Тысячи, миллионы нитей поднимались к нему, опутывали его и пускались в контролируемую круговерть. Я был уверен, что источник питает силы Одарённых, питает каждый сгусток эфира, будь то Наделённый боец или Казер-броня, но следуя за яркими вспышками, поднимавшимися по нитям, будто электрическим всполохам из старых фантастических фильмов, я осознал, что это взаимосвязанный процесс.

Вихрь питает Одарённых, и взамен Одарённые питают силу Вихря. Бесконечный круговорот эфира хрупким балансом создавал магию в этом мире, и я в нём оказался аномалией, неизвестной переменной.

Дарованная перерождением власть позволила мне забрать часть нитей других людей. Под силу ли мне забрать их все? Даже троих наделённых оказалось достаточно, чтобы переполнить меня и едва не прикончить, но должен ли я забирать эту силу?

Словно отвечая на незадачный вопрос, картинка исказилась. Ярко-рыжее сияние в небесах приобрело багровый оттенок. Нити стали лопаться, отрываясь от Вихря как выпавшие из крепления шланги. Бесконтрольно болтаясь в воздухе, нити таяли, лишая связанного Одарённого доступа к магии, и чем больше нитей отрывалось, тем сильнее замедлялся Вихрь.

Расплетаясь как клубок, он замедлял вращение, скопленный Эфир поднимался к багровому небу и растворялся где-то... не здесь. В другом мире, или другом измерении, я не мог этого понять, но горькой тоской ощутил желание этой энергии вернуться туда. Вернуться домой.

Мне было позволено на краткий миг увидеть то, что там, за порогом. Я видел чужую

землю, где семена проросли из почвы, распустились в могучие деревья и неизбежно гнили, осыпаясь трухой. Я видел миллиарды людских созданий, за один миг пролетавших свою жизнь, видел судьбу материков, движение тектонических плит, силу ветра. Я видел, и начинал понимать, ЧТО мне пытаются показать. Это не просто хвастовство, это предложение. Предложение бессмертия.

Видение резко оборвалось. С судорожным вдохом я подался вперёд, но кто-то удержал меня за плечи. Холодный пот пропитал рубашку насквозь. Меня жутко колотило, и даже колючий плед не помогал согреться. Я всё ещё был высоко в небесах, далеко отсюда. Я был ветром и получал... послание от бури.

Понимание усваивалось медленно, как жирная пища на завтрак. Хотелось смеяться от того, как очевидно теперь стало местное мироустройство, но сочувствие к непостижимой силе, начавшей со мной диалог, не позволяло улыбке поселиться на лице.

Я слышал своё имя. Они повторяли его из раза в раз, трясли меня, но вся концентрация оставалась накрепко скреплена с силой, с которой я только что заключил союз. Бессмертие.

Всё, что мне нужно, чтобы его получить — расплести ураган. Покончить со стихийно организованной структурой магии, в которую неведомая сила, очевидно, вляпалась совершенно случайно. Видел ли это видение великий магистр Даут Марран? Кто-то подсадил ему мысль о поиске Мессии, человека, способного расплести вихрь, освободить его от оков. Но как это сделать?

Я пытался порвать нити, связывавшие Наделённых, это не принесло результата. Здесь я бессилен. И всё же, я мог забирать часть их дара себе. Наверное, я мог даже забрать его целиком, но эфир слишком сильно распространился по миру. Нет... Для решения этой задачи, мне нужно попасть к Вихрю.

— Федя, твою мать!

Взгляд сфокусировался на встревоженном лице Михайлова. Страж сидел на корточках передо мной, вглядываясь в зрачки. За его спиной стояла Лера, удерживая мужчину за плечи.

— Дай ему ещё немного времени, Анна же сказала...

— Пять часов прошло. Если его начнут искать, имперцы станут задавать вопросы, на которые мы не сможем ответить!

— Я... Здесь.

Услышав мой голос, Михайлов облегчённо выдохнул. Я почувствовал на плечах руки Анны Игоревны. Сильно надавливая пальцами, она нажимала на нужные точки, и тепло распространялось по телу. Всё равно зуб на зуб не попадал.

— Ну и напугал ты нас, — признался Михайлов. — Мессия... Шутка ли?

— Мы не уверены... — тихо поправила Лера.

— Я уверена.

Сползая с матраса, Анна отпихнула Михайлова, осматривая моё лицо. Заглянула в зрачки, ощупала пульс на шее. В отличие от Леры, женщина не казалась встревоженной. Она казалась одержимой.

— Что со мной было?

— Такого пробуждения я ещё не видела, — с жаром начала рассказывать Анна. — Тебя то били судороги, то ты охладевал до состояния трупа. Казалось, что ты покидал своё тело, и снова возвращался. Раз за разом! — всплеснув руками, она села по-турецки, положив мои руки себе на ладони. — Я пыталась контролировать течение Эфира в твоём теле, но это просто невозможно. В какой-то момент, я даже испугалась, что ты утащишь меня за собой,

и... — она не договорила, неловко улыбнувшись.

— Всё что вы здесь видели не должно стать достоянием общественности, — проговорил я. Сглотнув скопившийся сухой ком в горле, я отстранился, прижавшись мокрой спиной к стене. — И я прошу вас не делать поспешных выводов.

— Я горячо убеждена, что ты и есть тот, кого мы все ждали! — с жаром воскликнула Анна. — Уверена, пара частных уроков, и мы сможем разобраться...

— Не будет никаких уроков, — оборвал я. — Сегодня я уезжаю.

— Но... — растерянно бегая глазами из стороны в сторону, Анна вцепилась в мои руки. — Тогда возьми меня с собой!

— Преподавателя Академии? — я усмехнулся. — Как ты себе это представляешь?

— Я спасла тебя! Ты не можешь просто выбросить меня как использованную салфетку! Я заслужила это право!

— Право на что?

Отведя взгляд, она продолжила уже тише.

— Я хочу быть первой. Той, кто поможет развиваться дару Мессии. Я могу уволиться, правда ведь, Саш?

Михайлов будто пробудился ото сна. Встрепенувшись, он растерянно кивнул.

— Конечно, ты можешь разорвать контракт. Это испортит профессиональную репутацию, но тебя, как я погляжу, это мало волнует.

— Вот видишь? Федя, пожалуйста, возьми меня с собой... — Анна потянулась ко мне, но и Михайлов вмешался, опустив руку ей на плечо.

— Дай парню прийти в себя. Нас уже ждут.

Взявшись за протянутую руку, я поднялся, скидывая с плеч колючий плед. Дрожь в ногах быстро унялась, но вернулось ощущение «чужого тела». Каждый шаг давался с трудом. Каждый вдох заставлял лёгкие давить на грудную клетку изнутри.

— Нечего обсуждать. Ты видела то, что не должна была, Аня. У тебя нет выбора, ты поедешь с нами.

— Отлично! — радостно закивала она, — нас ждёт много приятных минут вместе...

Щенячий взгляд преподавательницы вселял надежду на её верность, а вот хмурый Михайлов начал казаться мне проблемой. Впрочем, времени на анализ у меня сейчас нет, предстоят нелёгкие торги с Магистерием. Так что для начала, я запрю всех свидетелей в безопасном месте.

— Ты связался с Марком?

— Он уже здесь. Кортёж ожидает за территорией, — коротко отчитался Михайлов.

— Лера, я поручаю тебе сопроводить Аню к моим людям. Ждите меня там.

— Но я нужна тебе!

Её голос сквозил обидой. Она уже так привыкла ходить за мной по пятам, и роль сиделки для взрослой женщины глубоко оскорбляла девушку.

— Нужна, — кивнул я. — Мне больше некому это поручить.

Растерянно кусая губы, она кивнула.

Михайлов порывался отвести меня в свободную комнату, или, хотя бы, на склад, взять новый комплект одежды, но я отмахнулся от предложения. Ни единой лишней секунды в этом гадюшнике.

— Свои вещи уже собрал? — спросил я Михайлова, провожая взглядом коридоры Академии.

— Пусть остаются. Я собираюсь исчезнуть, — довольно усмехнулся он. — Никаких громких прощаний, никаких выходных пособий. Хватит с меня их милости.

— Только законы не нарушай. Мой Род примет тебя чистым. Не тащи за собой неприятности.

— Да это ерунда, они сами хотят меня уволить. Я им не интересен, а вот ты... — он глянул на меня исподлобья. — Что за фокус ты устроил с Аней?

— Это не фокус.

— Хочешь сказать, ты тот самый избранный, которого всё человечество ждёт долгие годы? — недоверчиво поинтересовался он. — Судьбоносный Мессия, что изменит мир?

— Лера и тебе промыла мозги? — усмешкой ответил я.

— Они обе были весьма убедительны.

Хоть его голос и сквозил иронией, Михайлов вряд ли позволит мне уйти от ответа. Такие люди привыкли понимать, что происходит. Неизвестность пугает их и лишает равновесия.

— У меня есть некоторые способности, но не более. В эпоху, когда любую аномалию могут счесть знаменем избранного, несложно вбить в голову фанатика веру.

— Значит всё же фокусы. Но зачем? Если ты надумал заарканить Анюту...

— Мне нужна её помощь! Я только учусь контролировать дар, и без опытного проводника ничего не добьюсь.

— У Ароновых недостаточно своих тренеров?

— На всё есть причина, — грубо оборвал я. — Ты ведь поедешь вместе с ней. Чего тебе жаловаться?

Он не стал отвечать. Я думал про ревность, всё-таки Анна Игоревна весьма неводержанная особа, и намёки её недвусмысленны, но отнимать барышню у подчинённого не планировал. Строгие училки — это фетиш Фёдора, а не мой.

Мы поднялись на последний этаж, всё-таки на лифте. Фобии — фобиями, но физических сил у меня осталось совсем немного. Роскошный холл больше не пустовал, охрана из имперской гвардии контролировала каждый сантиметр, подозрительным взглядом провожая нас.

Кабинет покойного магистра уже претерпел некоторые изменения. Пропал раздражающий запах благовоний, а вещи с опустевшего стола ломались из коробок, сложенных в углу.

Место Грибоедова занял другой магистр. Самсонов сидел рядом, составляя вместе с ним какой-то график. Заметив меня, оба заулыбались. Лист исчез в ящике письменного стола.

— Фёдор! Как себя чувствуете? — заботливо поинтересовался Самсонов.

— Всё ещё погано.

Устало рухнув в кресло, я оглянулся на Михайлова, но тот уже закрывал за собой дверь. Судя по всему, подобные переговоры вне его компетенции.

— Прежде всего, позвольте представить Вам нового магистра. Виктор Степанович уже заждался повышения.

Услышав своё имя, магистр учтиво поклонился. Он намного моложе Грибоедова. Лет тридцать, не более. Добрые глаза, мягкая улыбка. Само радушие.

— Можете звать меня господин Щукин, или просто магистр.

— Вас не смущает то, что поспособствовало карьерному росту, магистр?

Щукин тут же посерьёзшел.

— Мы все глубоко опечалены произошедшим инцидентом, но, если позволите откровенность, — он наклонился ко мне, будто собирался доверить тайну. — Господин Грибоедов и раньше превышал свои полномочия. Фанатичная вера делу Фатума оправдывает его в глазах Магистерия, но... В наши времена, требуется чуткость и гибкость. Люди, Вашего уровня, — он уважительно склонил голову, — не должны подвергаться гонениям и чувствовать себя лабораторными крысами.

— Полностью согласен. Однако, именно так я себя и чувствую, так что как только мы закончим беседу, я уеду отсюда.

Я ожидал уговоров, обещаний и прочей мишуры, но магистр вернул радушную улыбку на лицо и согласно кивнул.

— Вам никто не станет препятствовать. Когда Вы хотите вернуться, чтобы закончить обучение?

— Тише, Витя, не пугай юношу, — хохотнул Самсонов. — Он имел ввиду, что формально, Вы должны империи ещё две недели, и как бы мы не хотели, нарушить закон, просто отпустив Вас, мы не можем.

— Зато, в Вашей власти перевести меня в дозор возле Вихря. На две недели, чтобы исполнить долг перед империей.

Переглянувшись, они замолчали. Магистр порывался что-то сказать, но передумал. Позволил Инспектору вести партию. Самсонов не спешил. Сняв очки, он протирал их бархатной тряпочкой, глядя в одну точку.

— Это возможно, — наконец решился он. — В вопросе Вашего спокойствия, Магистерий и императорская воля едины. Однако, я не могу не спросить. Вас совсем не беспокоит судьба Вашего брата?

— Это было давно, — отмахнулся я. — Сомневаюсь, что нужные люди оставили хоть клочок земли не исследованным. Там мне ничего не угрожает.

В этом я, конечно, сильно сомневался, но после увиденного, после этого мысленного диалога с чистой энергией, я захотел как можно быстрее добраться до Вихря. Чем бы эта сущность не была, она не справляется сама. Дьявольски непростая задача, но если это хотя бы возможно... Бессмертие! Я больше не хочу умирать, одного раза хватит.

— Позвольте поинтересоваться, — взял слово новоиспечённый магистр. — Вы планируете пройти последнее испытание? Мы ведь, формально, лишь подготавливали Вас к нему.

— Да. Мне нужно время, чтобы прийти в себя. Сами понимаете... — я устало пожал плечами. — Но я с удовольствием докажу Магистерии, что я самый обыкновенный парень. Скажем, через дней десять-пятнадцать?

— Это возможно, — сдержанно кивнул магистр. Он уже открыл рот для следующего вопроса, но я его опередил.

— И разумеется, я не стану публично обвинять Магистерий. Виновник инцидента наказан. Ни к чему выносить сор из избы.

Подавшись назад, магистр подозрительно прищурился.

— Вы весьма щедры, господин Аронов. За этим последует какая-то просьба?

— Простая мелочь. Я хотел бы увидеть великого магистра Даут Маррана. Одна из ваших послушниц привила мне глубокое уважение к этому человеку, и я хотел бы лично его засвидетельствовать.

— Это тоже возможно. Что-нибудь ещё?

Подумав о Лере, я решил доверить решение её вопроса Михайлову. Ни к чему включать в торг то, что я и сам могу взять. Однако, я не мог избавиться от беспокойства. Пускай они не догадываются, что служба возле Вихря для меня не наказание, а необходимость, переговоры проходят слишком гладко. Они пошли на все мои условия!

— Нет. Мы закончили?

— Осталось обсудить один момент, — снова взял слово Самсонов.

Достав планшет, он отстучал пальцем сообщение и указал взглядом на дверь.

— Исследуя последствия Вашего боя с Наделёнными, мы обнаружили любопытный феномен, интересующих как Магистерий, так и его Императорское Величество.

Дверь распахнулась, двое детин в форме Магистерия внесли бесчувственное тело на носилках. Короткая стрижка, затуманенный взгляд в потолок. Это один из Наделённых. Неужели...?

— одному удалось уцелеть, но этот человек, — взмахом руки, Инспектор указал на него, — больше не Наделённый. Вы выкачали из него Эфир, до последней капли, и нам очень интересно, как это у Вас вышло.

Носилки осторожно опустили на пол, Наделённый даже не шелохнулся. Грудь мерно вздымалась, глаза закрыты и на лице застыла расслабленная безмятежность. Ярко-рыжая дымка из глаз пропала, он выглядел как обычный человек, разве что частично расстёгнутые ремни Казер-брони ещё болтались на теле.

— Вы понимаете, о чём просите? — не скрывая угрозы спросил я. — ЭТО вы отложили на конец, как какую-то сущую мелочь?

— Разве это не так? — хмыкнул магистр. Откинувшись на спинку кресла, он задумчиво почёсывал подбородок, изучая меня взглядом. — У нас есть свидетельства проявления Вашего дара, господин Аронов. Мы лишь хотим установить причинно-следственную связь, то, что послужило исходу эфира из этого человека.

— С каких пор секреты Родового дара стали мелочью? У вас непомерные аппетиты, господа.

Инспектор поправил очки, коротко усмехнулся, но тут же виновато стёр улыбку.

— До сих пор считалось, что обращение человека в Наделённого имеет необратимые последствия. Даже осуждённые до самой смерти мучаются эфирным голодом, сохраняя в себе его частицы, но перед нами свидетельство обратного. Вы же знакомы с процедурой?

— Не то, чтобы...

— Позвольте я коротко опишу. Кандидатов в Наделённые подвергают длительному кормлению обработанным Эфиром, прежде чем приступить к обращению. Это длительная процедура, и она наносит внутренние повреждения человеку, но необходима, чтобы организм не отторгал эфир. Понимаете?

— Допустим.

— Далее, в тело Наделённого помещается заготовка, разработанная Союзом Баронов. Она несёт в себе базовые возможности, самое необходимое, — очкарик поднял обе руки. — Щит и меч.

— Броня, — поправил я.

— Да. Но всё же. Магистерий исследовал тела убитых Наделённых, из тел которых изъяли заготовку. Исследование проводилось спустя больше чем сутки. И даже тогда, частицы эфира, сохранившиеся в организме Наделённого, находились магосканером. Здесь, же, — Инспектор указал на тело. — Мы повстречали феномен.

Судорожно соображая, я пытался подобрать разумное объяснение, но всё, в конечном итоге, сводилось к нитям, о которых они понятия не имеют. По крайней мере, я допускал такую мысль.

— Повторюсь. Вы просите раскрыть секреты Родового дара. Это невозможно.

— Вы так говорите, потому что мы ещё не назвали цену, — мягко улыбнулся магистр. — Давайте забудем о сказанном ранее, представим, что Вы только что пришли в этот кабинет. Я уполномочен предоставить Вам беспрецедентные условия, взамен на простую демонстрацию способностей. В лабораторных условиях, само собой.

Иначе говоря, они готовы меня отпустить, но при этом всё равно хотят получить то, чего я им дать не могу. Связывают мне руки, хитрые ублюдки! Ну нет. Я оскорблённый граф, как никак.

— Граф Аронов не одобрит моего согласия. Вы должны это понимать.

— Мы ждали, что Вы сошлётесь на его Слово, поэтому заранее обговорили с господином Ароновым условия. Вам осталось лишь дать своё согласие. Небольшая демонстрация, не более, — лучезарно улыбался новоиспечённый магистр. — Вам даже не придётся совершать отдельный визит, мы всё подготовим к Вашей встрече с Великим Магистром Даут Марраном. Возможно, он даже лично поприсутствует на испытании. Представляете, какая честь?

— Сейчас вы моего согласия не получите. Если продолжите давить — наша беседа закончится в ту же секунду.

— Ну конечно! — Самсонов успокаивающе поднял руки. — У Вас будет возможность обсудить решение с отцом. Я целиком на Вашей стороне, Фёдор.

— Поэтому устроили эту сценку, чтобы подсесть дезориентированную рыбёшку, господин Самсонов?

Он выдержал мой взгляд, даже глазом не дёрнул. Внешняя оболочка обманчива, я сто тысяч раз это себе повторял.

— Я хотел лично убедиться, что Вы не трактуете нашу просьбу превратно. Это привилегия, возможность сделать Империю лучше. Всё, чего я хочу сейчас — это отказ от категорического «нет».

— Идёт. Категорического «нет» не будет. Теперь-то, мы закончили?!

— Да, Вы свободны.

Инспектор поднялся, протягивая руку, и я до того был взбешён, что Чтец, подаривший мне возможность видеть прошлое, вспомнился сам собой. Вцепившись в сухую ладонь инспектора, я снова увидел объёмную картинку, также, как это было с Лерой.

Я сидел в чужом теле напротив человека, чьё лицо скрывала тень. Я испытывал неконтролируемый ужас, в ожидании того, что скажет этот человек. Фигура подалась вперёд, я увидел его молодое лицо. Бровь над серыми глазами была рассечена, губы сложились в презрительной усмешке.

— Отказано. Ты пойдёшь с нами до конца.

Снова вернувшись в своё тело, я виновато отдёрнул руку. Инспектор с приклеенной улыбкой поклонился.

— Всё в порядке?

— Руку сводит. Последствия боя.

Магистр, избегая повторения конфуза, лишь кивнул на прощание. Достав лист из ящика стола, они вернулись к обсуждению, а я поспешил покинуть это место, пока мне не навязали ещё какое-нибудь условие.

Что за образ я украл из памяти Самсонова — понятия не имею, но воспоминание было окрашено яркими эмоциями. Он боялся этого человека. Стоит ли мне тоже его бояться? Я сохранил в памяти шрам и серые глаза, нужно разузнать, что это за фигура. Но сначала — убраться отсюда подальше.

Настроение — ниже плинтуса. Вроде бы я победил, получил всё, что хотел, но в то же время проиграл. Снова мне грозит испытание, только в этот раз не получится скрыть свои возможности. Если только Отец не умеет точно также, в чём я сильно сомневался.

Какого чёрта он вообще пошёл на переговоры с этими подонками? Какой бы заговор не строили вокруг нашего Рода, я его наследник, а он, фактически, подставляет меня под удар. Или... Как там сказал Инспектор? Они обговорили условия. Неужели я стал предметом

торга?

— Ну как?

На вопрос Михайлова я лишь пожал плечами. Не о чем говорить, мне нужно крепко всё обдумать. Идея вернуться в Родовое имение уже не казалась мне отличной, быть может, отец окажется ещё опасней Магистерия. И всё же, я возвращаюсь не с пустыми руками.

В холле главного здания, я в последний раз окинул взглядом стены Академии, и заметил Антона Никитина. Прислонившись к стене, парень отстукивал сообщение на планшете, не заметив меня, погасил экран и направился в мою сторону.

— Можем поговорить?

— Конечно. Дальше я сам, — кивнув Михайлову я указал взглядом на припаркованный автомобиль с витиеватой спиралью на корпусе — символом моего Рода.

Уже бывший чиновник Академии неохотно направился к автомобилю, а я пригласил Никитина к выходу.

— Ты собираешься доучиваться? — с ходу спросил Антон.

— Нет. Я разменял учёбу здесь на две недели возле Вихря.

— Примерно этого я и ожидал. Я поступлю также.

— Серьёзно? — повернувшись в пол оборота, я удивлённо уставился на Антона. — Тебе то это зачем?

Никитин ответил не сразу. Сорвав с дерева листик, он рассеянно мямл его пальцами, пока тот не превратился в маленький комочек.

— Я уже говорил о своём отношении к закону. Мне нужны чёткие правила, чтобы не потерять себя, но здесь... Если Магистерий может устроить такое, и продолжить своё существование, значит что-то в верхах не в порядке.

— Грибоедова казнили, ты сам это видел.

— Да, но осадочек остался, — усмехнулся он. — Я не смогу продолжить обучение, не ожидая подвоха. Не хочу следовать правилам тех, кому не доверяю, и... кого презираю.

— Ты на меня намекаешь?

— Нет, Федя. Я узнаю в тебе черты твоего отца, но всё-таки ты другой. Ты обороняешься, а не нападаешь. И не могу не обратить внимание на то, как много событий крутится вокруг тебя. Семён, магистерий, и ещё вихрь разбери кто пытались тебя задавить, но ты выстоял.

— К чему ты ведёшь?

Остановившись, Никитин невольно огляделся по сторонам, и холодно произнёс.

— Юридически, я уже глава Рода, но права перейдут ко мне только после того, как я отдам долг Империи. Я собирался потратить все ресурсы, чтобы причинить максимум неприятностей Ароновым, но против тебя выступать не стану.

— Однако между Родом и мной стоит отец.

— Что ставит меня перед дилеммой, — кивнул он. — Я пока не решил, как поступить, но хочу сохранить добрые отношения, на случай если...

— Этого мы обсуждать не будем, — взмахом руки отрезал я.

Парень подначивал меня к перевороту внутри семьи. Пускай я, фактически, даже не знаком с отцом, но Род есть Род. Мы держимся за одно, чтобы не случилось. Об этом кричало не только воспитание Фёдора, но и моя прошлая жизнь. Внутри семьи могут быть недомолвки и распри, но они не выходят за пределы семьи.

— Я лишь высказал то, что счёл нужным. Увидимся.

Круто развернувшись, он зашагал обратно к Академии, а я к ожидавшему автомобилю. Водитель в, чёрном мундире с зелёными полосами, вытянулся в струнку, увидев меня. Когда я подошёл, он низко поклонился и услужливо открыл дверь. Скрипнув кожаным сиденьем, я устроился сзади, рядом с уже заскучавшим Михайловым.

— Чего он хотел?

— Не важно. И вообще, где девочки?

— Господин не заказывал, — отрапортовал водитель, заводя двигатель.

— Он про гостей, debil, — усмехнулся Михайлов. — Их отправили вперёд, на другом автомобиле. Полагаю, что сейчас... — он сверился с часами, — они как раз завтракают на вокзале.

Вокзал. Это слово напомнило мне о том, насколько велики границы империи. Я проторчал в Академии всего несколько дней, но казалось, что я был здесь весь год. Возможно, память Фёдора уже начала смешиваться с моей, и потому я предвкушал долгожданную свободу, но всё-таки, свободу я любил и в прошлой жизни.

Выехав за территорию, водитель добавил газу, выезжая на трассу, и я лениво любовался менявшимся за окном пейзажем. Бессмертие. С тех пор, как я очутился в этом теле, я всего лишь хотел выжить. У меня не было времени сформировать жизненный план, поставить цели. И даже если бы я это сделал, мне пришлось бы их менять, потому что бессмертие дважды не предлагают.

Пускай я даже примерно не представляю, как одолеть Вихрь, у меня есть голая теория. Его нужно расплести. Оборвать нити, связанные со сгустками эфира, будь это рукотворный конструкт или Одарённый. По местной легенде, Мессия должен зайти прямо в центр Вихря, но вспоминая мучительное «испытания ветров», я очень сомневался, что сходу смогу попасть в самый центр.

За праздными размышлениями, мы добрались до современного здания вокзала, произведения искусства из стекла и бетона. Парковка была забита автомобилями, но водитель остановился прямо возле центрального входа, где нас уже поджидало двое здоровяков в штатском.

— Господин Фёдор, — поприветствовал меня один, поклонившись. Кивнув в ответ, я пошёл следом.

Шум, царивший на вокзале едва не заставил меня забыть, что я теперь живу в другом мире. Здесь всё было таким привычным! Яркие рекламные вывески, звон чашек в вокзальных кафе, грохот тележек, доверху набитых чемоданами и истошные крики таксистов, предлагавших свои услуги.

Здоровяки расталкивали зазевавшихся пассажиров, грубо отпихивали чемоданы, не трудясь извиняться перед потревоженными гражданами. Предоставив выбор пути им, я рассматривал людей. Самые простые люди, я не видел в них ничего магического. Милые девчонки позировали перед камерой телефона, пара мужчин в деловых костюмах обсуждали условия какой-то сделки, две старушки отчитывали парня с длинной чёлкой, не уступавшего им место.

Чужеродность мира проявилась лишь на перроне, где двое подростков поссорились из-за какой-то игрушки. Между ними затевалась драка и отец, заставив руку вспыхнуть яркочерным сиянием, выставил энергетический барьер между ними. Парни отчаянно колотили по нему, но пробиться друг к другу не могли.

Тут же нашёлся местный служащий. Оглушая всех свистком, он собирался наказать

нарушителя, применившего магию на вокзале, но концовку этой сцены я не увидел. Меня настойчиво подталкивали к матово-чёрному вагону, прицепленному в хвосте поезда.

— Путешествуем с комфортом, — хмыкнул Михайлов, заходя внутрь. Он заинтересованно оглядывался, как турист, но и мне было на что посмотреть.

Я ожидал напускной роскоши, но вагон был предельно прост. Стены намного толще обычных, и жужжащий генератор намекали на дополнительный уровень защиты, а пара столиков с обычными скамьями позавидовали бы даже вагону ресторана из моего прошлого.

Один столик уже заняли Анна и Лера. Причём Лера хоть и сидела рядом, но демонстративно отвернулась в сторону, сложив руки на груди. Анна же мечтательно смотрела в потолок, чирикавая что-то карандашом в блокноте. Увидев меня, обе девушки встрепенулись.

— Наконец-то!

— Всё в порядке?

Две реакции, такие разные. Несильно сжав плечо Леры, я кивнул преподавательнице.

— Осталось немного, скоро будем дома.

— Надеюсь здесь кормят, — пропыхтел Михайлов, грузно опустившись на лавку. — Желудок бунтует с самого утра.

— Ты закончил с моими документами? — поинтересовалась Анна Игоревна.

Облокотившись локтями на стол, она вперилась в Михайлова любовным взглядом, даже забыв на какое-то время обо мне.

— Я поручил составить бумаги. Леру просто выгонят, а тебя отправят в неоплачиваемый отпуск. Так что сможешь вернуться, когда захочешь.

— Только если Фёдор захочет вернуться, — тут же ответила она, скосив на меня лукавый взгляд. — Я так понимаю, что с этого момента теперь служу Вам, господин?

— Можно просто Федя.

Стоило бы сохранить чёткую иерархию, но мне показалось это излишним. Девушки до фанатичного преданы образу, который я теперь представляю, а от миллиона предстоящих «господинканьев» захотелось скрипеть зубами.

Молчаливые слуги приняли заказ и, доставив тележку с провизией, скрылись за дверьми. Аппетита не было, я вяло ковырял вилкой стейк, с завистью глядя на поглощавшего еду Михайлова. Анна всё пыталась завязать разговор, но беседа не клеилась. Лера молчала, не спуская с меня глаз, а мне просто хотелось побыть одному, разгрести накопившиеся данные.

Больше никакой защиты, я перехожу в нападение. Куропатов-старший не даст мне расслабиться, я в этом не сомневался. Предстоящее посещение башни Фатума тоже не сулило ничего хорошего. И всё-таки, это центр изучения Вихря. Я должен попытаться разузнать то, что доступно им. Если я не был первым, с кем сверхсила вышла на диалог, значит в их легендах есть зерно истины. И лучшей догадкой был сам Даут Марран, основатель Магистерия.

Поезд быстро набрал скорость, лес за окном мелькал с ошеломительной скоростью, но узнав, что ехать нам несколько часов, я предпочёл сон унылому безделью.

Проспав почти пять часов, я проснулся лишь для того, чтобы пересест из вагона в автобус, уже ожидавший нас на вокзале. Сквозь дрему, я слушал голос Михайлова, тот объяснял Анне, куда мы едем.

— Фактически, это посёлок, но недавно, Ароновы переехали сюда, сделав, фактически,

центром своего графства. Эта точка — максимально удалённый от Вихря клочок их земель.

— Потому что боятся повторения великой бури?

— Кто их знает... Стратегически, место хорошее. Соседи принесли вассальную присягу господину графу, угрозы экспансии нет. Да и сомневаюсь, если честно, что Игорь Аронов сбежал в угол из-за страха. Нет, только не он...

— Восхищаешься им? — хихикнула Анна.

— Конечно! Среди прочих графов, Аронов единственный, кого опасается сам император, и, тем не менее, не смеет переходить дорогу. Уверен, что у господина графа были веские причины переехать сюда.

Дорога стала ухабистой, автобус почти не тормозил на кочках, и сон безвозвратно улетучился. Голова, плечи... Тупая, ноющая боль вызывала тоску, надо будет заглянуть к семейному лекарю. Ведь теперь это и мой лекарь тоже. Уставившись в окно, я рассматривал свои будущие владения, но увиденная картинка вызывала много вопросов.

Дикий лес перемешался с пустыми, кажущимися мёртвыми посёлками. Как будто несколько зданий построили, но не успели заселить. Ни одного человека, ни даже бродячей собаки! Зато на блокпостах было серьёзное оживление.

С десятков ребят, вооружённые и нет, провожали поклонами автобус, осторожно объезжавший вкопанные в землю сферы. Примитивное ограждение распалило интерес, и я решил объединить исследование с тренировкой. Мысленно повторил заученную мантру, отстраняясь от тела, и увидел яркие пятна, скрытые в каждой сфере.

Здесь буквально всё начинено эфиром!

Сияющие полосы под электрическими проводами, разных размеров объекты на земле, назначение которых оставалось для меня загадкой, и ярким огнём полыхала массивная стена, за которой, вдали, возвышался пятиэтажный массивный дом с покатой крышей, сплошь облепленный лепными фигурками.

Лишь за массивными воротами, я увидел кипящую жизнь. Простые работяги в химзащите выкапывали сферы и грузили их на тележки. Другие демонтировали столбы с подвешенными проводами, непонятного назначения. Шумели тракторы и грузовики, бригады матом подгоняли своих подчинённых. Земля была сплошь перекопана и от этого, территория имения выглядела прискорбно.

Автобус припарковался на кольце асфальтированной дороги, обёрнутой вокруг изящного фонтана. Ещё из окна, я увидел суровую фигуру, застывшую в ожидании на пороге.

Отец.

В памяти Фёдора хранился другой образ — заботливого, справедливого и всегда спокойного мужчины, но сейчас... Я видел человека, едва сдерживавшего ярость.

За дверьми автобуса меня ждал прохладный ветер. Грохот работавших вдали тракторов перемешивался с шелестом листвы раскидистых деревьев, шеренгой выстроившихся перед именем.

Архитектура усадьбы напоминала мне Зимний дворец из далёкого прошлого: белокаменные колонны перемешались с покрашенными зеленью стенами, лишь только чудовищные скульптуры, свисавшие со стен и вытянувшиеся на крыше, придавали сюрреализма зданию. Кричащие, злобные морды отвечали настроению хозяина дома.

Моя группа робко столпилась возле автобуса, даже решительный Михайлов стеснялся первым ступить на парадную лестницу. Не было чемоданов и сумок, все они поехали за мной налегке. Это стоит отметить, но сначала...

— Подождите немного, вас проводят в свободные комнаты, — объявил я группе, подзывая дворецкого в форменной ливрее. Выслушав просьбу, он послушно кивнул и пригласил гостей следовать за собой, а я, тяжело вздохнув, направился к лестнице.

Граф Аронов оказался высок, на глаз — почти два метра роста, хотя военная выправка вполне могла добавить пару сантиметров. Мундир с вышитым на груди Родовым символом отлично сидел на широких плечах. Аккуратная борода такого фасона в моём мире давно стала символом хипстеров, но на отце такая стрижка смотрелась на удивление гармонично.

— Привет, отец.

Поднявшись на его уровень, мне всё равно приходилось смотреть снизу-вверх. Выдержать суровый взгляд ярко-рыжих, практически кошачьих, глаз было непросто. Он молчал, ожидая от меня чего... Оправданий?

— Ты немногословен, отец. Не рад видеть сына?

— Я рад тебя видеть, — не изменив суровости произнёс он. — И горжусь твоими успехами.

Прозвучало это так, будто он собирался удавить меня за эти самые «успехи». И всё же, я не собирался оправдываться. Пусть для начала выскажет обвинение вслух.

— Что-то новенькое, — я обернулся в сторону рабочих. — Затеял перестановку?

— Тебе весело, Федя? Доволен тем, на что мне пришлось пойти ради сына?

— Поясни?

— Анастасия Самсонова, — сдержанный, свистящий тон выдавал его ярость. — Нахрен ты позвал её, сраный ловелас?! Не мог выбрать другую девку?!

— Такова была необходимость, — я пожал плечами. — Я щупал её.

— Да хоть бы и трахнул, какая разница?! Неужели ты не можешь проследить последствия своих решений?!

Не сдерживаясь, он всё распался, и могучий бас разлетался далеко по округе. Мои барышни тут же обернулись, но были слишком далеко, чтобы расслышать пикантные детали.

— Я щупал её Даром, а не тем, о чём ты подумал. Оскорблённая дочь Инспектора могла бы доставить нам больше проблем. Приглашение — её условие.

— Зачем вообще ты к ней полез?

— Это были занятия, я потерял контроль, — жестко отрезал я. — И всё-таки, мне не понятно, как твои археологические раскопки связаны с...

«Визитом инспектора», про себя договорил я. Ну конечно, он что-то прячет. Поджав

губы, отец расслабил руки и двинулся вниз по лестнице.

— Пройдёмся.

Следуя за этим человеком, я пытался призвать отстранённое состояние, но абстрагироваться от панического ужаса Фёдора оказалось дьявольски непростой задачей. Бог с ним, потом осмотрюсь.

— Ты помнишь, зачем мы сюда переехали? Помнишь наш разговор?

— Нет. После драки с Куропатовым, память плохо работает. Если дашь мне пару минут, попробую вспомнить.

— Не нужно, — отмахнулся отец. Остановившись возле выкопанной, но ещё не вывезенной сферы, он поставил на неё ногу.

— В империи сейчас непростое время. Само существование нашего Рода под угрозой, — спокойно произнёс он, глядя далеко за горизонт. — После смерти Алексея, я высоко поднял планку безопасности, и поддерживать её возле Вихря не представляется возможным. Вся эта подготовка, — отец широким жестом обвёл раскопанную землю, — необходима для грядущей обороны.

— Нас собираются штурмовать?

— Пока нет, но я не питаю иллюзий. Убийство моего первенца было лишь первым звоночком. Наша власть и раньше стояла у многих поперёк горла, но теперь... — он сжал кулак. — Я не позволю им нанести ещё один удар.

— Но кто эти «они»? Куропатов?

— Пфф. Просто шут, — презрительно скривился граф. — В дело вмешаны серьёзные игроки, а он всего лишь досадная марионетка. Досадная для тебя, — добавил он, глянув исподлобья.

— Ничего, с чем бы я не мог справиться.

— Ты смог, это верно. Ты удивил меня, сын. Пережить два покушения, не имея поддержки Рода — это отличная кузня. Они выковали из тебя прекрасного бойца.

Продолжив путь, отец направился к границе территории. Ботинки утопали в рыхлой почве, мне пришлось быстро шевелить ногами, чтобы не отставать.

— Однако, ты всё же умудрился начудить. И я сейчас не о приглашении Самсоновой. Это стоило мне больших денег, но в конечном счёте всего лишь досадное неудобство. Ты проявил дар там, где не следует.

— Что?

— Разве я не учил тебя, что драться в полную силу нужно только под страхом смерти?

— Именно смерть мне и угрожала! — рявкнул я.

— Ты показал силу тем, кому не следует. Это слабость, — упорствовал он.

— Лучше бы я вернулся в деревянном гробу? Так ты считаешь? — злоба неприятным комом подступала к горлу. Не следовало говорить с ним в таком тоне, но я не мог сдержаться. — Я знаю, что ты уже обо всём договорился, устроил мне показное выступление, как какой-то цирковой обезьянке. И теперь, на сдачу, ты хочешь получить от меня извинения за то, что я дрался насмерть?!

— Я учу, а не обвиняю, — холодно поправил он.

— Спасибо, базовым инстинктам выживания меня обучила матушка природа. Я прекрасно осознаю необходимость держать дар в узде, и не судачить о секретах нашего Рода за завтраком, но вспомни о важном. Меня пытались убить, черт возьми! В таких условиях, я выкладываюсь на полную. Либо идёшь до конца, либо подохнешь.

— Девиз нашего Рода, — неожиданно усмехнулся отец.

Повернувшись, я заметил, что взгляд отца потеплел. Уже не было этого надменного взгляда, которым он приковал нашкодившего сынулю. А вот мне было трудно успокоиться. Я не привык иметь дело с людьми, заявляющими на меня абсолютные права. Не было у меня родителей, не знаю, как играть роль сына.

— Ты возмужал, сын, — спокойно продолжал отец. — Пора обучать тебя ритуалам посвящения. Благодаря тебе, у меня появилась возможность замены одного из двадцатки, и займёшься им именно ты.

— Сейчас?

— Потом может быть поздно. Сам видишь, — он скривился, наблюдая за уезжающим грузовиком. — Я в осаде. Неровен час, заговорщики перейдут от тычков в спину к ударам в зубы, и исход никто не способен предсказать.

— На всё воля Фатума, — буркнул я.

— Вроде того. Я смогу выиграть время, покажу Инспектору то, что нужно, но когда придёт час битвы, я могу её не пережить. Нельзя, чтобы ритуалы Рода Ароновых сгинули вместе со мной.

Подняв выкопанный камень, отец бросил его в стену, и тот, не долетев до цели, рассыпался трухой, только пыль оседала на землю. Граф говорил загадками, но общий посыл был ясен. И он совершенно не укладывался в мои планы.

— Когда ты ожидаешь нападения?

— У меня нет расписания. Заговорщики могут выбраться из тени в любой день, даже прямо сейчас. Я разослал людей по всей империи, — он широким жестом обвёл пространство за забором, — я ищу их, ищу ублюдков, посягнувших на наше существование. И под Куропатова я тоже копаю, он ответит за агрессию в сторону моего сына.

Сына. Не наследника. Почему-то, память Фёдора остро отозвалась на разницу в, так сказать, наименовании. Значит он сомневается, стоит ли мне доверять. Тем лучше. Не хватало ещё, чтобы отец втянул меня в свою войну. Бессмертие не будет ждать. Вихрь ждёт меня.

— Твоя мать ждёт нас к ужину, — легко переключившись, отец хлопнул меня по плечу. — Пойдём, сын. После трапезы, я начну твоё обучение.

Следуя за отцом, я всё гадал, как мне получить от него ответы, не вписавшись в какую-нибудь авантюру? Предстоящее испытание потребует от меня дьявольской изворотливости. Я должен сыграть роль всего лишь Аронова, не более. И для этого, мне нужно понимать, что из себя должен представлять наследник Ароновых.

Особняк ярко сиял в вечерних сумерках, светильники подсвечивали скульптуры, подчёркивая зловещую натуру. Работы на территории уже прекратились, и слышен был лишь шум ветра, да шелест листвы. Изнутри, особняк был более современным, чем снаружи: отделка в стиле модерн, практичная, а не музейная мебель.

Слуга низко поклонился, приглашая проследовать в обеденный зал, где своё место уже заняли гости. Михайлов не стеснял свой аппетит, налегая на рагу, Лера, скромно сложив руки на коленях, пялилась в полную чашку чая, а вот Анна разливалась соловьём, беседуя с сидящей рядом женщиной. Мама.

В каждом движении утончённость, каждый жест тренирован годами светских приёмов. Я бы с натяжкой дал ей лет сорок, но и то, лишь потому, что мог сопоставить с возрастом

Фёдора. Выглядела она прекрасно: гладкая кожа, самый минимум макияжа, подчёркивавший естественную красоту, широкие, острые скулы и разумеется, изящный наряд — изумрудное платье, переливавшееся в свете люстры, словно сотканное из множества драгоценных камней.

Испытывая жуткую неловкость, я подошёл к ней, приняв в ладони протянутую руку.

— Рад тебя видеть, мама.

— Я тоже, Федя! — тепло улыбнулась она. — Присаживайся скорее. Ты, наверное, голоден?

— Немного.

Заняв место напротив неё, я со скрипом придвинул стул.

— Я не теряла времени, познакомилась с твоими гостями. Анна любезно поделилась со мной твоими учебными успехами.

— Правда? — я подозрительно покосился на бывшую преподавательницу.

— Победа в Казерай о многом говорит, — как ни в чём не бывало отозвалась она. — Одолеть одарённого почти третьей ступени, только-только пройдя второе пробуждение! Этим можно гордиться.

— И вы прибыли чтобы давать частные уроки? — сухо спросил отец, заняв место во главе стола.

— По приглашению Фёдора, — кивнула Анна. — У нас прекрасная синергия, я помогу Вашему сыну в развитии дара.

— А как же Академия? Мне докладывали, что у вас серьёзная выслуга лет.

Отец приковал её взглядом. Разумеется он копал под них, я даже не удивился. Раздобыл всю доступную информацию, и теперь искал их мотивацию. Дьявольщина, стоило поговорить с ним об этом.

— Я воспитана учением о Фатуме, — всё также беззаботно отозвалась Анна. — Судьба свела нас с Фёдором, и я не имею права бросить юношу в переломный момент.

— Вы можете проконсультировать наших тренеров, и вернуться в Академию?

Стрельнув на меня взглядом, словно в поисках защиты, она робко улыбнулась.

— Если Фёдору будет угодно, то конечно...

— Она останется, отец.

Скривившись, тот отклонился от стола, позволяя слуге поставить перед ним блюдо с ароматными кусками мяса. Игнорируя столовые приборы, он взял кусок пальцами.

— Что ж. Я понимаю выбор сына, у Вас впечатляющие данные.

— Игорь! — не удержала смешка мама. Взяв гостью за руку, она утешила её: — у моего супруга сложный юмор, будьте к нему снисходительны.

— Всё в порядке. Я знаю, что нужна Фёдору.

Теперь я удостоился подозрительного взгляда уже матери.

— Кстати о нужде... Я созванивалась с Натальей Самсоновой, мы обсуждали предстоящее событие, но так и не сошлись в общем мнении. Как расценивать визит её дочери?

— Ничего серьёзного. Просто небольшая пирушка, — буркнул я, спешно забывая рот яичницей.

— Весьма печально. Настя стала бы хорошей партией.

— Не говори ерунды, — огрызнулся отец, бросая кость на тарелку. — Ни за что не породнюсь с этой имперской собакой. Он даже на свадьбе будет вынюхивать дерьмо на моей

земле!

— Игорь, ну в самом деле! Ты обещал не осуждать Федин выбор!

— Он ещё молод. Пускай порезвится, — решительно заявил он, стрельнув взглядом на Анну. Женщину его заявление нисколько не смутило, скорее наоборот. А вот Лера всё сильнее мрачнела с каждой секундой.

— Ты хочешь вылепить его по своему образу и подобию? — вздёрнула бровь мама.

— Родная кровь, как никак, — хохотнул отец. Глянув на Леру, он взмахнул очередным куском мяса. — А Вы что молчите, барышня? Нас не представили.

— Это Лера, моя помощница.

— И много с чем она тебе помогает?

Ой как хотелось огрызнуться! Однако, я удержался. Не ради себя, ради Леры.

— Мне интересно учение Фатума, и Лера прекрасно разбирается в теме.

— Что ж, обучение — это хорошо. Особенно, когда учителя такие симпатичные.

— К слову про симпатии, — снова взяла слово мама. — Я созванивалась с Алёной Петровой. Она утверждает, что вы поругались с Лайзой. Это правда?

Заинтересованный блеск в глазах этой роскошной женщины выдавал её матримониальные планы. Не удивлюсь, если у них собрано тайное общество графинь, с чёткой таблицей потенциальных партий.

— Лайза в прошлом.

— Но как же! — мама раздосадовано поднесла ладошку ко рту. — Я запланировала шикарный приём в её честь, как раз к моменту твоего возвращения. Ну... ко дню, когда ты должен был вернуться.

— Петровы слабаки, — поддержал меня отец. — Я позволял им крутиться возле нашего дома лишь из-за Фёдора. Хорошо, что с этим покончено.

Воцарилась тишина, лишь скрип вилок о тарелку и чавкающие звуки нарушали её. Честно говоря, я не ожидал такого напора со стороны родителей. Я даже не планировал, как представить им свою небольшую группу. Мою голову занимали более важные вещи, и о простом человеческом отношении я снова забыл.

— Осталось познакомиться только с Вами, Александр, — снова взял слово отец, глядя на Михайлова. — У Вас впечатляющее досье, но я никак не могу понять, что Вы делаете в моём доме.

Отец даже не старался маскировать враждебность. Отложив вилку, Михайлов коротко сообщил.

— Сделка.

— Сделка?

— Я прикрывал Фёдору спину в Академии. Вы в курсе, что его собирались крепко прижать. Взамен, я получаю работу здесь. Слово Фёдора.

Михайлов перевёл на меня взгляд, вопросительно подняв бровь.

— Незаменимый человек. Без него я бы не выбрался.

— Интересный способ найти работу, — хмыкнул отец. — Вы сами это спланировали?

— Не буду лукавить, служба этим проклятым фанатикам сводила с ума, но меня загнали в Академию. С таким досье...

— Я с ним знаком. Любопытное чтиво, — усмехнулся отец. — Допрос был результативным?

— Превысил все ожидания, — самодовольно кивнул Михайлов.

— Что ж, продолжайте.

— Я был готов принять любое предложение, что вернёт меня в высшие круги, но спланировать союз с Фёдором? — он покачал головой. — Для меня это было полнейшей неожиданностью, и разумеется я вцепился в предложение двумя руками. Службу Роду Ароновых дважды не предлагают.

Довольно хмыкнув, отец вернулся к трапезе. В итоге, Михайлов оказался единственным, кому не досталось саркастических усмешек, что меня весьма удивило. Относительно Михайлова я переживал больше всего.

Мы перебросились ещё несколькими ничего не значащими фразами, слуга принёс мне кофе. Постепенно оттаивая, я заметил, что отец нетерпеливо смотрит на часы, и когда слуга наклонился к его уху, что-то прошептав, хлопнул в ладоши и решительно поднялся.

— Так. Мы с Фёдором закончили. — Окинув взглядом моих гостей, он кивнул. — Располагайтесь в доме, добро пожаловать, и всё такое...

Отец положил руку мне на плечо, намекая, и я поднялся из-за стола, следуя за ним. Обещанное обучение. Мы прошли через холл, миновали коридор, ведущий к спортивному залу, и, к моему изумлению, отец привёл меня на кухню. Здесь ещё витали соблазнительные ароматы, двое поварят драили посуду у раюкомойника, но завидев хозяина дома, прервали своё занятие и вытянулись в струнку возле стены.

— Миша, пойдём.

Один из поварят, рыжеволосый парень с короткой бородкой, был ростом под статью отцу. Однако, крепкое телосложение резко контрастировало с его неуверенной походкой. Он сутулился, избегал прямого взгляда. Стянув белый передник, он бросил его на раюкомойник и поспешил за нами. В этот раз к лестнице, ведущей вниз.

Сенсорная панель приняла отпечаток ладони отца, замок лязгнул, отпирая дверь. Из подвала на нас пыхнуло ледяным холодом. Отец спокойно спускался вниз, и я невольно вспомнил об испытании ветров. Знакомый запах забродившей вишни, следовавший за очищенным эфиром, послышался ещё на пороге.

Датчики среагировали на нас, включились лампочки, освещая утилитарный коридор в серых тонах. Две массивные двери, пара стульев — здесь было не на что смотреть, зато когда отец отпер одну из дверей...

Здесь царил адский холод, и причина тому — стройные ряды баллонов с эфиром. На каждом значилась маркировка нашего Рода. Взяв один, отец, даже не морщась, потащил его к другой двери, за которой пряталась не то лаборатория, не то комната для пыток.

Широкое, стоматологические кресло соседствовало со столом, ломившимся от всевозможных датчиков, полых трубок и пластиковых масок. Возле стен выстроилась аппаратура, мигая в темноте разноцветными лампочками.

— Зачем мы здесь? — спросил я, пытаюсь унять дрожь в плечах.

— Прежде чем мы приступим к обучению, ты должен кое-что понять, — объявил он, указывая поварёнку на кресло. Тот послушно уселся, ёрзая, чтобы принять удобную позу. — Обучение начинается задолго до ритуалов, на которые я приглашал тебя в детстве. Ты хоть что-нибудь запомнил?

— Нет.

— Так даже лучше, — кивнул он, разматывая скатанную трубку. — Сегодня многие упускают из виду потенциал Наделённых. Но только не я. Император даровал нам право иметь наделённую двадчатку, всего лишь двадцать бойцов, и как с ними поступают бездарные графы?

— Держат при себе ради престижа? — предположил я, вспомнив слова Михайлова.

— Именно. Престиж и выражение готовности сразиться с тенями, если Буря разразится вновь. И она грянет, в этом нет сомнений. Мир снова расколется, и тогда наступит передел власти. Я буду к этому готов.

Отец так спокойно предрекал повторение кошмарной катастрофы, но... Я не понимал. Показанное мне вероятное будущее Вихря не было бурей, наоборот.

— Почему ты так в этом уверен? Вихрь не движется уже сколько...?

— Слишком долго, — проворчал он, соединяя трубку с маской. — Эксперименты с каждым годом всё опасней. Магистерий, Союз Баронов, да даже имперские слуги... Все они пытаются получить от Вихря больше. Рано или поздно, стихия взбунтуется. Самые разумные аристократы отправляют наделённых в дозор, набираться хоть какого-то боевого опыта, но большинство ограничивается редкими стычками, грызнёй за спорные территории. Взять хоть Куропатова.

— А что с ним не так? Аркадий показался мне смышлённым типом.

— Буря подарила его Роду прекрасный атакующий дар. Способность создавать оружие имеет неограниченное поле для экспериментов, и создание собственной «заготовки», могло бы сделать его дружину сильнейшей в империи. Ты ведь видел записи с его Казерай, десятилетней давности? — поинтересовался отец, поднимая баллон на стол и прикрепляя к нему трубку.

— Кажется нет.

— Это было эпическое сражение. Двадчатка на двадчатку. Наделённые прикрывали его спину, пока он сокрушал противников. Площадка обратилась в руины, его секира обращала камень и металл в пыль, крошила плоть и кости, а когда он обрушил финальный удар,

заставив секиру многократно вырасти в размерах... — отец покачал головой. — Если бы его наделённые владели хоть десятой частью таких способностей... Ты знаешь, что он один из немногих, чей эфир не растворяется вдалеке от тела?

— Я не понимаю, к чему эта лекция? — не выдержал я.

— Ты должен понимать, как обстоят дела в империи, сын, — жестко сказал он, закончив крепить маску. Протянув её смущённо молчавшему поварёнку, отец достал ещё один баллон, пустой, и стал крепить маску уже к нему. — Наше положение сложнее. Поглощение энергии не даёт очевидных преимуществ в бою, так что я тренирую людей задолго до того, как обратиться в Наделённых. Частные разработки, держащиеся в строжайшем секрете, позволяют подготовленному человеку принять дар и адаптироваться в сжатые сроки. Всего двое суток. Против полугода у других графов.

Поварёнок нацепил маску и сделал пробный вдох. Граф слегка крутанул вентиль, тот еле слышно зашипел. Сам же, отец нацепил маску, соединённую с пустым баллоном и встал за спиной у парня, положив руку ему на плечо.

— Приходится быть крайне осторожным, поскольку мою инициативу могут воспринять как подготовку к мятежу, — громко сказал отец. Пластиковая маска искажала его голос. — Каждый потенциальный боец тщательно отбирается и обрабатывается. Для каждого есть свой рычаг. Например Миша — сирота, на руках которого осталась маленькая сестра. Он знает, что за верность Роду Ароновых, я обеспечу её будущее.

Поварёнок уже не слышал нас. С очередным вдохом Эфира, его глаза закатались, тело напрялось, вены вздулись на руках.

— То есть этот парень идёт уже сверх дозволенной двадцатки? — нахмурился я.

— Если быть точным, Миша будет двести восемнадцатым.

Сдавлив его шею пальцами, отец взял мою руку, положив парню на плечо. Его рыжие глаза ярко вспыхнули, пальцы сжались сильнее, будто он пытался оторвать кусок плоти.

— Почувствуй эфир в его теле, — приказал он.

Как это сделать по «Ароновски» я понятия не имел, так что пошёл своим путём. В этот раз оказалось достаточным лишь подумать о мантре, даже не зачитывать её. Пара секунд, и я отстранился от тела, увидев наши фигурки, склонившиеся над поварёнком.

В первую секунду, я едва не ослеп от того, насколько ярко светился эфир внутри отца. Питающая его нить была значительно толще моей, а вот поварёнка связывала совсем тонкая, почти не различимая ниточка.

Я замешкался. Он ведь ещё не Наделённый, так какого... Я думал, что эта ниточка — следствие касания отца, или след поступающего эфира, но заглянув глубже, я увидел нескончаемый поток эфирной энергии, протекающий через всё его тело и оседающий незначительными частицами.

Отец пропитывал парня, втягивая поток и выпуская в подготовленный сосуд, но эта процедура не проходила бесследно! Поток оставлял после себя множество повреждений, выделявшихся на фоне потока, и оседающие крошки эфира не позволяли им зажить.

— Чувствуешь? — прозвучал голос отца вдалеке. Волевым усилием вернувшись в тело, я возмутился.

— Это ранит его! Зачем?

— Нет, сын. Это я его раню. Возьмись за шею и следи за потоком. Слушай мой голос.

В этот раз мне не пришлось "вспоминать", кто я такой. Едва коснувшись поварёнка, движение эфира сияющим потоком проявилось под его кожей. И волевым усилием, отец

отклонил поток — тот отозвался короткой искрой, оставив после себя ещё одну рану. Поварёнка начали бить судороги.

Поток расслаивался по всему телу, будто двигался по кровеносным сосудам, и спустя долгие пару минут, запас иссяк, и парень обмяк в кресле. Грудь тяжело вздымалась, зубы стучали, но он оставался жив. Эфир почти полностью истёк из его тела, отец уже убрал руки, но частицы ещё оставались внутри, не позволяя затянуться эфирным ранам.

— Ты чувствуешь внутренние изменения?

— Ещё как вижу. Он же умрёт!

Сняв маску, отец бросил её на стол и освободил лицо поварёнка. Раскрыв пальцами веки, он заглянул в его зрачки, одобрительно хмыкнул и кивнул мне на выход.

— С ним всё будет в порядке, пусть придёт в себя. Пойдём, кое-что покажу.

В подвальном коридоре было всего две двери, но отец остановился возле стены, где неприметным квадратом нашлась небольшая кнопка. С щелчком, механизм отозвался на нажатие и дверь с противным хрустом съехала в сторону.

Лампы заморгали, освещая что-то, похожее на склад. Совсем тесная каморка не могла вместить многого, да и большую часть площади занимал металлический стеллаж с предметами, больше всего похожими на искусственные яйца. Отец поднял один, взвесив на ладони.

— Производство заготовок забирает почти половину моих доходов, но это окупится. Когда настанет время проводить через ритуал всех моих Наделённых, это займёт не больше недели. Даже меньше, если мы будем работать вместе.

Ошарашенно осматривая десятки яиц в пластиковых кадках, я начал осознавать масштабы его задумки.

— Если они доживут до этого момента.

— Ты так и не понял? — самодовольно усмехнулся отец. — Все остальные начинают кормить их эфиром уже во время ритуала. После того, как разместят заготовку. Я поступаю иначе. Те повреждения, что ты видел, мучительны, это факт, но эфир помогает ранам затянуться. В моей практике было лишь две смерти, и то в самом начале.

— Но ведь остаются швы!

— Искажённые эфиром, — кивнул он. — Благодаря нашему дару, я собираю остатки за сутки перед процедурой.

— Но... Новой... кормёжкой, ты ранишь их в те же места. Снова и снова!

— И каждый раз они переносят это легче. Поверь, сын, — отец обнял меня за плечи, направляясь к выходу. — Когда наступает время ритуала, выносливость кандидата возрастает до такой степени, что необходимая заготовке сверхпорция эфира усваивается за считанные часы. Против полугода у этих бездарей!

Армия. Он создаёт грёбаную армию. Если до этой секунды я ещё сомневался в мотивах отца, то теперь от сомнений не осталось ни капли. Смута, переворот... Он собирается влезть в большие разборки и хочет втянуть в них меня. Но ради чего? Зачем мне в этом участвовать? Просто как помощник при производстве? С усмешкой, я отметил, что Магистерий, хотя бы, предрекал мне более завидную роль.

— Но почему другие не поступают также? Не создают... заготовки для дружины.

— Не забывай о нашем даре, Федя. Для других, производство одного Наделённого стоит целое состояние, они зависят от технологий Союза Баронов, тогда как мы способны обойтись своим даром. И качество созданных бойцов многократно превысит любых

Наделённых, которых нам противопоставят.

— Даже императорскую гвардию?

— Даже их. Старик считает, — презрительно усмехнулся отец, — что, если будет купать свою армию в эфире круглыми сутками, это на что-то повлияет.

— Если о твоей практике хотя бы пойдут слухи... Или они уже? — я вопросительно глянул на отца.

— Слухи возможны, — сдержанно ответил он. — Только им нечем подкрепить обвинение. Почти вся моя дружина верно служит императору в дозоре у Вихря, а кандидаты распылены по владениям Ароновых. Я пересекаюсь с ними лишь раз в месяц, чтобы провести новую процедуру.

— И никто не замечает две сотни бойцов!?

— Они не бойцы, — рассмеялся отец. — Ты же сам видел. Миша просто поварёнок. У меня есть ещё садовники, строители, флористы... Никто не обратит на них внимания, если не знать, куда смотреть. Главное не зарываться, не жадничать.

— Жадничать? — я не сдержал нервный смешок. — Ты создал почти две сотни бойцов! Десятикратно превысил норму! Зачем тебе ввергать империю в смуту? Недостаточно власти?

— Власти не бывает много, сын. Многое в империи требует... эволюции. Мы расслабились, размякли! — он сжал руку в кулак, — присосались к эфиру, как свиньи на кормёжке, и живём его милостью. Новая буря уничтожит всё, что мы создали, как и любая агрессия из-за границы. Отринь страх и задумайся об этом, сын.

— Даю слово, я тщательно обдумаю твои слова, — без тени иронии отозвался я.

По-отечески похлопав меня по плечу, отец с энтузиазмом продолжил:

— Сейчас я уеду, заберу кандидата для ритуала. Завтра вечером мы продолжим обучение, тебе понравится. А сейчас иди.

Подтолкнув меня в спину, отец провожал взглядом, пока я не вышел из подвала. Оказавшись в холле, я застыл, не зная куда идти. Точнее, не так. Я чётко знал, куда мне нужно идти. Подальше отсюда.

Выйдя в ночной двор, я машинально вызвал особое, отстранённое зрение. Видя всю подготовку, «минные» поля с эфиром, высокую стену, я представлял проблемы, которые мне устроит отец. У меня не будет возможности сделать лишний шаг, я стану ещё одним бойцом в его дружине.

Нужно не просто уехать отсюда, нужно держаться как можно дальше от отца. Если он выступит открыто, меня убьют просто за компанию, даже если я буду находиться в другом конце империи, но сейчас ещё есть время. Катастрофически мало, но есть. Я должен добраться до Вихря, должен развить свои способности настолько, чтобы ничьи имперские амбиции не помешали мне получить обещанное бессмертие.

Я плохо представлял, как этого добьюсь. Надо мной всё ещё висит угроза стать рабом Магистерия, я не забывал и о смерти брата возле Вихря. Группа доверенных людей малочисленна, средства ничтожны, но конечная цель прожигала меня изнутри. Я добьюсь желаемого, чтобы мир мне не противопоставил.

До самого утра я не сомкнул глаз. Когда отец с матерью отбыли из имения, я приступил к делу: методично исследовал владения и собирал необходимое. Пару комплектов одежды, старый смартфон Фёдора и немного наличных, сохранённых в ящике письменного стола. Не

испытывая ни капли стыда, я разыскал документы на дом, неподалёку от Вихря, и ключи от него же.

Затем, я разбудил своих ребят.

Им выделили комнаты в гостевом крыле, на первом этаже. Лера к моему приказу отнеслась с энтузиазмом, Анна, спросонья, даже не поняла, чего я от неё хочу, а вот Михайлов остался недоволен.

— Господин граф этого не одобрит, — нахмурился он, натягивая штаны. — Ты хорошо подумал?

— Ты служишь мне, Саш, а не ему, — напомнил я. — И у меня есть веские причины поступить именно так.

Собирались мы в суматохе, и с рассветом уже загрузились в черный седан, припаркованный на территории, благо что ключи висели в замке. Посадив за руль Михайлова, я сомневался относительно стражи на воротах, но отец либо не захотел, либо забыл дать им приказ относительно наследника.

Нас никто не останавливал. На каждом блокпосте я приветливо улыбался бойцам, и мы уезжали всё дальше и дальше. Проследить за автомобилем не составит проблем, отец быстро найдёт меня, но это не важно. Я продолжу с ним диалог, но на нейтральной территории, на равных условиях.

Интерлюдия

Аркадий Куропатов стоял на крыше башни Фатума. Холодный ветер будто подталкивал его к краю, а тяжёлый гул устрашающего вихря, занимавшего весь горизонт, с непривычки давил на уши.

Так близко к непокорной стихии. Аркадий протянул руку, будто пытаюсь коснуться его, позволил Дару течь по руке, вливаться в ладонь, но связь так и не установилась. Здесь, на вытянутом с вершины башни мостике, уже начиналась жёлтая зона, первый процент погружения.

— Что ты делаешь? — окликнул его Виктор.

Новая, ещё не огранённая марионетка, занявшая место Грибоедова. Куропатов проигнорировал вопрос, повернулся к магистру, сложив руки за спиной.

— Когда испытательный полигон будет готов?

— В ближайшие дни, но я бы заложил ещё месяц на тесты, ведь...

— Забудь об этом. Будет всего один тест, со мной в главной роли.

— Но зачем? Концентрация эфира такого уровня... — магистр невольно оглянулся к гигантской сфере, скрытой в укреплённом павильоне. — Гипервсплеск Вихря будет смертелен для всех, кто окажется рядом, что уж говорить про эпицентр...

— У меня нет времени на тесты. Щенок Ароновых... Этот ублюдок заставляет меня торопиться!

С ненавистью стиснув кулаки, Аркадий вспомнил разговор с цесаревичем. Даже не разговор, крик взбешённого юнца, возомнившего себя главным. Выскользнувший из рук шанс добраться до секретов Ароновых довёл цесаревича до истерики. Он угрожал положить конец эксперименту, уничтожить всё, что Аркадий создавал долгие годы.

Если его экспансия провалится, если старый император приструнит своего отпрыска... Любой вариант сулил проблемы. Нет у него месяца.

— Как только завершатся работы, мы приступим к делу, — холодно процедил Куропатов, снова повернувшись к вихрю. — Я возьму эту силу, любой ценой.

— Безумец... — тихо прошептал магистр.

Умиравший безумец. Терять Аркадию нечего, что станет с империей в случае неудачи его не волновало. Жадность привела его сюда. Отчаянные попытки стать сильнее, смелые эксперименты... У него нет пути назад.

Больше книг на сайте - Knigoed.net